

МАЙ-ИЮНЬ
1999 **5-6**

литературно-художественный
и краеведческий журнал

ЧЕРЕМШАН

В номере:

Фотовернисаж
В.Пчелинцева,
В.Зиновьева и
старых мастеров
«МЕЛЕКЕССКИЕ
ДИВЫ»

ЧЕРЕМШАН

май-июнь

1999

Литературно-художественный
и краеведческий журнал
Димитровградской горадминистрации
и Димитровградского отделения
Союза писателей России

ПОДА

"МЕДЕКЕО"

В НОМЕРЕ:

Феликс Касимов. «История несостоявшейся дуэли».

Очерк. 3

Василий Коробков. Стихи. 7

Ивану Хмарскому - 85! «Медая». Повесть. 11

Дебют. **Наиля Динуллова.** Эссе. 37

Дебют. **Геннадий Генераленко.** Рассказы. 41

Нонна Алиева. Новый цикл стихов. 54

Александр Никонов. «Сии преданья старины глубокой».

Сказы. 57

У Александры - юбилей! Порубежные стихи. 75

Вячеслав Первушин. «Dakota». Рассказ третий. 78

Евгений Ларин. 100 лепестков из книги любви. 111

Дмитрий Смольников. «Приключения беглого изуграфа».

Отрывок из романа. 137

Фотовернисаж «Черемшана». 158

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ:

**На наш журнал
можно подписаться
только в его
редакции, с любого
месяца. Стоимость
одного номера -
5 рублей. На год -
50 рублей.**

**Главный редактор Валерий ГОРДЕЕВ.
В выпуске принимали участие:
Компьютерный дизайн: Т.Царева.
Техническое оформление: А.Ефремов.**

**Редакция извещает о том,
что с согласия авторов их
произведения временно
публикуются на
безгонорарной основе.**

**Компьютерное
обеспечение редакции
«Димитровград-панорама»**

© «Черемшан» 1999

Адрес редакции: 433510, Ульяновская обл., г.Димитровград, ул.Юнг
Северного флота, 107. Телефон: 3-11-50.
Сдано в набор 17.07.99. Подписано в печать 17.08.99. Формат 60х90/16.
Усл. печ. л. 10. Печать офсетная. Тираж 300 экз. Заказ № 4295
Цена свободная. Отпечатано в Димитровградской гортипографии,
433510, Ульяновская обл., г.Димитровград, ул.Юнг Северного флота, 107.

ЗАПИСКИ УРАНИТЕЛЕЙ

**Владелец села Никольского
мог убить Пушкина
раньше Дантеса**

ИСТОРИЯ НЕСОСТОЯВШЕЙСЯ ДУЭЛИ

Феликс КАСИМОВ

Село Никольское, стоящее на берегу Черемшана в 50-ти километрах от Димитровграда, основано в 1706 году. В то время оно входило в Черемшанскую волость, принадлежавшую знаменитому А.Д.Меншикову. После ссылки и смерти влиятельного князя его черемшанские владения перешли к другому сподвижнику Петра I Антону Дивьеру. В середине XVIII столетия село приобрел известный симбирский миллионер И.Б. Твердышев. В Никольском он воздвиг замечательную усадьбу с каменными флигелями, отличным манежем и конным заводом; еще была построена церковь, устроен парк с прекрасным садом и оранжереями. Затем владельцем стал богатый симбирский помещик Н.А.Дурасов, при котором село стало

центром местной усадебной культуры. Гордостью хозяина был собственный театр, где играли крепостные актеры.

Наконец в 20-х годах XIX века село Никольское с соседними деревнями (всего 26000 десятин) было куплено семейством Сол-

логубов, об одном из которых - В.А. Соллогубе - пойдет речь в этой заметке.

Граф Владимир Александрович Соллогуб (родился в 1813 году) был достаточно известным литератором. В частности, после гибели М.Ю. Лермонтова Белинский ставил его на второе место среди современных писателей - сразу за Гоголем, хотя многие придерживались совершенно иного мнения. В Никольском Соллогуб бывал неоднократно, оставаясь иногда на все лето. Именно здесь

написаны некоторые его произведения. Последний раз он приезжал сюда в 1881 году, за год до смерти.

Зимние месяцы Соллогубы обычно проводили в Петербурге, куда съезжалось все высшее общество. Бывал там, конечно, и Пушкин, с которым молодой В. Соллогуб встречался мало, но, по его словам, «смотрел на него как на полубога». В конце 1835 года между ними произошла нелепая ссора, едва не приведшая к дуэли. Все началось на одном из вечеров, где Соллогуб общался с женой поэта, Натальей Николаевной. Во время беседы она довольно едко шутила над недавним романтическим увлечением графа и его несостоявшейся женитьбой. В ответ Владимир Александрович в том же шутовском тоне спросил:

- Давно ли вы замужем?

Очевидно, он хотел напомнить молодой женщине, что и она не так давно испытывала такие же романтические чувства. Однако местные сплетники все совершенно исказили и преподнесли Пушкину как дерзкое оскорбление. Поэт не разобрался, вспылал и тут же письмом вызвал Соллогуба на дуэль. Дело осложнилось еще и тем, что письмо не дошло до адре-

сата, и Соллогуб, ничего не знающий о вызове, уехал по служебным делам в Ржев, а затем в Тверь. Создавалось впечатление, что он уклоняется от поединка, и это обстоятельство представляло его в очень невыгодном свете. Лишь спустя некоторое время все выяснилось, и соперники обменялись новыми посланиями.

Пушкин писал: «...Вы позволили себе невежливость относительно жены моей. Имя, вами носимое, и общество, вами посещаемое, вынуждают меня требовать от вас сатисфакции за непристойность вашего поведения. Извините меня, если я не смогу приехать в Тверь до конца настоящего месяца...»

Владимир Александрович, оставаясь в Твери, стал готовиться к поединку; купил пистолеты, выбрал секунданта, привел бумаги в порядок и стал ждать приезда Пушкина. Прошло три месяца, а его все не было. Весной Соллогуба по служебным делам срочно направили в Витебск и, по роковому или, может быть, по счастливому совпадению, сразу после его отъезда Пушкин прибыл в Тверь. Вновь могло показаться, что граф Соллогуб трусливо избегает дуэли. Понимая это, молодой Владимир (ему было всего 23 года) бросил все дела и помчался в Москву, куда уже успел вернуться поэт.

Объяснение состоялось в доме Нащекина. Договорившись об условиях дуэли, они затем начали спокойный разговор на литературные темы, как бы забыв о предстоящем поединке. Никто из противников не испытывал вражды к другому и не стремился к кровавой развязке. Как писал в своих воспоминаниях Соллогуб, он «твердо решил не стрелять в Пушкина, но выдерживать его огонь, сколько ему будет угодно». Пушкин тоже не хотел убивать молодого человека, гнев его давно прошел, но в тоже время нельзя было и отменить вызов «во избежание какой-то светской молвы». Вся сложность состояла в том, как выпутаться из этой глупой истории, не уронив своего достоинства. Тем более, что разговор проходил в присутствии П.В.Нащокина, который должен был быть секундантом поэта.

И выход нашелся. По обоюдному согласию Соллогуб написал Наталье Николаевне «прекудрявенькое французское письмо», что можно было истолковать, как некое извинение. Обрадованный Пушкин взял это послание и тотчас же в знак примирения протянул графу руку. Случилось это в мае 1836 года. До трагической смерти поэта оставалось меньше года.

В своих воспоминаниях В.А.Соллогуб подробно описывает эту историю, сопоставляя ее с будущей роковой дуэлью Пушкина. По его словам, «она служит прологом к кровавой драме

его кончины; она объясняет, как развивались в нем чувства тревоги, томления, досады и бессилия против удушливой светской сферы, которой он подчинялся».

Да и сам Пушкин прекрасно все понимал. «Неужели вы думаете, что мне весело стреляться, - говорил он, - да что делать? Я имею несчастье быть общественным человеком, а вы знаете, что это хуже, чем быть публичной женщиной».

Надо сказать, что после несостоявшегося поединка Соллогуб, несмотря на разницу в возрасте, очень сблизился с Александром Сергеевичем; отношения их стали почти дружескими. То самое «прекудрявенькое письмо» Пушкин не стал передавать жене и, скорее всего, уничтожил; ведь оно было нужно лишь как повод к примирению.

Со своей стороны В.А.Соллогуб долго хранил упомянутое выше письмо великого поэта, приглашавшее к дуэли. Он часто брал его с собой в дорогу и в конце концов потерял; по его воспоминаниям, это письмо кто-то взял у него «едва ли не в Симбирске».

К 50-летию писателя-земляка **Василий КОРОБКОВ** **БЫЛ Я И КРАСИВЫМ, И БОГАТЫМ**

ЗА ВЕРСТОЙ УБЕГАЕТ ВЕРСТА

*Отшумела весна
озорными ветрами
И зеленой листвою
зашумели родные леса.
Молодая душа
Богу молится в храме,
Молодая душа
ищет дверь в небеса.
Что ты шепчешь, родная
перед старой иконой,
Что ты смотришь с надеждой
на Иисуса Христа.
Наша жизнь на земле -
это есть суета беспокойная,
Где опять в никуда
за верстой убегает верста.
Отшумела весна
озорными ветрами
И леса на Руси
зашумели зеленой листвою.
Молодая душа
тихо молится в храме
И мечтает она
в этом мире быть вечно живой.*

*Пора, мой милый друг, пора
И нам искать уединенья.
И необычным привиденьем
Блуждать в туманности утра.*

*Пора, мой милый друг, пора,
Оставив грешные заботы,
В плену березовой дубравы
Сидеть в раздумье у костра.*

*Пора, мой милый друг, пора
Просить прощенья у Бога.
К нему печальная дорога
Не знает блеска серебра.*

*Пора, мой милый друг, пора,
Раздав нехитрые пожитки,
Раскрыв скрипучую калитку,
Уйти навечно со двора.*

Я СЕГОДНЯ БОЛЕН

*Я сегодня болен, очень болен.
Жить осталось мне четыре дня.
Я судьбой своею недоволен -
Счастье убежало от меня.*

*Был я и красивым, и богатым,
Счастье в жизни на лету ловил.
Но зачем я винным суррогатом
Душу свою нежную травил?*

*Я сегодня болен, очень болен.
Жить осталось мне четыре дня.
И судьбой печальной недоволен -
Счастье укатилось от меня.*

*Был и я когда-то очень нежный,
Нежных женщин искренне любил.
Н характер мой, всегда мятежный,
Наше счастье вдребезги разбил.*

*Я сегодня болен, очень болен.
Жить осталось мне четыре дня.
И судьбой печальной недоволен -
Счастье отвернулось от меня.*

Был и я когда-то непоседой:
Окунался по уши в росу,
Тайно воровал жену соседа
И тайком любил ее в лесу.

Я сегодня болен, очень болен.
Жить осталось мне четыре дня.
И судьбой печальной недоволен -
Нету в жизни счастья для меня.

Канарейку посадили в клетку,
для забавы сунули ей ветку.
На столе у самого окна
в тесной клетке умерла она.
Ну а я в двухкомнатной квартире,
персонажем для смешной сатиры,
не во сне, не в сказке - наяву
много, много лет уже живу.
Каблуками по асфальту стукая,
в городе живу с великой мукою.
И опять домой несу лапшу -
вот о чем сегодня я пишу.
Раз в году я кушаю лимончики,
снятся мне куриные бульончики,
снятся мне копченые изделия,
и летит неделя за неделю.

Телевизор от тоски включаю,
душу грею иностранным чаем.
Сахарочек, по талонам выданный,
кажется диковиной невиданной.
Вечерами я хочу рагу,
но купить я мяса не могу.
Килограмм на душу населения -
перестройки новое мышление.
Зарубите, люди, на носу:
в месяц раз берите колбасу,
и не будет в теле ожирения -
вот о чем мое стихотворение.

В ОБРАЗЕ ДОН КИХОТА

Очень много грусти в осени печальной.
В этой жизни горькой я живу случайно.
Что-то часто очень плакать мне охота:
Потому что снится образ Дон Кихота...
Я куплю лошадку и в кузнечном цехе
Закажу подковы, закажу доспехи.
Закажу ребятам сделать меч широкий
И примусь по свету шастать одиноко.
Буду защищать я в этой жизни бедных.
Будут чай варить мне в самоварах медных.
А людей нечистых, без стыда, без чести,
Если повстречаю -
загрызу на месте.

Ивану Дмитриевичу Хмарскому - 85 лет!

Редакция журнала рада присоединиться ко всем торжественным словам, которые высказываются в адрес юбиляра. Иван Дмитриевич не только наш земляк, но и самый родной человек для всей мелекесской литературы. Основоположник городского литературного объединения «Черемшан». Человек художественно одаренный, с неиссякаемым творчеством, просветитель с большой буквы, которого знают, помнят и уважают в Димитровграде.

На этой долгой жизненной дистанции у Хмарского как бы открылось второе дыхание. Он и сегодня полон жизнеутверждающей энергии, новых творческих замыслов. Все было за эти 85 у Ивана Дмитриевича. Учеба в художественном, химико-металлургическом, литературном учебных заведениях, фронтовые годы, интересная работа за рубежами нашей родины, педагогическая деятельность, литературные удачи, многие живописные выставки...

Дай Бог, чтобы мы не в последний раз наслаждались прозаическими новинками старейшего литератора Ульяновской области. Здоровья и бодрости, творческого духа, высокой гражданственности и счастья Вам, Иван Дмитриевич!

Всегда Ваши поклонники и друзья - мелекессцы.

На снимке из архива: идет одно из первых заседаний литобъединения «Черемшан» (1956г.); слева направо: И.Хмарский, Евг.Ларин, Ю.Кузьмин, Эл.Дементьев, Ю.Киселев, П.Безяев, В.Белов, Г.Зимняков, Я.Рогачев.

МЕДЕЯ

Повесть

- Капитан, как насчет того, чтобы прокатиться завтра в Винер-Нойштадт?

Невысокий, плотный полковник Березин остановил Георгия Теплова на роскошной лестнице отеля «Империял», где располагалась советская военная администрация в Вене, и дружески сжал ему локоть.

- А что я там забыл, Иван Данилович? - спросил Теплов, который не подчинялся по службе полковнику и держался с ним запросто.

- Послушаем, что обещают кандидаты перед выборами в парламент. Заодно, если хотите, поохотимся на зайцев. Говорят, в полях их полно.

- И на сколько дней?

- Думаю, за пару суток обернемся.

- Ну что же, съездим... - помедлив согласился Теплов.

- Так завтра утречком я за вами заеду.

- Договорились.

- Лады.

Березин бодро зашагал вверх, легко неся свое сбитое тело, а Теплов медленно спустился к выходу. На завтрашний день у него

были свои планы, в том числе встреча со знакомой в парке Шенбрунн, особенно красивом зимой, но он догадался, что за внешне беспечным приглашением Березина, работавшего в особом отделе, скрывалась его озабоченность предстоящими выборами. В Москве надеялись на победу кандидатов от австрийской компартии, но здесь, в Вене, становилось все более ясно, что шансы имеют даже не социалисты, а «народники», которых поддерживали американцы и англичане. Видимо, Березину нужен был компаньон, хорошо знающий немецкий язык, чтобы не пропустить какие-то тонкости предвыборной борьбы.

Георгий Теплов по отцу был русский, по матери - немцем. Вырос он в «столице» немцев Поволжья - Энгельсе, в паспорте у него стояло: «русский», и только благодаря отцу семья его не разделила участь большинства соседей, высланных в начале войны в места не столь отдаленные. Но все же в органах безопасности знали о его немецких корнях, и по службе он продвигался со скрипом. Некоторые его одногодки закончили войну подполковниками и даже полковниками, а он так и застрял в капитанах.

Выйдя из отеля, Георгий неторопливо пошел по Рингу в направлении разрушенного здания оперы, раздумывая, как ему лучше известить свою даму сердца о том, что свидание откладывается. Работала она переводчицей во французском секторе Вены, так что проще всего было доехать до здания администрации, позвонить девушке из проходной и обо всем договориться, но он подозревал, что и за ним, и за нею уже могли следить: за ним скорее всего человек Березина, за нею - кто-то из французской разведки, и поэтому разумнее там не появляться. «Вот идиотизм! - возмущался он про себя. - Три года я провоевал в разведке и каждый раз, отправляясь на задание, рисковал жизнью. Но мне все еще не доверяют. Да если бы я задумал изменить своим, то смог сделать это десятки раз. В том числе здесь, в Вене. Сам Березин знает, что все это чушь собачья, но поступить по другому не может, потому что над ним тоже есть «око», и это «око» требует, чтобы все, кто общается с нашими союзниками, были под наблюдением».

После некоторых колебаний Георгий все же доехал на трамвае до резиденции французской администрации, остановился около ворот, вырвал из блокнота листок и черкнул на нем короткую записку: «Лиза, я уезжаю на двое-трое суток из Вены. Встретимся через неделю на заседании союзнического Совета». В проходной попросил передать листок мадмуазель Элизе Муравлевой и вернулся к себе в Гранд-отель, где занимал большой, красиво обставленный номер.

С Лизой он познакомился еще летом при довольно забавных обстоятельствах. После очередного заседания союзнического Совета, на котором дежурила французская сторона, по обычаю был устроен фуршет. Девушки-француженки, говорившие по-английски или по-русски, выполняли обязанности официанток: разносили бутерброды, бокалы с коктейлями и вермутом, прибирали на столах, уставленных закусками, и при этом обворожительно улыбались, создавая атмосферу особого, французского шарма. Теплов и Березин остановились с тарелочками в руках около одного из таких столов, не спеша закусывали, стараясь не уронить вилку, и негромко переговаривались насчет того, что стоя есть, конечно, можно, но все же было бы лучше, если бы в зале поставили несколько высоких столиков. Георгий, призванный на фронт с третьего курса спортивного факультета, выделялся своим атлетическим сложением и деревенским румянцем даже среди крепких американских парней, специально подобранных на показ для Европы, и уже не раз ловил на себе взгляды девушек из obsługi. Но вел себя предельно осторожно, зная, что при первом же промахе его отзовут из Вены и направят служить в какую-нибудь глухомань в России. А уезжать отсюда ему не хотелось: помимо бытовых удобств, каких не будет дома, и оклад у него был солидный, так как в отделе по работе с населением он занимал полковничью должность.

Неожиданно около них остановился немолодой офицер под хмельком в звании подполковника. На чистом русском языке рекомендовался:

- Извините за вторжение. Штабс-капитан российской императорской армии Павел Михайлович Муравлев! Прошу любить и жаловать. Хочу выпить с соотечественниками за нашу победу.

- С удовольствием, - отозвался Березин, поднимая бокал. Георгий слегка поклонился.

- Когда-то и я был вот таким же красавцем, - указал на него Муравлев. - Ну, может быть, и не совсем таким, но молодым был...

- Давно служите во французской армии? - спросил Березин.

- С первых дней войны.

- А до этого?

- Занимался коммерцией, играл на бирже, вообще, как говорят у вас, вертелся.

И довольно успешно, хотя из дворянского сословия.

Во всяком случае бедствовать не приходилось.

- В России с тех пор так и не побывали? - поинтересовался Георгий.

- Нет, капитан. Страшно хочется, но увы... - Он горестно раз-

вел руками. - Грешен, воевал против буденновцев... А эта мило-видная девица - моя дочь. - Муравлев кивнул в сторону девушки в передничке с подносом в руках. - Дома говорю с ней только по-русски, чтобы не забывала родину. Лиза, подь сюда!

Лиза подошла, стрельнула взглядом в сторону Георгия и по-русски поздоровалась. Была она далеко не красавицей, но что-то в ее слегка вздернутом носике, задорных карих глазах, а, главное, в том обаянии женственности, которое, как и музыка, не поддается описанию, показалось Георгию настолько притягательным, что он подумал: жалко, она иностранка, а то бы можно было за ней приударить.

- Посмотри, дочка, какие перед тобой орлы! - продолжал Муравлев.

Настоящие русские офицеры! Вот для тебя случай попрактиковаться в русском языке. Можешь пригласить того, что помоложе, в кино. Разрешаю как отец.

- Ну ты, папа, даешь! - смело отозвалась Лиза, снова окинув Георгия взглядом.

- Ого! - удивился он. - Вполне современная русская речь.

- Так как насчет кино? - вызывающе спросила она. - Не боитесь, что завербую?

- Не боюсь. - Георгий мельком взглянул на Березина. - С удовольствием принимаю ваше приглашение.

Они начали встречаться. Ходили вместе в кино, посещали концерты, отдыхали в кафе, гуляли в Штаттпарке, Пратере, Шенбрунне. Не раз он добродушно подтрунивал над ее русским языком, в котором старинные обороты перемежались с вполне современными словечками. Но она не обижалась, а лишь грозила:

- Посмотрим, как ты будешь говорить по-французски.

Как-то в Штаттпарке они увидели группу молодых американских офицеров, как видно, недавно приехавших в Вену. Все, как на подбор, упитанные здоровяки в темно-зеленых френчах и бежевых брюках, туго обтягивающих зады.

- Сразу видно, из богатеньких, - заметил Георгий. - И вряд ли нюхали пороха. Скорее всего, отсиделись где-нибудь в тыловых конторах. А тебе, поди, они нравятся?

- Нравятся! - вызывающе тряхнула она своей коротко прической. - Крепкие, беззаботные, веселые. Но какие толстожопые!

- Как ты сказала?! - Откинув назад голову, он залился смехом.

- Опять я что-нибудь сморозила? - улыбнулась она. - Это слово не для печати?

- Не совсем....

- А папа их так называет, - простодушно пояснила она. - Я вульгарна, да?

- Ты просто хулиганка. - Георгий притянул ее к себе, наклонился и чмокнул в щеку.

Но чаще всего они беседовали о чем-нибудь серьезном и постоянно возвращались к одному и тому же предмету - к России. Она почти не употребляла название «СССР», а называла Советский Союз по-старинному. Ее интересовало все: чему обучают в школах и вузах, какими играми увлекается молодежь, сколько получают рабочие и профессора, за что отправляют людей в тюрьмы и лагеря. Как-то, когда они отдыхали на скамейке в Шенбрунне, он сказал:

- Я чувствую, что твой отец искренне любит Россию и страдает от того, что не может вернуться домой. А как ты? Ведь ты французенка. Наверное, ты никогда не сможешь полюбить родину отца так, как любит он?

Она долго и серьезно всматривалась в его лицо.

- Я тоже ее люблю. Но по-книжному... Как бы это тебе объяснить? Вот в Париже у меня есть друзья: Антуанетта, Пьер, Жак... Все они для меня живые люди со своими характерами, привычками, увлечениями, недостатками. А тебя я увидела впервые на том фуршетте и сказала себе: это Владимир Дубровский! Потому что с детства меня окружали книги Пушкина, Тургенева, Толстого. И русскую природу, и людей, и вещи я вижу их глазами. Например, когда немцы напали на Россию, я сразу же вспомнила Андрея Болконского.

- А не Дубровского?

- Для Болконского ты слишком румяняный. - Она притронулась пальчиком к кончику его носа. - А потом выяснилось, что ты вообще не чистый русский, а немножко немчик. Какой-нибудь Герман... Стоит ли с тобой связываться? Ну-ну, не обижайся. Ты для меня сейчас все вместе: и Россия, и Франция. Только не возгордись! - Она сжала его виски своими холеными пальчиками, приблизила голову к себе и нежно коснулась губами его рта. Георгия обволокло ароматом каких-то тонких духов, голова закружилась, и он захотел сжать ее в объятиях, но она быстро отстранилась, обронив короткое слово:

- Люди...

Две недели назад она все же пригласила его к себе, в двухкомнатный гостиничный номер, когда отца не было дома. Они уселись на диван и начали целоваться, но как только он попробовал расстегнуть пуговицы ее блузки, она хлопнула его по рукам и встала.

- Ну-ну, какой быстрый! Вот поженимся, тогда сколько угодно.

О замужестве она заговаривала все чаще и с такой увереннос-

тью, как будто никаких препятствий не существовало, а осталось только зарегистрироваться.

- Я знаю, ты меня любишь, а я от тебя без ума, - сказала она совсем недавно. - Нам надо что-то решать. Папа хочет с тобой побеседовать. Приходи к нам в воскресенье на чай.

Он пришел. Принаряженная Лиза ушла в свою комнату готовить закуску, а Георгий и Муравлев, выпив по стопке коньяка, приступили к беседе.

- Можно, я буду звать вас по имени, Жорж? - спросил подполковник.

- Конечно.

- Вы, наверное, догадываетесь, зачем я вас пригласил. Боюсь, что у вас и у Лизы это серьезно. Настолько серьезно, что она и слышать не хочет ни о ком другом, хотя в Париже у нее есть на примете один юноша из очень приличной семьи. Я не против, Жорж, но ведь перед вами кирпичная стена. Ее не перепрыгнешь. Если даже Лизе разрешат уехать с вами в Россию, то на своей карьере вы можете поставить крест. А во Францию вас не выпустят ни за какие коврижки. Что делать? Ке фер? - как говаривал один русский генерал-эмигрант в Париже. - Фер-то ке?

- Не знаю, - помрачнел Георгий. - Одно могу сказать: Лиза - это моя судьба.

- Ах, я старый дурак! Зачем я вас тогда познакомил?

- Не надо об этом, Павел Михайлович. Если здесь нам не разрешат, увольняюсь из армии и напишу просьбу в Верховный Совет.

- Да вы, батенька, идеалист.

Вошла Лиза.

- Что это мои мужчины приуныли? - спросила она, увидев их озабоченные лица. - Все будет о кей, как говорят американцы. Папа, вот мой будущий муж! Благослови нас. - Она прильнула к Георгию и заглянула ему в глаза.

- Да ведь икона в этих случаях нужна, - растерялся отец. - И потом, твой будущий муженек скорее всего не верит в бога... Но так и быть: благословляю! - Он перекрестил их трижды и расцеловал.

«Как в кино о старом режиме, - подумал Георгий, но ничем внешне не выказал своего иронического отношения к этим ветхозаветным, по его понятиям, обычаям, а сохранил серьезность и почтительность. - Дворяне, что с них взять?»

В Винер-Нойштадт он и Березин выехали на рассвете. Обычно полковник ходил в Вене в штатском, но сейчас он сидел за рулем трофейного «Оппеля» в полушубке с погонами и высокой каракулевой папаше, величественный, как русский боярин шестнадцатого века.

- Едем как официальные представители нашей администрации, - ответил он на вопросительный взгляд Теплова, - поэтому явимся при всем параде. Как дела на любовном фронте?

- А никак.

- Чем же вы занимаетесь при свиданиях?

- Обсуждаем международное положение.

- А если серьезно?

- Смотрим фильмы, слушаем музыку, гуляем на свежем воздухе.

- И что дальше?

- Думаем. Вместе...

- Жениться вам пора, капитан. И на русской девушке.

- Пора. Так она русская и есть.

- Эге, как вас разобрало! - Березин повернул к нему голову и с пытливым недоумением скользнул по лицу Георгия. - Не ожидал...

Ну ладно, об этих забавах потом, а сейчас о главном. Завтра вечером в городском кинотеатре Винер-Нойштадта пройдет дискуссия кандидатов от трех партий. Прошу особенно внимательно прослушать выступление коммуниста Хольцера и присмотреться к залу. Как его будут воспринимать? Если будут вопросы, постарайтесь запомнить, а еще лучше - запишите.

- Хорошо, - рассеянно согласился Георгий, продолжая думать о Лизе.

Остальную часть пути они больше молчали, изредка перебрасываясь дорожными замечаниями. Березин уверенно и легко вел машину, придерживая руль одной рукой.

Георгий поневоле залюбовался его ладными движениями и в то же время старался понять, что означает намек полковника поговорить о «забавах».

Березин ему нравился. По крайней мере, внешне он не походил на тех вечно заспанных и угрюмых особистов, каких ему приходилось встречать на фронте. Всегда тщательно выбритый, подтянутый, по-европейски одетый, он скорее походил на дипломата или крупного чиновника, и только грубоватая речь, пересыпанная чисто мужскими словечками, выдавала в нем эту чисто внешнюю интеллигентность. В Вене он занимал половину богатого особняка с виноградником, принадлежавшего сбежавшему гитлеровскому генералу, частенько устраивал для своих сослуживцев и друзей

застолья с обильной выпивкой, не реже одного раза в месяц выезжал в горы охотиться на диких коз и вообще вел жизнь хлебосольного русского вельможи.

К Георгию, как к бывшему разведчику, свободно говорившему по-немецки и с грехом пополам по-английски, он несколько раз обращался с деликатными просьбами: то съездить в английскую зону в лагерь перемещенных лиц, то сопровождать американских полицейских, искавших где-то в горах своего дезертира, то познакомиться с известным журналистом, прилетевшим из США, и узнать, что его интересует в Вене. Георгию такие поездки и встречи были интересны сами по себе, и он охотно выполнял эти просьбы, нисколько не считая себя агентом.

Перед въездом в город молчавший до этого Березин вдруг проговорил:

- А с этой мамзелькой советую вам, капитан, закружиться. На хрена попу гармошка?

Георгий ничего не ответил. В тихом и малолюдном по сравнению со столицей Винер-Нойштадте они остановились перед зданием комендатуры. Перед тем как выйти из машины, Березин сказал:

- Советую познакомиться с секретаршей коменданта. Зовут ее Галей. Она здесь уже пятый год и знает в городе всех собак.

- Из наших? - удивился Георгий.

- Да. Немцы угнали из Днепропетровска в сорок первом на работу. Сначала вкалывала на фабрике, а потом устроилась служанкой в семью хозяина.

- Почему же она не возвращается домой?

- А чем ей здесь плохо? Дома еще не известно, как к ней относятся, а тут она под крылышком коменданта в тепле и сытости. Плюс перспектива выйти замуж за майора - холостяка. Учтите это и не пытайтесь заводить с ней шуры-муры. Он ревнив как черт.

- Почему же не женится?

- На угнанной? И хочется, и колется... Живут в гражданском браке. Ну пошли.

В приемной коменданта за столом с папками и бумагами сидела чернобровая круглолицая блондинка, в которой Георгий сразу же признал Галю, а поодаль, около окна, курила сигарету высокая, худая девушка, поразившая его мрачным выражением красивых серых глаз на темном лице.

- Гутен морген! Принимайте гостей! - разбитным тоном сказал Березин. - Галя, майор у себя?

- Да. Проходите, товарищ полковник. Капитан с вами?

- Со мной, красавица, со мной. Познакомьтесь. Между прочим, шпыхает, как настоящий немец.

- Очень приятно. Я давно мечтаю встретить такого офицера...

- Для чего?

- Скажу потом... - Галя с загадочной улыбкой взглянула на Георгия.

Комендант, серьезный мужчина в летах, с жесткими складками смуглого лица, узнав, зачем они приехали, выписал обоим направление в гостиницу, выдал талоны в столовую и пообещал содействие, если понадобится его помощь.

- Что это у вас приемной за девица? - спросил Березин. - На просительницу вроде не похожа.

- А, это подруга Галины, дочка директора бумажной фабрики. Бертой зовут. При немцах Галя у них служила домработницей, вот и сдружились. Особенно после того, как отец сбежал перед приходом наших.

- Погодите, не та ли, из-за которой судили нашего лейтенанта?

- Та самая... Тут вот какая история вышла... Перед тем, как в апреле в город вошли наши, она и Галя решили про всякий случай спрятаться у соседей на чердаке, чтобы переждать первые дни. А мать Берты осталась в доме одна... И кто-то из наших солдат, видно, по пьянке ее изнасиловал... Когда Берта об этом узнала, то от этого потрясения слегла в больницу. Нервное что-то. А выздоровела, опять попала в новую историю: пошла прогуляться вечером в парк, и там к ней начал приставать наш летчик. Тоже пьяненький.

Она подняла крик, впала в истерику, прибежали патрульные, сообщили мне, и пришлось этого дурака задержать. Судили в полку офицерским судом чести и отправили домой, хотя ничего серьезного не было.

- А того подонка так и не нашли? - спросил Георгий.

- Где же? Тут тысячи прошли.

- Спасибо за информацию, майор, - бодро сказал Березин. - Как охотничьи дела? Привозите зайчишек?

- Попадаются.

Они вышли от коменданта. Сероглазая Берта по-прежнему стояла у окна и, увидев Георгия, так и впилась в него своим раскаленным взглядом. «На кого-то она очень похожа, - старался он вспомнить, пропуская вперед Березина. - Совсем недавно встречал...» И вдруг его озарило: да ведь это дочь колхидского царя Медея, которую мы с Лизой недавно видели в театре. Та, что убила своих детей, чтобы отомстить изменившему ей мужу. Ну и ну...» Он внутренне поежился, словно от суеверного предчувствия, и заспешил к двери, но его окликнула Галя:

- Капитан, можно вас на минутку!

Он обернулся.

- Слушаю вас.

- Вы не могли бы выбрать время, чтобы побеседовать с моей подругой?

- О чем?

- Она вам скажет сама.

- Где и когда?

- Приходите сегодня вечером в кинотеатр на восьмичасовой сеанс. Мы там будем обе.

- Хорошо. - Он кивнул Гале и добавил по-немецки Берте: - До вечера!

Она выслушала его с тем же непроницаемо мрачным выражением и лишь едва кивнула.

В гостинице Георгию отвели крохотную прохладную комнатенку. Зашел Березин.

- Если здесь не понравится, можешь на ночь поселиться в моем номере, хотя там не теплее, - предложил он. - А я смотаюсь к летчикам и заночую там.

- Спасибо! Как-нибудь перебыюсь под шинелью.

- Ну тогда до завтра!

Весь день до вечера Георгий знакомился с городом, а в половине восьмого отправился в кинотеатр. Вошел в заполненное людьми фойе и сразу оказался в центре внимания толпы, так как был единственным посетителем в военной форме. Купив билет, он отошел в сторонку к стене, стараясь быть по возможности незаметнее. В фойе вошли Галя и Берта и тотчас направились к нему. Он сразу же заметил, что Берта тщательно готовилась к этому свиданию, подкрасила себе ресницы и губы и уже не казалась ему той мрачной дочерью колхидского царя, какую он встретил у коменданта.

- Я рада, что встретила хоть одного советского офицера, с которым могу говорить без переводчика, - сказала она с каким-то многозначительным выражением.

- Боюсь все же, мой немецкий бедноват, - ответил он, глухо намекнув на то, что есть вещи, которых бы ему не хотелось касаться.

- Немножко книжный, но вполне терпимый. Галя вам сказала о том, что это я просила о встрече с вами?

- Да. Вы хотели меня о чем-то спросить?

- Скорее, кое-что вам рассказать...

- Так ли это необходимо?

- Мне - да!

Галя мягко коснулась ее руки, словно успокаивая подругу.

- У меня к вам просьба, - обратилась она к Георгию. - Проводите после сеанса Берту домой. Она боится возвращаться одна...
- Вы думаете, ей будет приятна моя компания?
- Вы ей очень понравились.
- После всего, что случилось с ее матерью?
- Ей хочется выговориться...
- А не окажусь я в положении того лейтенанта, который пытался за ней ухаживать?
- Так вы уже все знаете? Нет-нет, там было совсем другое...
- Ну хорошо, - помедлив, согласился он и обратился к Берте по-немецки:
- Берта, позвольте проводить вас после сеанса домой.
- Спасибо! Но это довольно далеко.
- Что же, прогуляемся по морозцу.

Раздался звонок, они вошли в зал и заняли свои места. Показывали французский фильм с немецкими титрами, снятый по новелле Мопассана, о том, как денщик генерала узнал о тайных свиданиях его жены с любовником-офицером и начал шантажировать хозяйку, домогаясь ее любви. Несчастная предпочла покончить с собой, вскрыв себе вены в ванне, а ее муж, узнав правду, убил своего денщика.

Георгий без особого волнения вникал в эту историю, продолжая гадать, что означает желание Берты с ним познакомиться, и правильно ли он поступил, согласившись ее провожать. На экране прогрохотал генеральский пистолет, денщик, здоровенный и нахальный парень, упал, в зале включили свет, зрители начали подниматься. Словно опасаясь, как бы Георгий не улизнул, Галя сразу же подошла к нему.

- Не забыли о моей просьбе?
- Нет, хотя я предпочел бы проводить вас...
- С удовольствием бы, но не могу...
- Комендант?
- Муж, - уточнила она.
- Ну что же, пойдёмте.
- Будьте с ней поласковее.
- Постараюсь.

Они втроем вышли из кинотеатра. Галя простилась и пошла к своему майору, а Берта, взяв под руку Георгия, повела его по боковой пустынной улице к себе.

- Как вас зовут? - спросила она.
- Георгий.
- Красивое имя, но слишком воинственное.

- Вы легко одеты, - сказал он, заметив, что она поеживается в своем элегантном осеннем пальто.

- У меня была шубка, но пришлось ее продать. Ведь я не работаю.

- А ваша мама?

- Тоже. Нашу фабрику разбомбили...

- На какие же средства вы живете?

- Кое-что нам оставил отец, кое-что продаем. Какнибудь продержимся до весны, а там я поищу работу в Вене. Здесь с этим трудно.

- Может быть я смогу вам помочь?

- Как?

- У нас работает много местных женщин. В хозяйственной части, в ресторане... Хотя вы, наверное, не привыкли к такому труду.

- Где я могу вас найти?

- В самом центре, в Гранд-отеле. У меня там номер на третьем этаже. Вот моя визитка. - Он достал из мундира плотную карточку, которую недавно заказал себе в типографии по примеру других офицеров.

- Спасибо! Я подумаю...

Высоко в небе сияла полная луна, было тихо, приятный морозец прищипывал ему щеки, но Георгий продолжал испытывать беспокойство, как будто в домах по сторонам кто-то затаился и подкарауливает его, неизвестно для чего.

- Вы не боитесь? - вдруг спросила она.

- Чего и кого?

- Например, меня?

- В войну я был разведчиком и не раз скручивал рослых немецких солдат, а вы такая худенькая...

- Я не о том. У меня есть причина ненавидеть русских солдат и офицеров...

- Я знаю.

- Кто вам рассказал? Галя?

- Нет, комендант.

- То, что вы не боитесь, - это хорошо. Не люблю трусов.

- Я тоже. Хотя в жизни приходится часто кого-то или чего-то бояться, каким смелым ты бы ни был... Нам еще далеко?

- Нет, до следующего квартала. Вы торопитесь в гостиницу?

- По правде говоря не очень. Там экономят на топливе.

- Тогда зайдемте к нам, выпьете кофе, согреетесь.

- Будет ли приятен такой гость вашей маме?

- Если я вас приглашаю, значит, все в порядке. Я ее уже предупредила, что вечером у нас будет русский офицер.

- Предупредили, еще не зная, соглашусь я или нет!

- Была уверена - согласитесь.

- Вы и до этого кого-нибудь приглашали? Я имею в виду наших военных?

Она резко выдернула свою руку и остановилась.

- Вам успели рассказать обо мне какую-нибудь гадость?

- Нет, но комендант упомянул об одном лейтенанте... Он что, действительно покушался на вашу честь? Или вы мстили за свою маму? - твердо выговорил Георгий, всматриваясь в ее бледное при свете луны лицо.

- Он пытался меня поцеловать. Разве этого мало? Оставим этот разговор, мне он неприятен.

- Пожалуйста.

- Ну вот мы и пришли.

Они остановились у двухэтажного особняка, окруженного деревьями. Внизу светилось два окна.

- Проходите, мама уже, наверное волнуется.

Пройдя к двери, она дважды нажала кнопку звонка и, заслышав шаги в коридоре, сказала:

- Это мы, мама.

Дверь открылась.

- Прошу, - пригласила в полумраке коридора закутанная в платок женщина.

Георгий, почему-то ожидавший увидеть больную старуху, мысленно присвистнул: в освещенной прихожей перед ним стояла цветущая дама сорока с лишним лет, скорее похожая на старшую сестру Берты, чем на ее мать. Красивые серые, как у дочери, глаза ее спокойно остановились на фигуре Георгия.

- Фрау Анна, - с достоинством представилась она. - Раздевайтесь, господин капитан, а я позабочусь об ужине.

Берта пристально всматривалась в мать и Георгия, пока они знакомились, и как только та вышла, заметила:

- У мамы завидное самообладание.

- А вы предполагали, что она должна наброситься на меня с палкой? Зачем же вы тогда меня пригласили?

- Нет, но все же... Пройдемте в гостиную, посмотрите, как мы жили до войны.

Они поднялись на второй этаж и вошли в просторный зал, обставленный дорогой мебелью. В углу стоял черный рояль.

- Вы играете? - спросил Георгий.

- Училась, как все девочки. Но в этом году почти не прикасалась. Особенно после бегства отца.

- Он что, был нацистом?

- Не по убеждениям. Тогда трудно было вести дела не члену партии.

- Но многие бывшие нацисты никуда не уехали, и их никто не трогает.

- Видите ли, на бумажной фабрике отца использовался труд рабочих с востока. Таких, как Галя. И он боялся, что его привлекут к ответственности. Вот он.

Она взяла с серванта фотографию и подала Георгию. Строгий чин в фуражке с высокой тульей мгновенно вызвал у него враждебное чувство, но он сказал:

- Как странно: еще вчера эта форма вызывала у меня только ненависть, а сегодня я могу спокойно беседовать с вами, дочью бывшего нациста, и у меня одно желание: поскорее забыть о том, что разделяло наши народы, начать нормальную жизнь без подозрительности и вражды. А какие чувства испытываете вы, Берта?

- К вам?

- Ко всем нам, русским?

- Единственное: чтобы вы поскорее уехали из Австрии и оставили нас одних. Но лично вам, Георгий, я доверяю.

- Спасибо!

- И доверяю настолько, что приглашаю вас остаться у нас на ночь. Уже поздно, в гостинице холодно, а у нас есть для вас удобная спальня. Рядом...

- Но что подумает ваша мама?

- Только то, что вы воспитанный человек и примете мое приглашение. Или вы все еще трусите?

«Интересно, что скрывается за этим насмешливым и дразнящим взглядом?» - думал он, оттягивая ответ. - Неужели ловушка? Но с какой целью?»

- А вы сами не боитесь? Ведь вы меня совсем не знаете.

- Не боюсь. Так как же?

- Что же, я согласен...

- Тогда спустимся в столовую.

Во время ужина фрау Анна спросила Георгия:

- Вы приехали по делу?

- Да...

- Капитан хочет, чтобы мы с тобой проголосовали за коммунистов, - перебила его Берта. - Чтобы у нас тоже были колхозы, а я под страхом наказания посещала комсомольские собрания.

- Берта! - мать укоризненно качнула головой.

- Ну не совсем так, - усмехнулся Герий. - Просто хочу узнать, кому из политиков здесь больше доверяют.

- Что касается меня, то ни одному, - снова заговорила Берта. - Все они карьеристы и рвутся к власти, заботясь только о своих выгодах.

- Не согласен, - возразил Георгий. - Но не будем говорить о политике, это скучно.

- А, по-моему, это как раз самая интересная тема. - Все более ожесточаясь, Берта отложила вилку и в упор уставилась в него обличающим взглядом; щеки ее покрылись красными пятнами. - Почему бы, например, не поговорить о том, как солдаты одной армии, называющей себя освободительницей, грабят и насилуют мирных жителей в завоеванной ими стране, и это проходит им безнаказанно!

- Берта! - уже страдальчески выкрикнула мать. - Прекрати сейчас же, иначе я уйду!

- Хорошо, мама, я умолкаю. Но я довольна, что смогла высказать это хотя бы одному офицеру этой армии.

«Так вот зачем ты меня сюда затащила. - Стараясь не вспылить, Георгий ответил не сразу. - Ну нет, этот номер у тебя не пройдет».

- Я мог бы многое рассказать о том, что творили гитлеровцы на нашей земле, - проговорил он наконец, не повышая голоса, - и о том, какие жертвы принесла наша армия, но среди миллионов честных людей всегда найдутся единицы грабителей, насильников и подлецов. И больше об этом ни слова!

- Я уже пообещала маме молчать. Вы ведь знаете, что сказанное не относится к вам лично.

- Спасибо за гостеприимство! - Георгий встал, подошел к фрау Анне и поцеловал ей руку.

- Мама, капитан попросил нас разрешить остаться на ночь. Уже поздно, и ему не хочется возвращаться в гостиницу, - сказала Берта, дерзко уставившись в глаза Георгию.

«Ну и стерва, - покрутил он головой. - Интересно, чего она добивается?»

- О, пожалуйста, - засуетилась фрау Анна. - Места у нас хватает. Сейчас я все приготовлю.

Она тут же пошла наверх, а Георгий начал помогать Берте убирать посуду.

- Только не злитесь, а то перебьете все чашки, а они из дорогого сервиза, - усмехнулась она.

- Постараюсь не разбить. Какой у вас прекрасный характер!

- Вы находите? Спасибо! Некоторые думают по-другому...

- Завидую вашему будущему мужу.

- В самом деле? А вы сами женаты? Хотя судя по тому, как умело моете посуду, - холостяк.

- Вы угадали. Но скоро женюсь.
- Здесь в Австрии?
- Да.
- Конечно на какой-нибудь Гале?
- Почти. Она русская, но живет во Франции.
- Хотела бы я посмотреть на это чудо.
- Почему чудо? Обыкновенная девушка.
- Какая-нибудь смиренная овечка?
- Вот уж нет.
- А я-то думала, вам нравятся только покладистые и покорные.
- Мне нравятся всякие...
- И много их у вас было?
- А вот это военная тайна.

Вернулась мать.

- Все готово, господин капитан. Туалет внизу.
- Спасибо, фрау Анна.
- Пойдемте провожу, - предложила Берта.

Они поднялись в спальню, которая показалась Георгию по-домашнему уютной.

- Нравится? - Спросила Берта.
- Еще бы!
- Вы ничего не хотите пожелать мне на ночь?
- Спокойной ночи, Берта!
- А поцелуй?

Он прикоснулся губами к ее щеке.

- Этого достаточно?

- Вполне, чтобы не возбуждать ревности вашей невесты, - усмехнулась она и вышла.

Георгий осмотрел дверь - она не запиралась. «Это скверно, - подумал он. - От этой психованной девицы можно ждать чего угодно. Напрасно все же я здесь остался. А мамаша ее молодец». Он вынул из кобуры небольшой трофейный пистолет, который носил на ремне под мундиром, положил его около подушки, разделся, забрался под пуховое одеяло и тут же отключился... По фронтовой привычке проснулся мгновенно, едва услышав легкий звук открываемой двери. В небе все еще светила луна, и комната озарялась ее призрачным сиянием. В открывшуюся дверь привидением проскользнула женская фигура в длинной белой сорочке.

- Берта! - негромко позвал он, присев на кровати. - Что случилось?

- Вы не спите?
- Только что проснулся.

- А я никак не могу уснуть. Какое-то беспокойство. И холодно... прямо вся дрожу...

- Возьми у меня пуховое одеяло, а я укроюсь шинелью.

- Вы разве не хотите пустить меня к себе?

- Чтобы завтра вы пожаловались на меня коменданту?

- Как вы могли об этом подумать!

Она вдруг по-детски всхлипнула и отошла к окну. «Еще этого мне не хватало, - мелькнуло у него в голове. - Вот как закатит истерику и разбудит мать...» Он сбросил с себя одеяло и подошел к Берте.

- Простите, если я вас обидел, но вы должны понять и меня...

- Пожалейте меня, я так одинока.

Положив руки ему на плечи, она прижалась к Георгию всем телом и потянулась к его губам. Всей его выдержке пришел конец. «Все-таки добилась своего, ведьма, - не то со злостью не то с облегчением подумал он. - Никто из наших не поверит, что она пришла ко мне сама. Э, будь что будет...» Подняв ее податливое тело на руки, он понес Бертук кровати... Трофейный пистолет ему не понадобился.

Утром он, избегая встречаться с фрау Анной и сославшись на то, что в гостинице его ждет товарищ, отказался от завтрака, быстро оделся и вышел из дома. У калитки его догнала заспанная Берта в накинутом на плечи пледе.

- Ты уже уходишь? - спросила она с ласковой укоризной. - Не поцеловав меня?

Он прикоснулся к ее припухшим губам.

- Спешу, Берта.

- Но мы еще увидимся?

- Я уезжаю завтра, а сегодня вечером приходи в кинотеатр на собрание.

- Хорошо.

Березин приехал перед обедом. На заднем сидении лежал возвращенный в полотняную сумку заяц.

- Отнесу на кухню, чтобы зажарили, - весело сказал он. - А вы чем занимались, герр капитан?

- Сходил в кино, потом спал.

- Один?

- А то с кем же?

Георгий скользнул взглядом по лицу Березина: неужели уже пронюхал? Но тот простецки заметил:

- Эх, хорошо вашему брату, холостяку. Не то, что нам, жена-тикам. Кругом столько соблазнов, а твоя фрау, чуть что заподоз-

рила, сразу же заявление в парткомиссию. Привет! Моральное разложение...

- А вы не разлагайтесь, товарищ полковник.

- Стараюсь.

- Я тут пригласил на сегодняшнее собрание Галину подругу. В трудных случаях поможет понимать местный диалект.

- Что же, решение правильное. А я понаблюдаю в сторонке.

Собрание прошло бурно. Коммунист, уже пожилой мужчина, клеймил кандидата народной партии за то, что из школьных библиотек до сих пор не изъята нацистская литература, и при этом потрясал какой-то книжонкой с портретом Гитлера; «народник» в пику намекал ему на то, что коммунисты служат не Австрии, а одной иностранной державе; социалист хвалил американцев и англичан за приверженность. Георгий, сидя рядом с Бертой, посматривал по сторонам, стараясь понять, как относятся к этим речам собравшиеся. Молодежи было мало, преобладали люди пожилого возраста. Некоторые шутки и намеки, вызвавшие смех в зале, он не понимал и наклонялся к Берте, чтобы она объяснила, в чем тут изюминка. Похорошевшая за эти сутки Берта открыто прижималась к нему и шепотом пыталась что-то объяснить, но он все равно с трудом вникал в ее слова, а больше вспоминал их ночную близость, корил себя за неверность Лизе и думал о том, надо ли ей признаться в своей слабости или скрыть этот случай. «Как-то все глупо получилось», - думал он. - Все же, в чем я допустил ошибку? В том, что пожалел ее? Или в том, что побоялся показаться трусом? Скорее уехать отсюда и забыть о том, что случилось».

После собрания Берта, как и вчера, взяла его под руку и повела знакомой дорогой к себе.

- Мама приготовила нам прощальный ужин. С вином...

- Спасибо, но сегодня мне нельзя у тебя оставаться долго.

- Почему?

- Вернулся полковник, начнутся расспросы...

- Жалко...

На этот раз фрау Анна была еще приветливее, чем вчера. После ужина она сказала:

- Я уберу посуду сама, а вы с Бертой можете побеседовать наверху.

Если до этого у Георгия и были какие-то сомнения о том, знает ли она о его ночном свидании с Бертой, то теперь для него было ясно: не только знает, но и поощряет зачем-то их близость.

Возвращался в гостиницу он уже в первом часу ночи. Стараясь не шуметь, прошел в свой номер, разделся и тут же уснул. В девятом часу утра ему постучал Березин.

- Одевайтесь, пойдем в ресторан угощаться остатками зайчатины, - весело сказал он. - Как спалось?
- Без сновидений.
- Провожали свою знакомую?
- Да, до калитки.
- Напрасно. Мог бы зайти и поужинать. - Березин хитровато подмигнул. - Ну ладно, после завтрака сразу же возвращаемся в Вену. Письменный доклад надеюсь получить от вас завтра.
- Думаю, успею.

В Гранд-отеле Георгия ждала телеграмма из дому: тяжело заболела мать. Отец просил срочно приехать домой. Георгий, планировавший уйти в отпуск в июне, тут же обратился к начальнику своего отдела с рапортом и быстро получил согласие. Написав Березину короткий отчет о поездке в Винер-Нойштадт, он через день выехал поездом домой. Из-за плохой погоды самолеты не летали. С Лизой встретиться не удалось, да он и не стремился к такой встрече, так и не решив про себя, надо ли ей признаться в том, что случилось. Лежа на полке плацкартного, он впервые после приезда в Вену задумался над драматической судьбой своей матери, хотя раньше догадывался, какую душевную пытку она вынесла с первых дней вторжения Германии, когда все немецкое вызывало у людей подозрительность, неприязнь, а то и яростную ненависть. А ей, как и до войны, приходилось обучать в своей школе детей немецкому языку. В той самой школе, где отец Георгия был директором... Про себя Георгий восхищался самообладанием и внешним спокойствием отца, которого в любой день по доносу кого-нибудь недовольного могли снять с должности и даже арестовать. Несколько раз у него возникало желание поговорить об этом с обоими и попросить отца отказаться от директорства, но что-то мешало ему отважиться на такую беседу, и всю свою признательность и любовь к родителям он вкладывал в прощальный поцелуй матери перед сном: «Gutenacht, mutti! Спокойной ночи, папа!» Так уж привык с детства: с матерью - по-немецки, с отцом - по-русски.

О недомогании матери отец упоминал ему в последнем письме, намекнув на то, что сердце ее начало сдавать после всего пережитого. Теперь же, видимо, случилось что-то совсем тревожное, и Георгий лишь молил в мыслях бога, чтобы застать ее в живых. Но, видно, сам Господь уже ничем не мог ей помочь... Сойдя с поезда на третий день утомительной поездки и подходя к сво-

ему дому, Георгий увидел во дворе густую толпу взрослых и школьников, трубы духовного оркестра, два автобуса, обвитых черным крепом, и понял, что опоздал...

Весь отпуск он помогал постаревшему отцу ремонтировать квартиру, несколько раз встречался со школьными друзьями и подругами, а на вопрос отца, не собирается ли он жениться, коротко ответил: «Пока нет».

- Помни, ты остался у меня один, - сказал ему на перроне отец.
- Береги себя там.

- Постараюсь, папа.

Обнимая отца, он заколебался: а, может быть, сказать ему о Лизе?.. Но времени до отхода поезда оставалось совсем мало, и он промолчал. А, возвратясь в Вену, снова попал совершенно в другой мир, с его особыми интересами и заботами. Уже на другой день в Гранд-отеле его вызвала через дежурного Лиза. Они поехали в Пратер и, едва остались в безлюдном уголке одни, она остановилась, обняла его и поцеловала.

- Я знаю все, дорогой, о твоей утрате... После твоего горя ты мне стал еще дороже. Папа демобилизовался и вернулся в Париж. Мы можем теперь встречаться у меня.

Он смутился.

- Лиза, я не хочу от тебя ничего скрывать... Пока мы не виделись, я тебе изменил. Это произошло случайно... Но все равно я виноват. Прости, если можешь...

- Ты? Изменил?

Она с изумлением уставилась в его покаянное лицо.

- Все же ты особенный. Другой бы на твоём месте ни за что не сознался. Кто она? Хотя не надо! Какое это имеет значение? Я сама во всем виновата: такому здоровому парню нельзя долго обходиться без женщины. Скажи только: ты любишь меня по-настоящему?

- Даже больше, чем раньше. Во всем мире у меня осталось только двое самых дорогих для меня людей: отец и ты.

С этого дня они стали жить, как муж и жена. Чтобы их связь была незаметной, он приходил к ней только в штатском, ночевал в своём номере в отеле и обедал в ресторане. Однажды она, прожоя его, спросила:

- Ты не мог бы уволиться из армии и остаться здесь вольнонаёмным?

- Зачем?

- Так нам бы легче было зарегистрироваться. С армией связаны разные военные секреты, а штатский ты был бы гораздо свободнее.

Он покачал головой.

- Как только я подам такой рапорт, в органах сразу же что-то заподозрят, и меня тут же отправят домой.

- Тогда остается только один путь - выехать из советской зоны по чужому паспорту во французскую. В Тироль...

- Дезертировать?

- Называй это как хочешь. Не твоя вина в том, что ты поставлен в такое безвыходное положение.

- В случае провала меня обвинят в измене родине со всеми вытекающими отсюда последствиями...

- Какой вздор! Какая измена? Ты просто будешь работать тренером в одном из парижских клубов. И никакой политики.

- Лиза, у наших властей своя логика. Даже если этот план удастся, дома останется отец, и всю злобу за мое бегство выместят на нем. А это допросы, обвинение в пособничестве, ссылка или лагерь.

- Значит надо сделать так, чтобы ты оказался без вести пропавшим.

- Каким образом?

- Очень просто. Вышел однажды из отеля и не вернулся... Исчез... Может быть, стал жертвой грабителей, может быть, утонул в Дунае. Никаких следов. Чтобы не возникло никаких подозрений относительно меня, я после твоего отъезда останусь на пару месяцев здесь.

- Ты уже все обдумала.

- Милый, такие решения люди принимают раз или два раза в своей жизни. Я никогда не прощу себе, если не сделаю всего возможного и невозможного для того, чтобы мы были вместе. Ведь у нас будет ребенок...

- Ты об этом мне не говорила.

- Не была уверена. А вчера врач подтвердил.

Георгий поднес ее руки к губам.

- Это решает все. Я согласен. Готовь все, что нужно.

Потертый тирольский костюм нужного размера она купила на рынке уже через несколько дней, а вот удостоверение личности на имя Генриха Польцера ей удалось раздобыть только через две недели. Чтобы подготовить все в Тироле, она выехала на три дня во французскую зону и вернулась оттуда обрадованной: нашелся компаньон-тиролец, который обещал приехать через неделю, чтобы помочь перейти через границу и устроиться на первое время в Зальцбурге. Отъезд наметили на пятницу, чтобы в субботу и воскресенье Георгия не могли хватиться.

Наступил май. Как и договорились, Георгий совершенно перестал встречаться с Лизой и удвоил свое усердие на службе. Обе-

дал только в ресторане. В понедельник к столику, за которым сидели знакомые ему офицеры, подошла новая официантка и на ломаном русском языке спросила:

- Есть бульон и пирожки с ливер. Кто желает заказывать? Ви, капитан?

Георгий вскинул голову - Берта!

- Поздравляю! - только и выговорил он.

Она усмехнулась, ничего не ответила и пошла к раздаточной. Однако, когда после обеда он направился к выходу, подкараулила его у двери и быстро проговорила уже по-немецки:

- Сегодня в шесть в Штадтпарке, возле Штрауса.

- Хорошо, - кивнул он.

Переодевшись после работы в штатское, Георгий, не торопясь направился в городской парк. Было почти по летнему тепло, цвели каштаны, и распускались первые бутоны первых магнолий. Берта уже ждала его на скамейке неподалеку от памятника. Он присел рядом.

- Удивлен? - спросила она со своей обычной серьезностью.

- Как тебе удалось так быстро устроиться?

- Помогла мамина знакомая. Я у нее остановилась, пока не найду комнату. Может быть, пройдемся?

Она встала, взяла его под руку и повела в боковую аллею, где было поменьше гуляющих.

- Ты прекрасно выглядишь, - окинула она его взглядом. - Этот длинный модный пиджак, этот европейский лоск.

- Спасибо!

- Между прочим, я о тебе часто вспоминала. А ты?

Георгий весь подобрался.

- Берта, со времени нашего знакомства ничего не изменилось... - осторожно начал он.

- В каком смысле?

- Помнишь, я тебе говорил о своей невесте? Мы продолжаем встречаться...

- С той француженкой?

- Да. Поэтому нам надо забыть то, что случилось той ночью. Останемся просто друзьями.

- А я-то, дуручка, так рвалась в Вену...

- Прости, если я в чем тебя разочаровал.

- Как это у вас, мужчин, легко получается... Но я тебя ни в чем не виню. Во всем виновата я сама. Вбила себе в голову бог знает что и жила все эти месяцы своей мечтой. Даже начала учить русский.

Она высвободила свою руку, вынула из сумочки платочек и приложила к глазам.

- Постарайся успокоиться, - сказал он. - Никакой драмы не случилось. Ты красива, в Вене полно молодых людей, уверен, что ты найдешь свое счастье.

- Спасибо за совет! Но ты прав: нет причин раскисать. И все же не думаю, что твой роман с француженкой закончится благополучно. Ведь браки русских офицеров с иностранками запрещены.

- Я знаю.

- Тогда зачем же ты морочишь ей голову? Можешь не отвечать. Проводи меня до трамвая.

Они молча дошли до трамвайной остановки.

- В дружбу между мужчиной и женщиной я не верю, - сказала она. - Поэтому теперь мы с тобой не знакомы.

- Зачем же так?

- Выслушай до конца. Я для тебя официантка и никто больше. Хочу только на прощание сказать: ты никогда не будешь вместе со своей мадмуазель! Никогда! - почти выкрикнула она.

- Ради бога, тише! Успокойся! - Он коснулся ее руки, но она отдернула ее, как будто обожглась.

Подошел трамвай. Не оглядываясь, она вскочила на подножку. Георгий пожал плечами и вернулся в отель. Последние слова Берты звучали в его ушах как зловещее пророчество, и он в какой уже раз внутренне поехал от недоброго предчувствия. Скорее бы пятница и что-нибудь одно...

В среду перед обедом ему звонил Березин.

- Капитан, зайдите на пару минут ко мне. Надо проконсультироваться тут по одному вопросу.

- Хорошо, - машинально ответил он, поймав себя на том, что все его мышцы напряглись.

Но добродушный вид полковника развеял его подозрения

- Отлично выглядите, капитан. Как самочувствие?

- Спасибо! На здоровье не жалуюсь.

- Это хорошо. А как дела на любовном фронте?

- О чем вы, Иван Данилович? Я ведь давно порвал...

- Ну-ну, не скромничайте. Кстати, ознакомьтесь вот с этим письмом. Это перевод, оригинал на немецком.

Георгий взял лист бумаги, стараясь скрыть дрожь в пальцах, и начал читать.

«Советской администрации в Вене.

Считаю своим долгом сообщить о том, что офицер вашей администрации Теплов Г. позволил себе вступить в преступную связь с женщиной-иностранкой, выполняющей в Вене разведывательные задания в пользу одной из союзнических держав...»

- От кого это письмо? - спросил он по инерции, хотя уже догадался обо всем.

- Какое это имеет значение?

- Какой-то бред...

- А я ведь вас, капитан, предупреждал, - укоризненно сказал Березин. - Ну что касается сигнала о том, что вы передавали своей подруге сведения разведывательного характера, то это надо еще проверить. Пока же есть приказ вас от работы отстранить и направить в распоряжение Главного политического управления. Поэтому сегодня сдайте все, что положено, и завтра вылетайте в Москву. Билет вам уже заказан.

- Могу я проститься со своей знакомой?

- Не советую. Зачем осложнять себе жизнь? В крайнем случае напишите ей записку о том, что отбываете в длительную командировку, а мы передадим.

- Хорошо, я напишу.

Георгий вышел из кабинета Березина и в вестибюле взглянул на себя в трюмо. Щеки его побледнели. «Вот и все... Ах, Берта, ах Медея! Все-таки отомстила... Но почему именно мне? Не потому ли, что полюбила?» Как ни странно, он не испытывал к ней чувства ненависти, скорее жалость. Какой ожесточенной и несчастной выглядела она позавчера на трамвайной остановке. Вот и верь тому, что любовь всегда облагораживает. Смотря кого... Но все это чепуха, а сейчас главное известить Лизу, иначе что она подумает. Струсил... Обещание Березина передать ей мою записку, конечно, сказочка для простаков. Скорее всего, записка ему нужна, чтобы проверить, не содержится ли в ней какая зашифрованная информация. Но когда и как проехать во французскую зону? Ведь за ним уже наверняка установлена слежка. Лучше всего это сделать вечером, в сумерках, когда на улицах больше народа и легче оторваться.

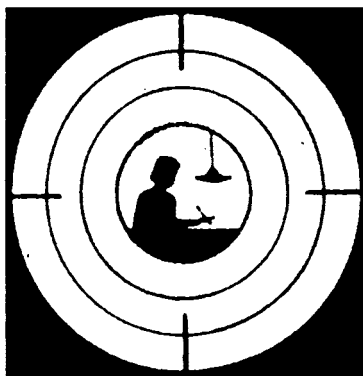
Приняв решение, Георгий уже спокойнее начал готовиться к отъезду: сходил в отдел кадров, оформил там свое увольнение, сдал пропуск в «Империял» и пистолет, получил расчет в финансовой части, уложил вещи в два чемодана. Когда уже стемнело, переоделся в штатское, вышел из отеля и, стараясь не оглядываться, неторопливо зашагал к трамвайной остановке. Будто желая закурить, приостановился, сделал пол-оборота, достал сигарету и зажигалку и боковым зрением проверил, нет ли кого подозрительного сзади. Как будто не было. Снова двинулся вперед ленивым шагом прогуливающегося человека. Впереди него притормозила легковушка, из нее быстро вышли двое рослых мужчин и перегородили ему дорогу.

- Капитан, приглашаем вас в машину, - сказал один из них.

- Зачем? - машинально спросил он и тут же почувствовал, как второй, крепко сжав ему локоть, начал подталкивать к открытой двери...

В Москве после допросов в Лефортово Георгия Теплова осудили на десять лет заключения в колонии строгого режима за связь с иностранным агентом. Отбыл он только семь, так как после смерти Сталина был освобожден по амнистии. Вернувшись в Энгельс, первое время работал грузчиком на овощном складе и на железнодорожной станции, а затем после многих мытарств все же устроился учителем физкультуры в одной из саратовских школ. Там и проработал до пенсии. На удивление знакомых жил холостяком, занимая небольшую комнату в коммунальной квартире, и все свободное время отдавал ученикам: вел кружок спортивной гимнастики, возил ребят на соревнования, а летом отправлялся с ними в турпоходы. И ученики, и учителя его любили, хотя между собой коллеги по школе удивлялись некоторым его странностям: такой крепкий и красивый мужик, а почему-то не женится. Особенно же озадачило его увлечение французским языком. Окончил курсы при педагогическом институте, собрал дома библиотечку французских авторов, которых читал в оригинале, регулярно покупал в киоске газету «Юманите». Все знали, что он «невыездной», и увлечение это рассматривали как холостяцкую причуду.

Провожая Георгия Теплова на пенсию, учителя сбросились и купили ему красивые каминные часы на батарееке, но так как в его комнате камина не было, часы некоторое время стояли на платном шкафу. Впрочем, батареека вскоре отказала, новую купить было негде, и часы пришлось спрятать в шкаф.

СТРАШНЫЙ ДЕНЬ

Эссе

Наиля ДИНУЛЛОВА

Динуллова Наиля Рахмужановна родилась 7 января 1966 года в селе Сабакаево Мелекесского района Ульяновской области. После окончания восьмого класса поступила в Сентилеевское педагогическое училище. Работала учителем русского языка и литературы в Мордовско-Озерской школе. В 1986 году вышла замуж и переехала в Дмитровград. Девять лет проработала воспитателем в детском саду Дмитровградского управления строительства. С 1997 работала корреспондентом в газете «Местное время».

В настоящее время - корреспондент газеты «Дмитровград-панорама».

Наиля дебютирует в нашем журнале своим прозаическим произведением «Страшный день».

Тот день ей запомнился на всю жизнь. Сколько бы она ни старалась от него убежать, скрыться, забыть навсегда, но он не уходил ни на минуту. Он преследовал ее всю жизнь, не давая ни сна, ни покоя. Этот день всегда жил параллельно всеми остальными, существуя сам по себе. Иногда у нее замирало сердце при одной мысли, что все то, что произошло с ней тогда, с ней произошло и никому от этого не деться. Но до него было много другого, о чем она помнит отрывочно, как во сне.

И, если все поставить согласно времени, у нее сначала, как и у всех, наверное, было детство. А детство, обычно, связывают с мамой и папой. Как бы то ни было, но отца своего Ира не помнила ничуть. Она о нем знала лишь из рассказов матери. Он был красивый, добрый, сильный... И еще мама часто рассказывала о том дне, когда его забрали на войну. В том далеком страшном 41-ом, он подошел к кровати дочери и сказал: «Увижу ли я тебя еще когда-нибудь?» Что могла сказать двухлетняя девочка? В то время многие задавали этот вопрос, но никто не знал на него ответа. Ни отец, ни мать, ни маленькая Иришка тогда не ведали, что видятся они в последний раз. Не прошло и года, когда в дом пришло страшное сообщение, что отца теперь ни у Иришки, ни у ее брата Ни-

колая теперь нет. Но и события того дня она не помнит. Слишком была мала. Но почему-то в памяти сохранилась страшная картина. Они бегут под вой сирен в бомбоубежище. Ира на руках у мамы, а пятилетний брат держится за подол платья. Он то и дело падает, а мать в отчаянии кричит : «Сынок, держись крепче, не отставай!» Коленька изо всех сил старается не отставать, но ему на пути попадают то камни, то доски... Потом она помнит Победу. Что творилось на улицах ее родного городка! Смех, слезы, песни - все смешалось. Люди целовали друг друга, родных и незнакомых. Каждый день возвращались в город воины. Вокзал напоминал растревоженный улей. Мама тоже туда ходила, встречая жадными глазами поезда. И постоянно твердила одно: «Без вести пропавший - это же не убитый. Пропал не значит, что убили... Значит, может живой. Вдруг придет, а мы его не встретим. Так нельзя.» Эти слова она повторяла сотни раз в день, то ли убеждая других, то ли себя. Шло время. Вернулись уже почти все, кто должен был вернуться, а отца все не было.

Целых два года ждала мама, хотя бабушка давно звала ее обратно домой в село, где когда-то родилась и выросла мать Иры. Где она встретила свою первую любовь, вышла замуж и откуда увез ее любимый в далекий незнакомый город.

Наконец, так и не переставая не верить в смерть мужа, мама переехала к бабушке в ее старенький домик. Устроилась работать в колхоз. С утра до ночи она пропадала в поле. Приходила затемно. Но Ира с братом обязательно ее дожидались. Ведь перед сном им нужно было рассказать маме о всех событиях, произошедших за день. А после их ждала очередная сказка, которая не всегда имела конец, - мама засыпала, так и недорассказав ее. Зимой тяжело заболела бабушка. Она никогда не жаловалась на здоровье и в начале никто и не подозревал о серьезности случившегося. Но уже через две недели смерть постучала в двери их маленького домика. Теперь все домашние заботы легли на плечи Иры. Мама и даже брат ни на один день не могли оставить работу в колхозе. Так прошло еще два года. Ире исполнилось двенадцать, а Коля, успешно окончив школу, поступил учиться на агронома. Как этому радовалась мама! Прослышав, что кто-то едет в город, неизменно собирала для сыночка нехитрый узелок. В село он приезжал редко, в основном писал письма. Ирочка очень гордилась братом. Да и как иначе? Ведь он станет начальником, как дядя Илья, председатель колхоза. Он всегда такой важный, кому что нужно, все бегут к нему: «Пособи, Илья Петрович, в долгу не останусь». А в долгу у него никто и не оставался, он своих должников наизусть помнил. Особенно вдо-

вушек. Немало их ему постель грели. Так в народе говорили, но Ира была далека от этих разговоров. Какое ей дело до проблем взрослых? У нее их своих хватало.

Избрали ее в тот год председателем совета отряда. А разве это просто? Приходится теперь отдуваться перед всей школой за этого второгодника Петьку. А ему хоть бы хны. Сколько она бегала за ним, чтобы он после уроков остался позаниматься? А ведь Ире тоже некогда. Нужно в обед козу Нюрку покормить и курочек. А потом бежать к тете Кате нянчиться с ее малышом, карапузиком Сашкой. А за это та иногда им сахарку давала или картошки чуток. Но Петька был далек от Иркиных переживаний, неизменно убегал из школы первый.

Настала зима 51-го года. Снег в тот год лег рано. Шел декабрь месяц и однажды мама заявила: «Как ни крути, а Коленьке валенки нужно исправить. Холодно там ему в городе. Говорят, и в общажитии у них колотун. Мы-то с тобой как-нибудь перезимуем, а он ведь один. Завтра же поеду, закажу валенки. И адрес вот узнала, к кому можно обратиться. Говорят, он свою работу хорошо знает и дорого не берет. А заодно и к Коленьке заскочу. Приеду только вечером. Печку натопишь, Нюрку подои». Весь вечер собиралась мамка. Ира глядела - глядела с печи, не заметила, как уснула. А утром проснулась от маминого поцелуя: «Не проспи, дочь, школу и пожелай мне удачной дороги. Дай Бог, чтобы он большую цену не попросил. Может Коленьке на сахар бы осталось...» Хлопнула дверь, а у Ирки почему-то сердце защемило, тонко-тонко пробежала какая-то тревожная боль и застыла где-то. Ирке даже захотелось побежать за мамкой, прижаться и поцеловать ее, словно от этого развеется это непонятное чувство. Но она не стала догонять, не стала целовать... Незаметно уснула. А проснувшись, и не услышав привычной шума на кухне, почувствовала еще большую тревогу. Долго лежала, вслушиваясь в себя и гадая, что же с ней произошло. Ведь раньше ничего подобного она не испытывала. Но нужно было идти в школу. Наспех умывшись, по привычке взглянув на Нюрку, ушла в школу.

А там ее ждала неприятность - Петька опять схватил «неуд». Анна Васильевна, учительница по математике, опять посмотрела на Иру с укором, словно это она, Ирка, получила двойку, а не Петька. Но ей сегодня было почему-то все равно. Ее тянуло домой, ей хотелось расплакаться. И, может быть, тогда она станет прежней Ирой? С трудом дождавшись конца урока, побежала домой. Ей, как никогда раньше, очень хотелось, чтобы дома ее встретила мама. Но замок висел на том же месте, где утром оставила его Ира. Машинально переделала все дела: истопила печку, поставила туда чугу-

нок с картошкой и молоком, вскипятила самовар, хоть и понимала, что до приезда матери еще рано. Тщательно помыла полы. Воды натаскала побольше, чтобы мама вечером, в темноте, не ходила за водой, а посидела бы рядом с Иркой, выслушивая все ее беды и горести. Ну вот, сделаны все дела. Даже с уроками она как-то бы-стро управилась. Остается только ждать.

Но как же долго тянется вечер! Она уже в третий раз разогрела самовар. А мама все не идет. Что же случилось? С каждой минутой ей становится все тревожнее и тревожнее. Попробовала почитать книжку, но строчки бежали по странице, наталкиваясь друг на друга, и она так и не поняла, что же там было написано. Когда часы пробили шесть вечера, сходила к соседке, тете Шуре. Та ее успокоила: «Не переживай, значит попутчиков нет. Приедет, куда ж она денется?» Но Ире от этих слов не стало лучше и она отправилась домой, втайне надеясь, что мама уже дома. Но она ошиблась. А спустя еще час, в дверь кто-то постучался. Господи, кто же это? Мама никогда не стучала. Да и поздних гостей у них сроду не было. Сердце забилось сильно-сильно. Казалось, его удары она даже слышала. Опустила ноги с сундука, где устроилась вместе с котом Васькой, и медленно подошла к двери.

Почти шепотом, на большее у нее уже не хватило сил, спросила: «Кто там?» «Деточка, открой, это я, тетя Вера», - ответил из-за двери знакомый голос маминой сестры.

Дрожащими руками Ира толкнула дверь. Но почему-то вошла не только тетя Вера, но и ее муж, дядя Витя, их старшая дочь Лена, дядя Сережа, мамин брат. Они молча стояли, глядя на Иру, а она переводила глаза с одного на другого и повторяла одно и то же: «Что? Что с мамой?» Казалось, они все онемели, стояли перед ней какие-то виноватые, чужие. Наконец у тети Веры часто-часто заморгали глаза, она встрепенулась и сделала шаг к Ире. Та отшатнулась от нее и, даже не услышав ни единого слова, замотала головой и крикнула: «Нет! Неправда! Вы врете! Вы нарочно врете! С ней ничего не случилось, я знаю. Ничего! Вы слышите?» Она отступала назад, словно удаляясь от того страшного, что принесли эти люди. Но беда была настолько большой и сильной, что заполнила весь дом, все углы, каждую клетку Ириного тела. Маленькая слабенькая девочка не могла с нею совладать, не могла даже немного оттолкнуть ее. А в это время, тетя Вера разрыдалась: «Сиротиночка ты моя! Нет у тебя больше мамы! Нет! Машиной ее задавили-и-и! К тебе бежала, торопила-а-а-сь!»

«Нет! Не верю! Не верю!» - раздался пронзительный Ирин крик. Но сама она его не слышала. Все вокруг нее поплыло, зарозовело и и провалилось в какую-то пустоту...

Геннадий ГЕНЕРАЛЕНКО

«31 сентября 1967 г. я родился в г.Шахты Ростовской области, где провел детство и отрочество среднестатистического ребенка. Работал помощником мастера ткацкого оборудования, служил в Советской Армии на Байконуре в чине рядового. Несколько месяцев ударно трудился в районной сельской газете «Призыв». Служил в милиции постовым, участковым инспектором. Прошел славный путь от рядового до лейтенанта. Был награжден почетным знаком «Отличник МВД СССР». Сейчас много рисую и выставляю свою живопись в разных городах России. Любовь к книгам и слову привил мне отец Генераленко Михаил Федорович - человек незаурядного ума и чувства юмора. В двадцать лет я начал писать стихи и мелкую юмористическую прозу, которую с удовольствием печатали газеты «Призыв» (пос. Камеломни Ростовской области), «Ленинское знамя» (г.Шахты), «Комсомолец» (Ростов-на-Дону), «Янтарный край» (Калининград), «Димитровград-панорама».

В 1990 году вышел в свет трехтомный сборник стихов молодых шахтинских поэтов, где были опубликованы два моих стихотворения. Участвовал в литературных объединениях в городе Шахты при газете «Ленинское знамя» и в калининградском «Истоке». А вообще писатель я редкий, пишу мало и редко, большая часть написанного утрачена в переездах».

ИСПОЛНИТЕЛЬ ЖЕЛАНИЙ

Исполнитель желаний 64-го уровня пребывал в нирване, но уже готовился выйти из блаженного состояния. Валентина Охлопкина потянулась на кровати, и исполнитель занял привычную позу. Утро его астрального тела содрогнулось от предчувствия тяжелого и утомительного дня. Первым делом Охлопкина хотела хорошего и безоблачного дня. Этот заказ был легкий и приятен: того же самого желало шесть миллионов москвичей, один миллион граждан желал дождь, двум миллионам и приез-

жим было все равно. Дождь будет, но краткий, минут на восемь, облака повисят часик, затем станет тепло и ясно. Все исполнители желаний будут довольны.

Надев шлепки-тапки, Охлопкина двинулась в ванную, желая мужу-дармоеду удавиться на валявшихся на полу носках. Обращение к исполнителю 67-го уровня не дало желаемого эффекта, давиться Охлопкину не было никакой нужды. Да и Валентина не всерьез желала смерти мужу, а так, скорее по привычке.

Затем завтрак, где якобы случайно нашлась банка сайры в масле и пол-батона хлеба. Закусив сайрой и батоном, Охлопкина пожелала похудеть, новую сумочку, денег и дачу на Канарах. Утро началось весело. Исполнитель по опыту зная, что спешить не следует, начал медленно готовиться к акту подачи всего необходимого. Исполнитель желаний начал с элементарного, сумма денег не оговаривалась, и Валентина даже не нагнулась за пятью копейками, лежащими около двери. Удовлетворенно хмыкнув, 64-й перебрал поступившую информацию от всего социума людей и домашних животных. Ничего значительного, что бы касалась его клиентки, не было.

Сын Охлопкиной, услышав, что дверь хлопнула, принялся желать Синди Кроуфорд. Однако двести миллионов мужчин и миллион женщин тоже хотели топ-модель немедленно, а очередь продвигалась крайне медленно, так что созревающий подросток мог получить красавицу только через сорок тысяч лет.

Охлопкина, мотая из стороны в сторону линялым пакетом, шла вниз по лестнице и случайно задела за торчащую железку. Пакет разорвался почти на две половины и из него высыпались все причиндалы городской дурнушки.

Новая сумочка была необходима, и Охлопкина купила в гастрономе новый пакет за рубль пятьдесят. Исполнитель сразу же забыл про сумочку, ведь он бы не принял притязаний даже на кожезаменитель.

Крокодиловая сумочка этим утром была забыта в фойе «Националя» и ее подарил загулявшей проститутке исполнитель 31 уровня. Швейцар хотел отнять находку, но проститутка издурдыркала этой сумочкой своего ангела, и тот вручил желаемое при первом удавшемся случае и не намерен был отступать из-за вялого желания толстого швейцара. Девушка не тяжелого поведения выбросила из сумочки ключи и паспорт. Сын растеряхи найдет все это совершенно случайно и получит десять баксов. Все будут довольны, а некоторые совершенно счастливы.

Гнать в Охлопкину в «Националь» глупо, исполнитель жела-

ний швейцара все равно бы не пустил ее в отель, сломав каблук или сделав пакость подопечной 64-го. 64-й откровенно не любил Валентину. В прошлом, он был исполнителем желаний восьмого уровня и общался с высшими чинами небесной иерархии. Состояние первой десятки отличалось от теперешнего состояние как вечное блаженство от адских мучений.

Подопечный тогда еще восьмого, известный скульптор и график, вел долгую и счастливую жизнь любимца властей. Надо отдать ему должное, скульптор не просил для себя почти ничего. Исполнитель приготавливал все заранее, зная ровный и добрый характер мэтра. Мэтр ваял скульптуру и с большим желанием рисовал обнаженных в стиле старых японских мастеров. Иногда желания близости с натурщицами совпадали с желаниями натурщиц. В такие дни скульптор мял глину совершенно счастливый и освобождал исполнителя от хлопот на продолжительное время. Иногда требовалось решение некоторых задач и вовремя подсунутая книга или форма облака избавляла от необходимости прямого вмешательства. Старик никогда не падал с лесов и не проливал на себя горячий кофе. Работать с умными людьми было ответственно и приятно.

Восьмой сам сломал весь ход жизни. Он был так горд и доволен собой, что разрешил украсть исполнителю 19-го уровня огнетушитель из мастерской. Огнетушитель был продан желавшим опохмелиться подсобным рабочим за пятьдесят рублей, какому-то грузину из палатки. Грузина донимали пожарники, и исполнитель грузинских желаний добыл ему искомое за скромные деньги.

Через пару дней посетитель забыл погасит окурок и мастерская скульптора сгорела дотла. Со стариком случился удар, и он уже ничего не хотел. Кома. Жить мэтру оставалось три дня, пока не начался новый отчетный месяц в больнице, и желания врача, сиделки, наследников, заместителя по секции монументалистики и просто недоброжелателей не совпали.

Падение исполнителя было ужасным. Его задвинули на 93-й уровень, где он помогал килеру в течении его не долгой, но обремененной хлопотами жизни. Поэтому, когда мафиозу хлопнул полицейский, давно просивший орден, исполнитель не огорчился, а, напротив, очень обрадовался. Его перевели к ребенку с врожденным пороком сердца. Младенец затих вскорости после рождения. Исполнителя перебросили на 64-й уровень с испытательным сроком.

Охлопкина спустилась в метро, истребовав поезд, и так как этого желало десять тысяч человек, поезд не замедлил появиться-

ся. В вагоне метро сосед Валентины открыл бульварный таблоид и надпись «Дача на Канарах за 10 миллионов долларов» просто лезла ей в глаза. На фиг, нужна такая дача - подумала владелица падшего и начавшего подниматься ангела-исполнителя.

Исполнитель потер то, что было вместо ладошек и подключился к информационному полю страны. Страна желала победы над сборной Франции по футболу, и поле требовало энергии миллионов исполнителей. Три часа этим вечером будет такой потенциал, что Японию можно было утопить в море. Сто двадцать миллионов японцев тонуть не хотели, и Япония стояла твердо на всех своих островах. Самое приятное, что Охлопкина была равнодушна к спорту и работать на футбол было ни к чему. Справятся и без него. Вон исполнитель тринадцатого уровня бежит на каждый матч как дурак и качает энергию туда-сюда, а еще приличный артист. Вообще с исполнителями болельщиков лучше не связываться, а то погонят за мать-Спартак и придется подопечного прятать по закоулкам.

К Охлопкиной подошла девушка в золотых сережках и стала просить на хлебушек. Валентина послала девушку отсюда и девочка пошла. Утро действительно выдалось хорошим, и ничего сверхъестественного пока не требовалось. Убаюканная движением поезда Охлопкина задремала, и исполнитель провалился в нирвану до пробуждения его госпожи и рабыни собственных желаний.

Включился исполнитель внезапно, когда Охлопкиной наступили на ногу. Возникла перебранка, в ходе которой Валентина пожелала тетке с шопными кошелками свинячьего рыла, а та в ответ просила бога и черта, чтобы Охлопкину изнасиловала бешенная собака. Стычка продолжалась три минуты и дошло бы до драки, но вагон остановился на требуемой остановке и пришлось выходить.

Валентина вновь пожелала денег и теперь уже подняла пять рублей у выхода в город. Эти честно выпрошенные деньги она спустила на мороженное. Оставшийся рубль выскользнул из влажных пальцев и монету почти на лету подхватил оборванный бомжик, пробормотавший «зер гут» и моментально скрывшийся из вида. До работы Валентина добиралась с мечтой о принце в роскошной девятке. Девятка промчалась мимо, обрызгав Охлопкину из единственной на всем маршруте лужи. Отпустив пару злобных проклятий вслед машине, она побрела, желая до смены смыть пятна на платье и колготках.

Валентина не знала, что принцу желало смерти полторы сотни человек и активный участник чеченской войны, герой Кизляра бес-

славно умер в банальном дорожном происшествии. Через сорок минут после встречи с Валентиной девятка столкнется с КамАЗом, груженным кирпичом. Смерть чеченца была мгновенной, как он и просил Аллаха. Водитель КамАЗа молодой парень, очень не хотел в тюрьму, и он в нее не попал. После выяснения личности погибшего следователь изменил схему ДТП и парень ушел домой, тяжело переживая случившееся.

Охлопкина пришла на завод и работала, ни о чем не думая и ни в чем не нуждаясь. В обед она обедала, потом пожелала сладкого и нашла в ящике верстака леденец барбарис. К концу дня она разругалась с табельщицей и хотела, чтобы ее оставили в покое. Валентину заперли в туалете слесаря, где, колотя в дверь, она провела полчаса.

День повернул на вечер. Сборная выиграла, и огромное количество исполнителей получило от своих хозяев искреннюю благодарность. Глупые и мелкие желания Валентины утомляли дух 64-го. Он мечтал об астрономе или поэте, но эти редкие птицы обслуживались исполнителями первой десятки, а получив наркомана или алкоголика, можно было опуститься во вторую сотню.

В информационном поле возникло возмущение, и шесть сотен-исполнителей разного калибра бросились искать придурка для поджога районной налоговой инспекции. Это где-то в Вязниках обидели подателей деклараций за минувший год.

При мыслях о второй сотне стало дурно и 64-й отправился к исполнителю желаний 22-го уровня. Тот поднял на смех саму идею обретения свиной морды своей подопечной теткой, которая была мелкой бизнес-леди и бывшей учительницей английского языка, на досуге сочинявшей кроссворды. 22-й имел виды на Охлопкину, и тут состоялась серьезная беседа по поводу бешеной собаки. Подключившись к социуму, они с удивлением обнаружили, что никто не мешает выполнению гнусных пожеланий торговли. ВАЛЕНТИНУ НИКТО НЕ ждал, и пожелания здоровья будут только в декабре ко дню рождения. Нашлась и собака. Здоровенному догу дурного нрава желали смерти девятнадцать соседей и дочь хозяина, который, как на грех, был в отъезде.

Был даже участковый милиционер, мучительно думавший, куда списать ему два патрона, украденных ментовским сыном.

Дочь хозяина несла пакет молока зверюге, когда все договорились и были довольны редким и необычным развлечением. В компанию взяли исполнителя 39-го уровня, который дал своему газетчику хороший скандал. Репортер брел по улице, размышляя о гневе редактора, когда взбесившаяся собака выскочила на

лестницу и бросилась на улицу, укусив по пути грузчика, мечтавшего о больничном.

«Бешенная, бешенная», - кричали жители, а в подворотню уже входила Валентина Охлопкина. Дальше все было по желанию незнакомых друг другу людей. Репортер сделал несколько снимков, а подоспевший через пять минут лейтенант уложил невинного пса одним выстрелом, написав в рапорте, что патронов изстратил три. Истерзанную и окровавленную Охлопкину увезли в травматологию, где, зашив разрывы, перевели в неврологию. Валентина в слезах и истерике провела два дня, потеряв шесть килограммов веса.

Исполнитель двадцать девятого уровня блаженствовал в нирване и был готов исполнять желания сумасшедшей Валентины Охлопкиной.

ПЕЙЗАЖ КОРО

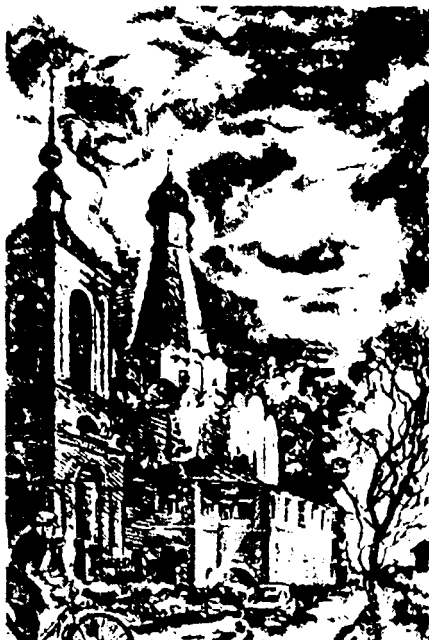
Электрик Олег Родин стоял на балконе своей квартиры и курил.

Это был самый обычный электрик тридцати пяти-сорока лет, не страдающий запоями. Ему просто нравилось смотреть из окна и наблюдать за происходящим. Вид из окна был гораздо дороже, чем такая же квартирка где-нибудь в Бутово или в Изменниках. В жизни Родина все было обыкновенно и прозаично. Командировки на строго секретные объекты, где было тоже самое, что и на родном заводе, - прокладка кабелей и подключение мудреной техники. Аванс, получка и нехитрые развлечения скрашивали досуг среднестатистической жизни московского пролетария.

Все сломалось с перестройкой и демократией. Завод хронически перестал выдавать аванс и зарплату, супруга устроилась работать в новомодный парикмахерский салон и стала зашибать деньги. Дочь пятнадцати лет получила кастинг (просмотр) в фирме Бенеттон и после полугода мытарств уехала в Италию по контракту на три года. В отличие от соседской девчонки, она действительно работала манекенщицей, а не подавала коктейли в стрип-баре.

В самом конце славного 1998 года супруга подала на развод и, как говорится, пользуясь случаем, вывезла всю домашнюю утварь и имущество в секретное место. Родину остались стены и стрелы, в виде пустых пивных бутылок и драного матраса с подушкой. Призывы к мирному разрешению конфликта не действовали, в связи с чем супругу пришлось бить на глазах изумленной публики, в дорогом салоне в самом центре столицы. Затем долго и упорно убегать по пересеченной местности от трех здоровенных охранников.

Два дня Родин прожил у приятеля, памятуя о том, что разби-

тое им зеркало в этой блядской конторе стояло больше, чем зарплата за год скромного служащего или майора бывшей советской армии со всеми его надбавками оптом и в розницу. Любимая сама подала на развод и получила его быстро и не дорого.

Теперь в квартире было пусто, как после конфискации. Пустота обнаружила убогость жилища и необходимость ремонта, о котором дражайшая половина пробила всю голову. Освободившись от притязаний супруги, Родин побелил потолок и купил за бутылку водки огромный рулон бумаги в типографии имени Степана Разина. В ночное время там действовала скидка и бесплатная доставка до дома. Сторож лично помог тащить бумагу на четвертый этаж, но сто грамм не налил, объясняя это наличием мифического сменщика. С божьей помощью комната была оклеена в ослепительно белый цвет. Полы пришлось красить в радикально желтый цвет. Объяснялось все родной сестрой бутылки водки, а на АЗЛКа как раз собирали партию таксомоторов. Плинтуса и трубы так же приняли на себя цвет солнца. Получилось радостно и весело. Зашедшие знакомые дивились необыкновенной крутизне дизайнерской мысли. Родин уже начал склоняться к мысли, что он сам себе это все придумал и так ловко устроил. Пустые бутылки пошли на приобретение мыла и полотенца для ванной и кухни. Осталось даже на мочалку небесной красоты и домашние тапочки.

Видимо господь не забывает нас грешных. Случилось так, что у Родина умерла давно забытая им родственница, которая по своей прихоти и в отместку детям и близким включила Родина в завещание. На Родина пришлось: буфет, типа бюро чистого дуба, диван, помнивший Александра Керенского, и пара венских кресел, привезенных из блаженной Вены накануне Первой империалистической войны. Вдобавок ко всему этому великолепию — медный таз и лесной пейзаж. Предчувствуя ненависть родных упокойницы и ожидая невероятную тяжесть дивана и буфета, Родин хотел, было, отказаться. Но рассудок взял верх над благородством, и мебель перекочевали в ослепительно новую квартиру.

Мебель оказалась не слишком разномастной, кое-где нужно было подтянуть, стукнуть и покрыть морилкой, с этим успешно справился сосед Родина, ведь он работал на мебельной фабрике и за остаток бумаги, сто рублей и литр водки перетянул диван цельнотянутой кожей со своего родного предприятия. В недрах дивана кроме конского волоса; который вновь пошел в дело, обнаружилась маленькая папочка с благодарственным письмом императора Александра III к родственнику покойницы за блестяще выполненную миссию в Вене, фотография царя Николая но-

мер 2 с вышеозначенным ловким чиновником и приглашение императрицы Марии Федоровны бывать у нее запросто и без доклада. Особенно тронуло выражение «без доклада и запросто». Родин решил разместить документы об ушедшей эпохе и в память об благотворительнице на стеночке, сразу же по приобретению необходимой случаю рамки благородного вида. Меж бумаг был еще официальный бланк, датированный 1913 годом какой-то венской конторы, скрепленный печатью, текст был написан от руки и по-немецки. Чернила от времени стали плохо различимыми. Родин читать и говорить по-немецки не умел, как впрочем и по-французски. Бумагу он любовно спрятал в ту же папочку и не доставал ее за ненадобностью.

Шел 1999 год. На родном заводе успешно действовало некое акционерное общество строго засекреченного типа. Данное общество ловко продавало особо секретные механизмы заклатым друзьям и бывшим родственникам бывшего СССР. Дело случая - и Родин был вызван в данное АО, благо идти было недалеко. Встретил его двойной кордон охраны, хотя все секреты завода давно были не секретней петушка на палочке. Дивясь крутизне паласа и свежести отфильтрованного воздуха, Родин вошел в приемную и принялся оглядываться, но не пялясь нагло, а так спокойно и с чувством. Стандартно дорогая мебель приемной его не удивила и не порадовала. Более заинтересовала небольшая картинка в старой и убогой рамке. Картинка изображала опушку леса и была на удивление похожа на наследную парсуну упокойницы. Под картиной стояла краткая подпись на чистом русском языке «Парк Фонтенбло. Коро». Секретарша, завидя живой интерес к живописи, пояснила, что вещь музейная. Французская, трофейная со времен Второй мировой войны, вывезенная солдатами-победителями. Коро - фамилию француза - Родин запомнил. Ему уже не терпелось попасть домой и посмотреть на свою картинку. Просто из любопытства. Его пустили к биг боссу (большому начальнику), в котором Родин без труда признал бывшего главного инженера завода, с которым он неоднократно выезжал в города и веси Забайкалья и Приморья. Главный был нрава простого и раньше выпивал, но бросил, после чего резко пошел вверх. Родину был предложен пост электрика-монтажника, с повышением оклада и обещанием командировок в разные приличные арабские страны и всякие Индии. Особенно подкупило обещание бесплатных обедов и командировочные в американских рублях. Родин согласился немедленно и пошел оформлять пропуск и документы в самом благодушном настроении.

Только по дороге домой он, к своему ужасу, обнаружил, что

в пропуск вкралась ошибка. Вместо Олег Родин там стояло О.Роден. Парадиз с толстым ковром под ногами стремительно отдался и стал казаться миражем в пустыне. Успокоившись и отужинав, Роден стал внимательно рассматривать свою картину. В самом углу мелко стояло «KOROUT». Убедив себя, что КОРО и KOROUT разные люди, он просто стал созерцать пейзаж, в принципе довольный прошедшим днем. Через пару минут ему стало казаться, что деревья тихо покачивают ему ветвями, и он уснул, выпустив из рук произведение искусства.

На новом месте переделывать пропуск ему не стали, объясняя причиной отсутствия начальника охраны, но пускали исправно, а Родену было по большому счету наплевать. Работой особенно не донимали, кормили исправно и Роден начал развлекать сам себя самостоятельно. Раз в день он обязательно находил повод прийти в приемную и посмотреть на пейзаж КОРО. Что-то призывное мерещилось в стволах и листьях. Хотелось прийти еще раз, но он сдерживал себя и не был навязчив. Секретарша приняла все как должное, убедившись, что ее не домогаются вульгарным образом. Через некоторое время она прониклась к Родену доверием и даже называла его Огюстом, даже в присутствии большого и очень большого начальства.

Еще Огюсту нравилось бывать в дизайнерском отделе, где разбитные разведенки на компьютерах сочиняли буклеты, балансируя между каталогом запасных частей и листовками, на которых девицы безо всякой на то причины совкуплялись с новейшими образцами военной техники. Довольно скоро он прописался там почти официально. Разнообразные журналы о современной жизни не повергали его в уныние, а общение с образованными людьми, способствовало усвоению тенденции. Кабели и приборы функционировали нормально, легкость в общении с Роденом создала ему небольшой круг знакомств, очень приятный во всех отношениях.

Роден, как и было обещано, съездил в Индию за казенный счет, там он приобрел себе кроме утилитарных вещей закоренелого холостяка бронзовую статую слона, волокущего бревно. Статуй весил килограмм десять и был отлит несомненно ловким индусом со всеми анатомическими подробностями скотины. Делегация ахнула, видя как Роден тащит по сорокоградусной жаре цветной металл. С этого дня Огюст Роден стал именно так называться во всей конторе. Даже начальство приняло это и называло Огюстом Сергеевичем. К тому времени уже он ознакомился со своим великим тезкой и втайне гордился своим прозвищем.

Теперь он все чаще старался рассматривать картинки в жур-

налах на предмет обнаружения живописи и статей про художников прошлых веков. Он посетил пару выставок в Манеже и Русском Музее, чего не бывало с ним с пятого класса среднеобразовательной школы. В один прекрасный день он взял свой пейзаж подмышку и пошел в Третьяковскую галерею. После получаса мытарств с охраной и бойкой проводницей по залам, его привели в самую обнаковенную комнату с чайником, столом и стульями. Седенький мужичонка встретил Родена скептически, объясняя, что в Третьяковскую галерею нужно приходить с русскими художниками, а то ходють всякие и отрывают от дела. Дела у мужичонки не было никакого, и природное любопытство русского человека взяло вверх. Напялив очки и повертев картинку, он изрек, что мол Барбизонская школа, мол холст старый. (Это было понятно и коню). Еще раз повертел картину и зачем-то стал нюхать произведение искусства, в этот момент он стал похож на енота полоскуна. «Возможно, это КОРО», - торжественно объявил седенький и начал нудить о необходимости экспертизы. Поинтересовавшись стоимостью экспертизы, Роден не поверил было своим ушам - две тысячи долларов. Тогда он решительно взял картину и удалился быстро-быстро от сего подозрительного места, где за внимательный просмотр берут две штуки гринов. Не оставляя своего адреса, он быстро направился к такси и ломанул домой с картинкой, похожей на пейзаж КОРО.

Подозрения Родена относительно КОРО начали подтверждаться с огромной и удивительной силой. Внезапно в конторе отключилось все электричество, и Огюста подняли с дивана поздним вечером. Секретарша, приехавшая с этой скорбной вестью, нашла Родена в арабском халате, в обставленной с претензией на скромную роскошь квартире. Бронзовый слон отлично вписывался в интерьер, а сам Роден рассматривал журнал «ART STILE» на португальском языке. Секретарша знала интерес к искусствам электрика, но считала это кунштюком. Теперь придурью и блажью объяснить образ жизни Родена было нельзя. Роден стремительно превращался в Родена, и на стене московского электрика висел пейзаж КОРО.

Спустя пару дней секретарша притащила к Родену трех мужиков и одну бабу, похожую на мужика. Те долго ругались матом, обзывая друг друга всякими животными и посылая друг друга во все неприличные места, затем объявили вердикт - действительно Франция, и действительно КОРО.

Возник долгий разговор о путях проникновения КОРО в Россию, о захваченных трофеях и грабежах музеев. Роден вспом-

нил о заветной папочке и извлек письмо Венской конторы. Явление Господа Бога менее потрясло бы искусствоведов и художников. КОРО был приобретен законным путем и имел атрибутику непререкаемых авторитетов антикварного дела.

Вопрос о стоимости картины поверг Родена в ужас и депрессию. КОРО стоил не менее миллиона долларов. Никто не пожелал Родену удачи, он в ней явно не нуждался. Почему же в приемной конторы висит миллион баксов, тихо и спокойно. Те же граждане, смеясь, пояснили происхождение пейзажа - он был военным трофеем одного из генералов сов. армии и был бы арестован на любом аукционе мира и опять же двойной кордон охраны. Пейзажу Родена ничего подобного не грозило.

Едва дождавшись утра, он бегом отправился к ближайшему банку с депозитарием в виде сейфов. Вложив пейзаж в сейф, он повернул ключ и почувствовал что что-то уходит из его жизни. Уходит медленно, но верно. Весь день шел дождь и Роден не знал, почему ему так плохо, объясняя свое дурное самочувствие то установившимся циклоном, то плохим тоником и отвратным джином.

Уезжавшему в Париж срочно по делу, начальнику Огюст сунул письмо для директора Лувра и пятьдесят долларов, скромно прося привезти ему самую толстую книжку о КОРО. Босс вернулся через три дня, везя секретарше духи, которые ничем не отличались от тех, что дарил ей Роден из ближайшей парфюмерной лавки, и книгу для Родена. Надеяться прочитать сразу было смешно и, вздохнув, Роден купил французский словарь для перевода текста. Первая фраза фолианта содержала изречение мэтра - «Важно быть гением в двадцать лет и талантливым в восемьдесят». Пришлось нанять педагога для обучения французскому языку.

Степенность и уверенность Огюста Родена, его знание французского языка и обширные интеллектуальные познания в области вооружений и искусств привели Родена с места электрика на пост начальника отдела по связям с общественностью. Он вырос в зарплате и собственных глазах, его любили секретарши и независимые бизнес-леди. На письмо Родена ответили директора Лувра, Прадо, Эрмитажа. Поступило сорок три предложения о продаже КОРО и пятьдесят предложений о посредничестве в сделке. Двенадцать издательств из разных стран просили прислать слайд. Семьдесят искусствоведов писали Родену, прося разрешения приехать и изучить пейзаж КОРО.

Роден на что-то соглашался, многим отказывал, ссылаясь на невозможность продажи и придумывая для объяснений фантастические предлоги. Каждый день он ходил в банк и смотрел на

своего КОРО. Пейзаж завораживал и освещал, придавая существованию Огюста какой-то смысл. Запирая сейф, Роден чувствовал себя виноватым и огорченным.

На квартиру Родена был совершен налет, но сигнализация сработала исправно, и в перестрелке с милицией была убита мужик-баба. Держать картину дома не представлялось возможным, а банк отнимал слишком много сил и нервов. Тогда Роден взял кувалду и гвоздь и одним махом забил его в стену приемной рядом с другим пейзажем КОРО. Никто не протестовал, теперь в приемной висели два пейзажа КОРО.

Биг босс, теперь для Родена просто босс, рассказал историю своих отношений с пейзажем КОРО. Лесная опушка вернула человеку здоровье, укрепила семью и вознесла до поста равнозначного министерскому. Как и Родена, картинка сама заставила вывесить ее на обозрение пусть небольшому, но верному количеству зрителей.

На место электрика был взят молодой человек, который долго стоял в приемной и смотрел, разинув рот, на два пейзажа КОРО. Он даже пропустил мимо ушей приглашение войти. Секретарша взяла его за рукав и ввела в кабинет. Андрей Майолев был принят электриком. Потом он долго не мог понять, почему в его пропуске исказили фамилию и почему так заразительно смеялись два больших начальника.

Аристид Майоль бежал под проливным дождем к своей московской коммунальной квартире, где самым дорогим был вид из окна. Ему было наплевать на пропуск и дождь, дома его ждал этюд Ватто.

***Р.С.** Французский художник первой половины 19 века Жан Батист Камиль КОРО создал около шести тысяч произведений и был одним из создателей и вдохновителей Барбизонской школы. Многие методы работы и строй художественных произведений несправедливо приписывают импрессионистам, которых КОРО опередил более чем на тридцать лет. В России КОРО практически не известен широкой публике.*

ПРОЖИТЬ ВСЕ ЖИЗНИ НЕ ДАНО...

ЗАМКНУТЫЙ КРУГ

*Все кончено: и лето, и зима,
весна и осень, засухи, метели.
И мы друг другу так осточертели -
еще чуть-чуть - и все сойдем с ума...
Все кончено: назад закрыта дверь,
и в будущем окно не растворится.
Я знаю, что я сон - кому он снится?
Календарям и зеркалам не верь.
Все кончено: пылают все мосты,
и в пустоту уводят все ступени;
я больше не отбрасываю тени
и не пугаюсь этой пустоты.
Все кончено: мы ворошим золу,
снимаем маски, уступаем роли;
я даже не испытываю боли,
когда иду по битому стеклу...*

.....
*Замкнутый круг -
какая магия пространства!
Замкнутый круг -
мир обречен на постоянство.
В мире потерь,
где люди не нужны друг другу,
звезды, и те -
как арестанты ходят кругом...*

Уйду,
чтобы не видеть
и не слышать,
и не знать
ничего.
Войду
в пустую комнату,
где счастья нет -
лишь тень
от него.
Прости,
я не бывала в тех краях,
где все века -
мерзлота.
В горсти -
одни лишь звезды
и, наверное, я просто -
не та.
А дни
мои длиннее,
и длиннее,
все короче -
года.
Одни
мы во Вселенной
не останемся
с тобой
никогда!
Успеть
прожить все жизни -
не дано
и, видно,
нить коротка.
А спеть -
я все спою,
не подвела б,
не оборвалась
строка...

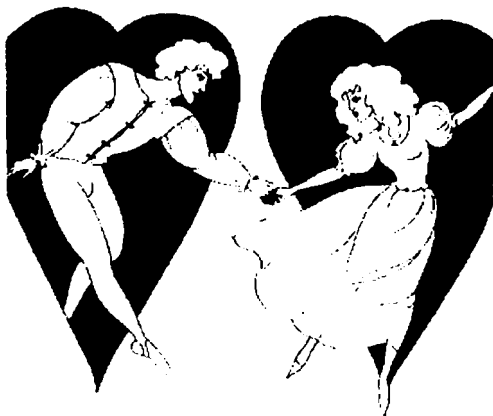

Хотя, наверно, мы с тобою
вровень,
и, может, нам дышалось
в унисон -
я не хочу кипенья глупой
крови,
не тороплю рулетки
колесо...
Пусть между нами не века,
не мили -
я не окликну, ты не бросишь
взор.
Так лучше,
что мы
недопригубили
пленительной
отравы
приговор.

ноябрь 1998

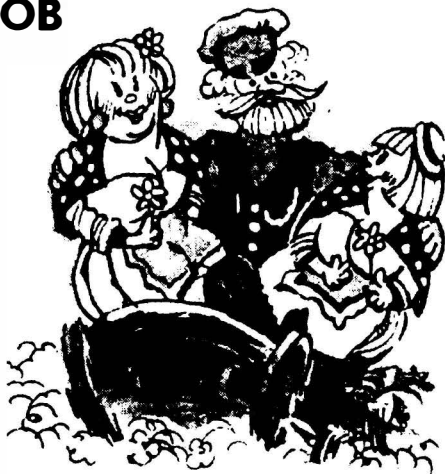
Любовь? Но что любовь такое?!
Нет, тут еще повеселей любви:
Ты не на срок. Ты у меня в крови,
И выпущу - когда лишь вены вскрою...

За миг до смутного заката,
до перехода за Черту,
мне показалось как когда-то:
любовь
заполнит пустоту...
Прости. Привиделось. Пустое.
Не стоит слов, не стоит слез.
Вся наша жизнь того не стоит,
чтоб принимать ее всерьез.

Александр НИКОНОВ

СИИ ПРЕДАНЫЯ СТАРИНЫ ГЛУБОКОЙ

Сказание о
славном и
похвальном
граде Симбирске

ВОЕВОДА ХИТРОВО И КНЯЗЬ СИНБИР

В восьмистах верстах от Синбир-горы, в десяти шагах от Москвы-реки, за кремлевской стеной краснокаменной, под звонкими колоколами Ивана Великого, в расписных палатах сводчатых думал думу свою тяжкую великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович, всея Великая и Малая и Белая Руси самодержец. Думал он не о знатном пире, не о казне богатой, не о молодой да любимой своей жене свет-государыне Наталье Кирилловне, а о тяготе земли Русской. Государев холоп, воевода Петрушка Долгорукий прислал грамоту жалобную, что де меж Казанью-городом и Самарою завелся лихой вор и разбойник, неведомый Синбир-князь, что де приходит сей вор из-за Волги-реки, грабит города и селения, уводит в полон смердов да мастеровых, сжигает поля и травы и грозитя, собака, отторгнуть от Руси все царство Булгарское, и что надо, мол, здесь поставить царскую препону, дабы неповадно было разбойнику траты чинить.

Тяжелы, глубоки думы царские, тяжелей их лишь Господень Крест, глубже их лишь воды Волги-матушки. Встрепенулся царь, приосанился, стукнул посохом каленым - побежал огонь по гранит-камню, повелел он стражнику позвать холопа своего прирученного боярина, Богдана Матвеевича Хитрово и добавил вслед:

- Да смотри, чтоб одна нога здесь, а другая там, а не то велю посечь плетьюми в назидание.

На Москве-реке, льдом закатанной, народу видимо-невидимо, все прославляют Рождество Иисуса Христа: придворные в снежки играют, на санках с гор катаются, строят крепости снежные, разрумянивают щеки барышням. А у берега в шумном, тесном кругу бьются на кулаках два ухватистых да осанистых молодца. Один молодец в боярке соболиной, кушаком алым подпоясанный, сам любимец царя - воевода Богдан Матвеевич, другой молодец, супротивник его, в лисьей шапке, в шубейке собачьей, гость московский - астраханский мурза Алахан. Бьют бойцы друг друга кулаками в перчаточках, не могут сбить одного другого наземь. Вдруг в бойцовский круг вбегают царский гонец, в ноги боярину падает и говорит:

- Не изволь гневаться, Богдан Матвеевич, не своею волею я от потехи тебя отрываю, сам Государь тебя к себе требует да повелел, чтобы одна нога здесь, другая там!

- Ах, шельмец, - смеется над ним воевода. - Я вот сейчас на одну ногу тебе наступлю, а на другой ты побежишь царю докладывать, что де приказ его исполнен в точности. А ну, чтобы духу твоего здесь не было!

Под смех и улюлюканье зрителей побежал гонец, постоянно спотыкаясь и падая в рыхлый снег. А Богдан Матвеевич подошел к мурзе, ласково взял его за плечи руками могучими и, улыбаясь, сказал:

- Ай, повезло тебе, друг Алахан, сам царь призывает меня явиться перед его светлые очи, а не то побил бы я тебя всмяточку.

Алахан, улыбаясь, ответил:

- А у нас, друг Богдан, так в степи говорят: не обнимай жену любимую, не слезиши с коня, а то упасть можешь. Если Аллах пожелает, еще побьемся с тобой на кулачках.

- Дай-то Бог, - отвечает Богдан Матвеевич. - А пока поручкаемся, расстанемся.

Пожали бойцы друг другу руки и разошлись в разные стороны.

Явился Богдан к царю, в пояс ему не кланялся, лишь прижал правую руку к сердцу молодецкому, попенял царю ласково:

- Ой ты, гой еси, Государь наш, батюшка Алексей Михайлович, ты пошто оторвал меня от потехи православной, боя молодецкого! Уж кипела в груди моей кровь горячая, уж изготовился я проломить холеную грудь мурзы астраханского, чтоб не бахвалился он впредь женами-красавицами, табунами несметными, степями широкими да своею силушкой! Или скушно сидеть тебе в золоченой горенке?

А ответил царь без усмешечки, лишь сверкнули в свечах очи страстные:

- Еще станет тебе, Богдан Матвеевич, свою силушку испробовать. Коли кровь кипит, кулаки чешутся, дам я тебе задание царское, по плечам твоим молодецким, по разуменью твоему скорому. Доносят мне холопы верные, что повадился к нам за Волгу ходить вор неведомый по прозвищу князь Синбир. Между Камой-рекой да Самаркою ходит-бродит он, пес поганый, как по собственной горенке, берет что ни попадя, собирает дань с наших подданных, а кто противится, угоняет в полон, разоряет города и селения. Да еще грозитя, пес, взять под себя все царство Булгарское, что завел для нас наш великий предок, грозный царь Иван Васильевич. Собери-ка ты, воеводушка, войско стрелецкое, снаряди обозы богатые да поиди к Синбир-князю. За покорность обещаю ему дары щедрые, царские, а коли не захочет неволиться, покори его силою, и где ступит нога стрельца русского, ставь остроги высокие, города да крепости с церквами православными, вали засеки острые, насыпай валы неодолимые. Чтобы впредь не повадно было Синбир-князю за Волгу-матушку ходить.

На прощание поклонился воевода царю низко в пояс, знамо, дело государево неохотное, подневольное, а исполнять надобно.

Стал воевода собирать рать стрелецкую, обозы богатые, мастеров да охотников вольных, чтобы заселять непокорные дикие ногайские места людьми русскими, православными. Настал час, попрощался Богдан Матвеевич со своею верной молодою женой, со своими малыми детушками и, как только кончилось весеннее раздополье, отправился в путь.

Скоро ли, нет ли, дошел Хитрово до большой реки. Вздупась река сердитой змеей, из крутых берегов вышла, затопила широкие луга и высокие мары - ни конному не проехать, ни пешему не пройти. Поклонился воевода реке в пояс и сказал:

- Ой красавица Сура-река, укроти-ка ты свои воды бурные, войди в свои берега высокие, дай пройти нам, добрым молодцам, к русской реке Волге-матушке!

Заревела река пуще прежнего, голубой волной плещет на бярину, хочет утопить добра молодца, говорит голосом журчавым человеческим:

- Я не знаю и не ведаю, кто ты есть таков, не пущу тебя на ту сторону. Сотни лет служу я верной службой могучему богатырю булгарскому князю Синбиру. Оттого берега мои все в наряде зеленом, оттого воды мои прозрачны, оттого живет в них Царь-рыба. Так зачем другому служить?

Отвечает ей Богдан Матвеевич:

- Ой, Сура-река, Государыня, для чего ж тебе наряды зеленые, если некому на них любоваться, для чего тебе воды чистые, если некому в них смотреться, для чего тебе Царь-рыба, если некому ею лакомиться?! Ты пусти нас на твой берег высокий, нетоптанный, поселятся там люди добрые, богонравные, будут жить они здесь да тебя нахваливать, величать тебя доброй матушкой. А в залог тебе вот колечко золотое, заветное.

И только бросил боярин колечко в воды темные, вмиг затихла суровая Сура-река, вошла в берега старинные, разостлалась голубым бархатом. Навели тут служилые люди мосты крепкие, широкие, переправились на ту сторону, ближе к синбирю княжеству. Закипела работа великая: плотники рубят остроги да крепости, избы с узорами да церкви маковчатые; лесорубы засеки валят; землекопы валы высокие насыпают, чтобы заступить путь лихим ногойским конницам. Вот построили цареvy посланники Сурский город, опоясались стенами островерхими Аргашский, Тальский, Сокольский и Карсунский остроги.

А воевода Хитрово уже новый путь торит: среди лесов да степей, среди озер да болот, днем и ночью, в непогодь и в ведро. Ан, новая преграда впереди. Заступила стрельцам дорогу быстрая Барыш-река, выгнула спину голубой змеей, вышла из берегов плесами широкими, заполнила ямы озерами глубокими, плещет волной острой, грозитя потопить хитрово-войско. Поклонился царский воевода низко в пояс и говорит:

- Ой ты, Барыш-река, что встречаешь ты нас неласково. Ты прими-ка земной поклон, привет ласковый от Суры-матушки. Ты пусти нас, добрых молодцев, на ту сторону, дай пройти нам к великой русской реке, Волге-матушке.

Еще больше взъярилась Барыш-река, грозитя захлестнуть волною ярою храброго воеводу, говорит голосом бурливым:

- Знать не знаю, ведаю ли не ведаю, кто ты есть таков, не открою тебе пути торного! А служу я князю мудрому да верному, булгарскому батыру Синбиру. Оттого богата я лесом да зверями, заливными лугами да ягодами сладкими. А от тебя мне ничего не надо.

Отвечает ей государев воевода:

- Ой Барыш-река, богатеюшка, да на что тебе леса шатровые, коли некому их светлить, на что тебе луга заливные, если некому на них пастись, для чего тебе зверье рыскачее, коли некому на него охотиться, зачем тебе ягода сладкая, если некому ее собирать! Дай пройти нам на берег твой высокий, поселятся там люди добрые, работающие, станут они дома рубить из лесов спелых, на лугах твоих будут скот пасты, чтоб согреться в стужу-холод, ста-

нут зверье пушное бить, на полянах больших ягоду собирать, угощать ею малых детушек, будут тебя нахваливать, добром вспоминать да величать ласково кормилицей. А в залог того вот тебе заветный меч-саморуб.

И только бросил воевода меч в воды, вздохнула тяжело Барыш-река, вошла в берега свои, берега крутые да белые, опорожнила плесы широкие, заблестала на солнышке зеркалом. Тут стрельцы, молодые удалцы, навели переправы широкие, перешли на ту сторону. Стали людишки остроги рубить, засеки валить, церкви златоглавые ставить. Уж не Синбир-князь здесь хозяин, а сам царь-Государь всея Руси, великий князь Московский Алексей Михайлович. И поднялись по всей укрепленной черте крепости да остроги: Уренский, Тагайский да Юманский.

А воевода Хитрово все дальше стремится, снова путь преградила река широкая. Ходят по ней волны высокие, гнут к земле камыши густые, затопили поймы широкие - ни конному не проехать, ни пешему не пройти!

Снова воевода в пояс кланяется, снова ласковые слова говорит:

- Ой ты, Свяга-река, государыня, мы пришли к тебе из святой Руси, из далекого царства Московского. Ты пусти-ка нас, добрых молодцев, на ту сторону, ко великой реке Волге-матушке.

Разыгралась Свяга-река пуще прежнего, плещет водами на боярина, грозит утопить удалых стрельцов.

- Я не знаю, не ведаю, кто такие вы есть и зачем вы сюда пришли, не пущу вас я к Волге-реке. Служу я самому князю болгарскому Синбиру, князю доброму да щедрому, сильному да хитрому. Оттого так красивы берега мои, оттого так чисты воды мои, оттого так студены ключи мои, оттого так остры камыши мои. Убिरайтесь-ка вы по-доброму, не желаю я вам, чужакам, служить.

Хитрово снова гнется в поясе, маслит речь свою словом ласковым:

- Ой Свяга-река, красасавица, для чего тебе красота неописанная, если некому на нее любоваться, на что тебе чисты воды, если некому ими напиться, для чего тебе ключи студеньные, если некому их почистить, на что тебе камыши острые, если некому их срезать? Ты пусти-ка нас на другой бережок, бережок бархатный, там поселятся люди добрые, работающие, будут на тебя, красавицу, любоваться, пить твои воды чистые, расчищать ключи студеньные, молодить твой камыш острый. За доброту твою будут люди тебя нахваливать, низко в пояс кланяться да называть тебя красасавицей. А в залог того ты прими от нас пояс царский, ши-

тый золотом да камнями драгоценными.

Приняла река пояс царский, заворохалась, улеглась на покой, заблестела серебряной блестяю, затих камыш шипучий. А мастера уж топорами стучат, пилами визжат, перекидывают через Свягу-красавицу переправы широкие.

Робкой зарей признался новый день, расступился густой туман, молоком растекся по долинам и оврагам, и предстала

перед взором стрельцов гора высокая. Богдан Матвеевич на белом коне, покрытом попоной алою, подкованном подковами серебряными, по мосту широкому переезжает на другой на берег на высокий. И только конь ступил на землю новую, траву нетоптанную, встрепенулась гора, заелозила, будто подыма поднимается. Затряслась земля черная, покатались громы раскатные, поднялись стаи птичьи шумливые, закачались леса дремучие, покатались вниз камни-дикарики и порушили переправы новые. Перепугались стрельцы до смерти, на колени пали, Богу молятся. Лишь храбрый боярин стоит как стоял, не шелохнется.

Тут вздохнула гора, задышала ветрами буйными, человеческим голосом спрашивает:

- Кто осмелился нарушить вековой мой покой?! Кто щекочет меня рано поутру?! Что, пришел, тебе надобно?!

Вот слезает Хитрово с коня белого, низко в пояс горе кланяется, как не кланялся он самому царю московскому, отвечает криком молодецким:

- Ой могучая трясун-гора, пришли мы сюда по нужде государственой, от самого князя Московского, царя всея Великой, Малой и Белой Руси Алексея Михайловича. Щекочит тебя наши кони подкованные, кони скорые да резвые, белые да буланные. А идем мы в великому Синбир-князю, князю щедрому да богатому, сильному да мудрому, чтоб разрешил он пройти нам, добрым молодцам, к великой русской реке, к Волге-матушке.

Засмеялась гора, затрясла утробой каменной - вздыбилась земля сыпучая, ручьи журчавые потекли в другую сторону, легли на землю травы высокие:

- Ха-ха-ха! Что искал ты, мелкий человекишко, то и нашел. Я и есть Синбир-князь! Князь могучий и великий, сильный и мудрый,

щедрый да богатый. Довольно у меня кладов подземных, ручьев да рек прохладных, лесов столетних, а стерегут их семь братьев, семь ветров могучих. Ничего мне от тебя не надобно, никогда не быть тому, чтобы властвовали надо мной люди пришлые, незваные. Не пущу я тебя к Волге-матушке!

Снова воевода к земле клонится, снова говорит слова ласковые, баюнные:

- Ой мудрейший князь, великий Синбир, разве пристало тебе богатством да силой землестрясною бахвалиться? Разве диво, что ты щедр да богат? У Руси Святой кладов не меряно: на Москвереке, в кремлевских палатах карснокаменных злата-серебра хоть пруды пруди, на сотни верст все вокруг покрыто лесами богатыми, реками широкими, полями хлебородными. Ты прими нас, князь, охотой да милостью, мы украсим венцы твои церквями православными с золочеными маковками, чтоб издалека их видели купцы богатые, заморские, чтоб возили они тебе товары по Волге-матушке. Будут жить здесь люди добрые, благодные, работающие да веселые, возведут они здесь стены высокие да остроги грозные, станут они тебе низко кланяться, называть тебя батюшкой, называть тебя Синбирск-градом, чтоб гремела слава твоя на всю святую Русь, на всю землю великую!

Лишь вздохнула в ответ Синбир-гора и затихла: вновь поднялись леса поникшие, травы полеглые; защебетали птицы в небе, зажурчали ручьи веселые. Поднялись на гору Синбир стрельцы-молодцы, пахари да плотники, посадские люди-ремесленники да торговцы. Стали они избы ставить, высокие церкви возводить, крепость да остроги рубить.

И поднялся на высоком венце, на семи ветрах - град Синбирск, славный да похвальный, в восьми-стах верстах от Москвы-реки, в десяти шагах от Волги-матушки. Да и поныне стоит.

Слава стрельцам да работным людям! Слава воеводе московскому Хитрово Богдану Матвеевичу! Слава могучему Синбир-князю!

БОЯРЫШНИК

Сказание о мудром боярине Всесвете, любимой да верной жене его боярыне Беляне и их детях

На Руси святой в глубокие годы в княжеском граде жил да был мудрый и храбрый боярин Всесвет. Исправно служил он ратно своему князю, правой рукой у него ходил, белой

мыслью при Думе сиял, добрым мужем среди христиан слыл. Любил боярин своего князя, да и князь Всесвета не обижал: жили будто перевитой хмель. Если у народа какая беда - пожар или недород - вместе беду да кручину на себя брали; если враг порог переступал - плечо в плечо на поле брани стояли; если радость какая - из одной братины усы мочили.

А была у Всесвета любушка-жена боярыня Беляна да еще шестеро детушек малых. Жили они в одно горе, в одну радость: в темину прислонялась Беляна к своему боярину со свечкой светлой, в дожди-грады заслоняла его веткою березовою, в сухь-зной поливалась водицей ключевою, в любо-радости полыхала красной зорюшкой. Ну а дети их, словно лазоревые цветы на лугу, красотой да кротостью радовали своих родителей. Жить да жить бы вольному мирному граду, да только так в народе говорят: где б беда ни была, вот и к нам забрела. Пришел на княжескую землю великий разор: черной тучей налетел с Востока лихой Тугарин-царь, саранчой облепил землю русскую, подступил волной грозною к самым стенам княжьего града. Уж больно крепок да красив княжий град: голубым кольцом-озером опоясан, от ветров да незваных гостей неприступной краснокаменной стеной ошлемован, а над ней полыхают золотом купола православных церквей. Жаль разорять такой город. Посылает Тугарин-царь к князю своего посла, посла хитрого да льстиворечного. Тот и говорит:

- Наш великий Тугайн-царь оделил тебя, князь, своей милостью, говорить он хочет с тобой голосом разума, а не свистом каленой стрелы. Отдавай, князь, добром злато-серебро, не то Тугарин-царь пожжет твой прекрасный город, с землей его сровняет, а на этом месте собачий мазар сделает.

Задумался князь, пригорюнился, рукой повелел посла обождать, а сам к Думе пошел. Сидят в Думе купцы да воеводы, стольники да бояре. Обратился к ним князь с тяжелым словом:

- Други мои, руки мои, плечи мои, легла на землю Русскую беда неминуемая, пришел под стены наши Тугарин-царь с черной силой несметной, грозитя город сжечь, с землей его сровнять, а на месте этом поганый мазар устроить. Хочет Тугарин-царь нас в разор ввести, требует отдать ему в откуп злато-серебро. Не дать ли нам собаке ненасытной кость, авось и отвяжется.

Засудачили думцы бородастые, вскидывают бороденки, Богу молятся. Встал тут боярин Всесвет, расправил плечи свои могутные, оплеснул всех огнем своих черных очей и сказал слово веское:

- Негоже нам, князь, с шакальим племенем сговариваться, не померявшись с ним силою. Трудно порушить силу грозную малой силою, не утолить жажду одной каплею, может, и не одолеть нам царя Тугарина, но и не утолить его ненасыть малой податью. Предсказываю: стоять на земле нашей намертво, хоть миг подышать вольной волюшкой, не срамить своих головушек, не терять Креста православного. Дай шакалу хвост, он и коня съест.

Не послушались князь с думцами Всесвета, собрали дань драгоценную и отправили ее врагу.

Час - не час, день - не день прошли, снова присылает Тугарин-царь своего посла. Сел, собачий хвост, прямо к князю на колени, масляи взглядом своим, шепчет на ухо:

- Сильно доволен тобой, князь, наш Тугарин-царь, столько драгоценностей он еще не видывал. Просил он передатъ тебе в благодарность плеточку тугаринскую, чтоб охаживал ты ею свою челядь православную, непокорную, чтоб стелилась она перед тобой согнутой травой. А еще повелел наш великий Тугарин-царь, чтоб отдал ты ему три табуна коней: один табун - вороных, второй табун - белых, третий табун - калюных. А не то, сказал наш великий Тугарин-царь, враз пожжем мы твой город, князь, с полевой травой его сровняем, а на месте этом собачий мазар устроим.

Снова пошел князь с Думой думу думать. Рассказал купцам, воеводам, стольникам да боярам про тугариново повеление, просил слова вещего. Опять думцы забулгачили, вздернули свои бороденки, Богу молятся. Встал тогда Всесвет, распрямил плечи свои могутные, оплеснул всех окоемным огнем и сказал:

- Не с руки мне, молодому, хулить ваши седые бороды, но и не снять с сердца горя каменного. Не послушались вы впервой меня, а теперь слезами умываетесь, на Бога уповаете! Но не смыть слезами позора нашего, не докричитесь до Бога, коль прижалась к земле душа ваша рабская. Как отдадим мы Тугарину-царю нашу конницу, останется наша дружинushка храбрая без крыльев. Вот тогда уж Тугарин-царь, ненасытный шакал, в шею нашу зубами вцепится. Предсказываю стоять насмерть, не срамить своих головушек, не отдавать в заклад наших жен и детушек, не терять Креста православного.

Снова не послушались князь с думцами боярина Всесвета, отдали три табуна самых лучших коней: один табун - вороных, второй - белых, третий - калюных, на милость тугаринскую уповают. Как узнал про то Тугарин-царь, возлял, пес, возрадовался. Велел приступом брать город княжеский. Да не тут-то было: топоры тугаринские дерево не секут, стрелы тугаринские ветром относит, мечи тугаринские веткой сгибаются, кони тугаринские на колени падают. Что такое? Видно, сам Бог граду помогает.

Подсылает Тугарин-царь к князю своего посла, посла хитрого да ласкового. Пришел, собачий хвост, на кресло княжеское сел, самого князя в ноги усадил, потчует его кобыльим вином, шепчет на ухо слова-баюны:

- Сильно доволен тобой, князь, наш Тугарин-царь, таких славных коней он еще не видывал. За то дарит тебе наш великий Тугарин-царь конька малого да плешивого, злого да выносливого. Ты садись на него, князь, царем гляди на холопов своих, охаживай их плеточкой тугаринской, чтоб стелились они как под ветром трава, чтоб кланялись они не Богу, а тебе! Зачем сеять нам вражду-траву, зачем поливать ее кровью-водой? Ты вели-ка, князь, по-нимать со злаченых церковей кресты православные да колокола вечевые-набатные, чтоб не смущали они души твоих подданных, не звали на жатву ратную. А не то, грозитя наш великий Тугарин-царь, пожжем-порушим мы твой город, с полевой землей сровняем, а на месте этом собачий мазар устроим.

Свесил князь седую свою голову, снова пошел в Думу совет держать. Сидят на лавках купцы да воеводы, стольники да бояре, заячьими хвостами дрожат их бороденки, за мошны у пояса держатся, бояся княжьего слова, перстами лбы свои крестят.

- Други мои, плечи мои, руки мои, - обратился к ним князь. - Снова Тугарин-царь заслал к нам своего посла, требует по-нимать со злаченых церковей кресты православные да колокола набатные, дабы не смущали они наши души, не звали на бой с ворогом. Иначе грозитя город наш с землей сровнять, жен да дету-

шек наших в полон увести, а на месте этом поганый мазар устроить.

Сел усталый князь в кресло свое глубокое, а думцы загудели, будто пчелы в рою, закричали, забулгачили:

- Или мало злата-серебра дали мы Тугарину поганому! Иль табуны наши не ко двору им пришлись! Так теперь и веру нашу басурманам отдай! Ишь, чего выдумали, нехристи поганые!

Встал тут свет-боярин Всесвет, распрямил плечи могутные, тряхнул кудрями золотистыми, окатил все очевидным огнем, громом-голосом заставил поприжать бородавки к груди:

- Что забулгачились, думцы честные, жалостливые! Иль не говорил я вам сказ про шакала да коня? Иль вы не ведали про несуть басурманскую? Аль не дорога нам стала земля наша, матушка, что ради живота своего мы готовы душу Тугарину продать, совесть христианскую! Да и ты, князь, вины нашей невольник, потакал заживевшим думцам, прямоту-правду прятал от люда православного и вольного. Как бы не потерять тебе, князь, и плеч, и рук своих!

- Стой! - воскликнул, вставая, князь. - Как ни друг ты мне, Всесвет-милушка, не позволю я хулить Думу и князя народом избранных, Богом посаженных. Всяк крепок задним умом, покажи же, мой друг, ум напередний.

Тяжело вздохнул Всесвет.

- Может, и прав ты, князь, негоже нам друг с другом ссориться, нашу распрю врагу в руки вкладывать. Я ж свое скажу, упрямое: и теперь у нас лишь одна гребта - стоять намертво перед саранчой тугаринской, чтоб не позорить свои головушки, не давать в полон наших сродников, не терять веры своей православной. Коль погибели быть, так хоть позора своего не увидим, если Бог победу дарует- пролитая кровь укрепит нашу землю Русскую, а наши детушки будут славить нас, не пряча глаз. Таково мое последнее слово.

После Всесвета князь вынес свой приговор:

- Видно, наш пряник несладким Тугарину-царю показался, что ж, пусть попробует русского кнута. Так и порешим, достославные граждане, - биться с ворогом будем. Не пристало нам за мощны свои держаться, если Русская земля в опасности, коли потеряем ее да честь нашу, никаким златом-серебром их не выкупишь. Не пристало нам, мужам, живота своего щадить, а если совесть да поклон Тугарину положим, не простит нам этого народ наш православный. Ну а ежели отдадим на поругание кресты нашей святой веры, не простит нас и сам Господь Бог. Готовьтесь, други мои, к сече великой, пусть Бог рассудит, кто прав!

Пришел Всесвет в свой терем высокий, а навстречу ему жена любимая Беяна, ластится к мужу, расспросы учиняет:

- Расскажи-ка, свет мой ясный, что Дума с князем нашим пресветлым порешили: поганому Тугарину кланяться или земле нашей да Кресту православному?

Обнял Всесвет свою ненаглядную женушку, в глаза ласково заглядывает и говорит:

- Порешили мы, любая моя, Тугарину-царю в ноги не кланяться, чести своей не срамить, Креста православного на поругание не отдавать. Будем готовиться к битве смертной да справедливой. Коль не осилим врага, об одном жалеть стану - что будет попирает он землю нашу Русскую, душу твою светлую, честь милых наших детушек.

А Беяна лозиночкой тонкой обвивает мужа своего ненаглядного.

- Ах, сокол ты мой ясный, Всесветушка милый, ведь если вам погибать, то и нам не жить. Иль мы в стороне останемся, когда мужья наши с врагом будут биться, иль делов у нас, что детей рожать да любимых миловать? Коль суждено нам умереть, станем и мы рядом с вами, чтоб утонул в нашей кровушке ненавистный враг.

Поплыл над княжьим градом колокольный звон-набат, сбежался на вечерую площадь всяк праздный и работный, стар и млад. На помост высокий взойшла боярыня Беяна, горячие слова говорила:

- Не на хмельной пир, не себя казать, не одаривать звала я вас, люди добрые и вольные. Там, за стенами нашими краснокаменными, стоит лютый враг, злой Тугарин-царь. Грозится он, собачий хвост, город наш с землей сровнять, живых в полон взять, надругаться над верой нашей православной, над могилами наших предков. Наши воины готовы постоять за честь земли Русской, за веру нашу и совесть. Но силен Тугарин-царь не духом, не верою, а злобой своей и несытью. Призываю тебя, народ вольный и честный, жены и дочери, отцы и матери, постоять рядом с мужьями на поле брани, не хорониться, победы ожидаючи, не плакать, рубяхи мочивши, а готовиться к долгой осаде.

Загудел народ, что пчелиный улей, кланяется Беяне храброй, церквам православным, земле-матушке. По всему городу запылали горны кузнечные, задымили печи жаркие, зазвенели топоры острые, застучала брусчатка кремлевская. Кузнецы мечи да копья куют, старики смолу варят, плотники стрелки да черенки стругают, дети камни на стену таскают...

День да ночь прошли, разродился рассвет алый, но так и не дождался Тугарин-царь ответа от гордого града. Выступают вперед тугаринские тьмы тьмущие, переправляются через голубое кольцо-озеро, муравьями ползут по отвесным стенам краснокаменным, осами выются их стрелы каленые, полумесяцем светятся сабли кривые. А со стен на головы поганые сыплются камни брусчатые, ядра каленые, льются смолы кипучие. День бьются, ночь бьются, никто одолеть не может. Отступили войска тугаринские, как стоял, так и стоит княжий град, лишь засыпало голубое кольцо-озеро не песочком да не камушками, а воинами тугаринскими.

День да ночь прошли, снова зорька утренняя подымается, снова Тугарин-царь на княжий град идет. Подступили поганые к стенам краснокаменным, саранчой ползут на самый верх, уж бьют таранами по воротам дубовым, железом окованным, молнией мелькают стрелы каленые, месяцем светят мечи басурманские. А на головы плешивые сыплются ядра каленые, камни брусчатые, льются смолы кипучие. И снова отступил Тугарин-царь, дивясь упорству и мужеству православных христиан. А вокруг града княжьего лежат валы высокие, не из песочка, не из камушков, а из войска тугаринского.

А в самом городе пожары гудят, народ суетится, защитники от усталости с ног валяются. Среди них ходит сам князь со своими боярами, чарки крепкие подносят, слова добрые раздаривают, усталым помогают на ноги встать. Боярыня Беляна с другими женами раненных воинов обихаживают, на раны кровавые целебные повязочки накладывают, ласковые слова говорят. Еще крепко в защитниках дух, еще не вытекла силушка русская, да вот беда: кончились ядра каленые, смолы кипучие, камни брусчатые. И взошел тогда на высокий вечевой помост боярин Всесвет, на последнее слово сказывал:

- Что ж, други мои-сограждане, видно, пришел наш последний час. Уж не выдержать нам третьего приступа, не одолеть большой силы тугаринской малой силою. Но если пришла пора умирать, помолясь, выйдем в вольную степь, чтоб в последний раз ветром вольным всласть подышать, чтоб смутить врага нашей крепостью да спасти свою честь, что нам дорога.

Встал народ княжеский на колени перед крестами православными, попросил у Бога прощения да заступничества, к битве смертной изготовился. Распахнулись ворота дубовые, железами обитые, вышли защитники за город все до единого, стали кольцом вдоль стен краснокаменных, спрятались за щитами крепкими, червлеными: где мужи стоят, там и жены их, где родители, там и детушки.

В третий раз пошли на приступ тьмы тьмушие тугаринские, будто черный ураган поднялся над землей русскою. И завязалась сеча жаркая, кровавая: порыжела от крови травушка зеленая, покраснели реки быстрые, почернело солнце золотое, разбежались звери дикие, улетели в сторону далекую птицы вольные. День да ночь звенят мечи острые, осами вьются стрелочки каленые. Уж устали ржать кони боевые, уж руки не держат мечи тяжелые, будто колоски под серпом падают на землю воины. Сила силу ломит. Редееет саранча тугаринская, но все больше падают щиты червлёные. Вот упала на родную землю боярыня Беляна и превратилась в деревце кудрявое, бездыханный прислонился к ней верный боярин Всесвет - превратился в шипы острые, их детушки малые убиенные повисли на веточках ягодками алыми. Опоясала город русский княжеский густая непроходимая чаща, не пустила Тугарина-царя к домам-теремам, к церквям златоглавым, к земле Русской.

Говорят, что град этот и сейчас там стоит. А колючее дерево с алыми ягодками народ зовет с тех пор боярышником: в честь достославного, мужественного боярина Всесвета, любимой жены его боярыни Беляны и их славных детей. Слава им! Слава князю! Слава граду князьему и его храбрым гражданам!

СКАЗАНИЕ О ЕГОРИИ ХРАБРОМ

Литературная переработка стиха о Егории Храбром из собрания народных песен Петра Киреевского.

Было это во шестом году в восьмой тысяче при царе Федоре, при Федоре Стратилатовиче.

Жила-была царица православная - свет-Софья Премудрая. Народила она себе трех дочерей, трех красавиц, трех родимушек, а четвертого - сына, Егория Храброго: по локоть руки в красном золоте, по колено ноги в чистом серебре. Как подросток Егорий,

научился в руках меч держать, меж ног коня сдерживать, унес его в свою землю во Демьянскую, землю бусурманскую злой царевич Демьянище. Стал он Егория расспрашивать:

- Ты, святой Егорий Храбрый, ответь-ка, которую веру веруешь, которому богу молишься?

Отвечает ему Егорий:

- Ой ты, злодей царевич Демьянище, верую я веру христианскую - самому Христу, царю небесному, еще матери богородице да святой троице нераздельной.

Повелел тогда злой царевич Демьянище мучить Егория-света муками различными, повелел он его в топоры рубить. Стали Егория в топоры рубить: по обух лезвие отломалось, у мастеров руки опускались, ясны очи спомрачились - ничего Егорию не сделалось.

Повелел злодей Егория пилами пилить: у пил зубцы пообламывались, у мастеров руки опускались, очи спомрачились - ничего Егорию не сделалось.

Тогда повелел злой Демьянище погребка копать. Выкопали погреб глубины сорока сажен, поперечины - двадцати сажен. Сажа-

ли Егория-света во глубок погреб, закрывали досками железными, забивали гвоздями полужженными, засыпали песками рудожелтыми. А царевич Демьянище сам собою притаптывал, сам с собою приговаривал:

- Не быть Егорию на святой Руси, не видать Егорию света белого, света белого, солнца красного, не слышать ему во век звона колокольного, пенья божьего.

Долго мучался святой Егорий в погребке демьянинским, тридцать лет и три года. А по сроку этому из-под города Чернигорода появилась там явленная сама мать пречистая Богородица. Восходили тут тучи гремучие, подымались ветры с вихрями, рудужелтые пески разлетались, полужженные гвозди полопались, железные доски расшатались, и - стал Егорий-мученик по верху земли, по верху земли, свету русского.

И пошел Егорий во славный во Чернигород. А Чернигород разорен совсем, нет ни старого, нет ни малого, лишь стоит одна церковка соборная, богомольная. В церкви той стоит царица благовёрная, свет-Софья Премудрая, на святых молитвах на Иисусовых. Святой Егорий в церковь восходит, чудным образом поклоняется, к своей матушке обращается:

- Ой ты, мать моя, матушка родимая, святая Софья Премудрая, благослови пойти в царство во Демьянское, благослови побить царевича Демьянища, отплатить ему дружбой прежнюю, пустить ему кровь горячую, утвердить нашу веру христианскую: самого Христа, Царя небесного, матери Богородицы да святой Троицы нераздельной.

И сказала ему матушка, Софья Премудрая:

- Пойди, чадо, во чисто поле, и поймай там коня богатырского, с оружием богатырским и двенадцатью цепями железными, да побей царя бусурманского, отплати ему дружбой прежнюю, утверди веру христианскую.

И поехал святой Егорий по терновой дорожке, по богатырской. Вот выехал он к горам высоким, горы то сходятся, то расходятся, не пройти Егорию, ни проехать. Тут крикнул он голосом молодецким:

- Ой вы, гой еси, горы высокие, станьте на одном месте! Я на вас, горах, горах на высоких, построю церковь соборную, богомольную!

Стали горы. Святой Егорий, проезжал, утверждал веру христианскую.

Наезжал Егорий на темные леса, на дремучие. Попригнулися леса к лесам, по сырой земле расстилаются, ни пройти, ни проехать. Крикнул богатырь могучим голосом:

- Ой вы, гой еси, леса дремучие, встаньте вы, леса, на свое место! Я из вас, из лесов темных, дремучих, срублю церковь светлую, соборную, с золочеными маковками высокими, поднебесными.

Выпрямлялись леса трескучие, когда святой Егорий проезжал, утверждал тут веру христианскую.

Встало на пути Егория стадо звериное. Пасут то стадо три пастыря, три девицы, родные сестрицы: волосы на них, как ковыль-трава, тела их - кора еловая, голосом рыкают по-звериному, - ни пройти Егорию, ни проехать. Ласково Егорий их уговаривает:

- Ой вы, гой еси, три девицы, родные сестрицы, вы ступайте-ка на Иордань-реку и окупайтесь водой животочною, бросьте вы веру бусурманскую, веруйте вы веру христианскую, самому Христу, Царю небесному, еще матери Богородице, святой Троице нераздельной.

Разбежались стада звериные, проезжал здесь Егорий Храбрый, утверждал веру христианскую.

Через много ден наезжал Егорий на волков серых, на степных разбойников, на прыскупих, - ни пройти Егорию, ни проехать. Возговорил богатырь голосом могучим:

- Ой вы, гой еси, волки прыскупие, разойдитесь, разбежитесь вы по три, по два, по единому, по глухим степям, по темным лесам. Вы ходите в поле повременно, пейте, ешьте с повеления да с благословения, и будете сыты от этого, без меня, без Егория Храброго.

И порыскали волки во все стороны по два, по три, по единому, а святой Егорий проезжал, утверждал веру святую.

Повстречал Егорий змея лютого, огненного, - из рта его огонь-полымя пышет, из ушей его дым столбом подымается, ни пройти Егорию, ни проехать. Закричал Егорий зычным голосом, гласом богатырским:

- Ты рассыпся, змей, на части мелкие, выйди ж ты, змей, во сырую землю! Пей ты, ешь сырую землю, будешь сыт и от этого!

Сковал Егорий Храбрый змея лютого двенадцатью цепями железными и проехал далее, утверждая веру христианскую.

Приезжал он к граду Киеву, ко вратам к Сабрицким. На вратах тех сидит люта и нага Астрахтир-птица, она держит в когтях шатры-рыбу, - ни пройти Егорию, ни проехать. И крикнул богатырь голосом молодецким:

- Ой ты, гой еси, люта и нага Астрахтир-птица, слетай-ка ты на сине море, пей ты, ешь с синего моря да детей выводил на белом камени!

С ворот Сабрицких снялась люта и нага Астрахтир-птица и уле-

тела на сине море. Проезжал Егорий, святую веру утверждаючи, святую русскую землю очищаючи. Проезжал он ко граду Киеву, подъезжал к палатам белокаменным, к тому крылечку к царскому, к Демьянскому. Выступал на свое крыльцо на царское злой царевич Демьянище, Егорию-свету кланялся, Егория Храброго укоряя:

- Ой ты, святой Егорий Храбрый, ты не сделай мне смерти басурманской, а сделай мне смерть христианскую, дай ты мне срок на три года!

Отвечал ему Егорий Храбрый:

- Нет, злой царевич Демьянище, не даю тебе срока ни минутою!

Вынимал он палицу железную, разрушал палаты белокаменные и побил царевича Демьянища: отплатил ему дружбой прежнюю, пустил ему кровь горячую, утвердил веру христианскую - самому Христу, царю небесному, еще матери Богородице, святой Троице нераздельной.

Много Егорий поездил, много Егорий претерпел. Претерпел он страсти великие, претерпел он муки разнообразные от злого царевича Демьянища и прославился во имя земли Русской, во имя веры Православной.

У Александры - юбилей!

**«ЕСЛИ
КО МНЕ
СРЕДЬ
БУДНЕЙ
СВЕТЛЫЙ
ВОРВЕТСЯ
ПРАЗДНИК...»**

У МЕЛЕКЕССА ЕСТЬ ЗАКОНОДАТЕЛЬ АЛЕКСАНДРА БЕЛОВА, А У ПОЭТЕССЫ АЛЕКСАНДРЫ ЕСТЬ МЕЛЕКЕСС

Давненько уже Саша не бывала в своем Никулине на Енисее. Дела-заботы мелекесские не пускают. Да и не мыслит она себя сегодня сибирячкой, а только - мелекессянкой... Здесь ее дом, здесь ее семья, отсюда есть-пошла новая ветвь Беловых.

Наш юбиляр сегодня не просто известная в Поволжье поэтесса. Она государственный человек. И ее Мелекесс-Димитровград - ее законодательное поле, а она в нем - полномочный народный депутат.

Творчество (будь даже законодательное) не иссякает и в делах-заботах. Потому в своем жизненном порубежье Александра Белова вновь предстает перед нами в своем писательском величьи. Поздравляя нашу Сашу, нашего депутата Белову, мы решили представить на страницах «Черемшана» ее стихи уже известные читателям, однако как бы ставшие вехами в творчестве поэтессы. Вехами, ограничивающими ее календарный юбилей, ею уже пройденный творческий путь, открывающими новую страницу биографии писателя Беловой.

У МОРЯ

А море, как доверчивый ребенок,
Качается, к ногам моим ласкаясь,
Земная широта его и ясность
Так радостно колыхнется во мне...
Я рядом с этим трепетным созданием
Вдруг чувствую такое изумленье
И теплой доброты порыв душевный,
И жгучее желание творить.

ГЛАСНОСТЬ

Все на слуху: смех и горький плач.
Заходятся газеты и журналы.
Не разберешь, кто жертва, где опала?
Нет палача? Иль жив еще палач?
Оглянешься - белеют черепа
поверженных и павших идеалов.
Депрессии такой еще не знала
земли моей злосчастная судьба.
Зачем мне знать про верхний эшелон,
про то, что там уже ничто не свято,
Душа под небом гласности распята,
и боль ее, как колокольный звон.

Люди. Усталые лица - навстречу идут.
Долго ли это продлится? Веков? Минут?
Сердце болит и стонет, огнем горит,
в каждом лице утонет - живой магнит.
Если б всю боль на свете ему унять!
Кто они?

Дети.

А кто же я?

Мать.

ПЕРЕД ТРОИЦЕЙ

Все ожидало заката
Или молило дождя,
Знойным солнцем объято.
Плавилось, уходя,
Розовое светило
За безоблачный край,
Словно, сердясь, твердило
Про потерянный рай.

Тихо, в тумане белом
Вечер сменила ночь
И, омывая тело,
Все прогоняла прочь:
Страхи и опасенья,
Горечь ушедших дней.
Жаждала воскресенья
Память души моей.

РЫЖЕЕ

Во дворе, за горой, за лесом
Тускло, серо и одиноко,
Ни движенья, ни птичьих песен.
И тоска... До какого срока?
Вдруг среди туч показалось солнце,
Разыгралось рыжим светом.
(Так вот мысль иногда дается
На вопросы одним ответом).
Обнаженные ветви плыли
В рыжем радостном ореоле,
Травы жухлые золотились
Вдоль дороги, по краю поля.
Стая птиц над горою рыжей
Зашумела и вдруг умолкла.
Пронеслась над моею крышей...
Я решила:
помою окна.

Вячеслав ПЕРВУШИН

ДАКОТА

Рассказ третий.

**СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО.
ТОЛЬКО ДЛЯ ШТАТНЫХ СОТРУДНИКОВ ФЕДЕРАЛЬНОЙ
СЛУЖБЫ БЕЗОПАСНОСТИ.
ОРИЕНТИРОВКА ГУФСБ и СВР***

Глеб Николаевич Собинов. 1964 г. р., русский. Уроженец города Иркутска. В 1986 году закончил Высшее военное училище КГБ СССР им. Верховного Совета. Специализация: Ближний Восток, Латинская Америка. С 1990 года в Службе внешней разведки. С 1992 года командир диверсионной спецгруппы «Паллада». Владеет всеми видами стрелкового и холодного оружия. Мастер рукопашного боя. Инструктор - эксперт по восточным единоборствам. Прошел «Курс общего радиогипноза и ультразвукового внушения на базе компьютерных систем управления обществом и контроля личности», а также «Современные методы и технологии радиоэлектронного шпионажа». В совершенстве владеет взрывным делом. Инструктор-пилот 1 класса. Свободно владеет английским, португальским, французским, испанским и арабским языками.

Рост 189 см. Вес 90 кг. Цвет глаз - зеленый. Цвет волос - светло-русый. Великолепно использует искусство грима и перевоплощения... За успешно спланированные и проведенные операции в ряде стран Ближнего Востока и Центральной Америки представ-

лен к ряду высоких правительственных наград... При ликвидации учитывать высокую способность к внушению...

КАЛИНИНГРАД. Стриптиз-бар «БРИЗ». 07. 09. 98 г. 22ч. 28м.

- Дернешься, твоей подружке - хана, знаю, на себя-то тебе давно наплевать.

- Подленький ход, Джокер, подленький, - прошептал Глеб.

- Ну-ну, перестань, командир. Сам же учил: в большой игре не бывает подленьких ходов. Назовем это предусмотрительностью. Держи наручники, мне спокойнее, когда ты в браслетах.

- Большая игра, говоришь? - спросил Глеб, медленно положив «ТТ» на капот «Ровера» и защелкивая наручники на своих запястьях. И кто я в этой большой игре? Пешка? Ладья? Слон?

- Бери выше, Дакота. Для меня в этой игре ты - тузовый покер.

«Ах ты, гаденыш», - тоскливо подумал Глеб.

- Ты всегда говорил, шахматы - дерьмо, заранее рассчитанные комплекующие и ходы, сплошная тоска. И ничего они не развивают, ни какого логического мышления. А почему? Нет элемента случайности. Только карты, мужики! Это, как жизнь, - вроде ты все рассчитал, все учел, а тут хлоп - джокер!..

- Тебе приказали убрать меня?

- Вот что мне всегда нравилось в тебе, командир, так это - конкретность. Очень нравилось. И это как-то не вязалось с тем, что ты говорил нам и в Анголе, и в Эфиопии: «Приказ - приказом, бойцы, но у каждого из вас есть головы на плечах, в коих подразумевается наличие мозгов». Ну, допустим, да. Приказали мне тебя убрать. Неужели ты думаешь, что я стоял бы сейчас здесь с тобой и базары базарил? Я бы тебя мог еще в порту убрать, в складе № 18, пока ты фенаминчиком взбадривался. Я ж тебя, Дакота, срисовал, как только узнал, что кто-то два взвода ментов, как малолеток посадил. Ах ты, думаю, мама милая, до боли знакомая школа.

- Чего ты хочешь?

- А ты попробуй догадайся.

- Наверное, посидеть, бутылку- другую раздавить, веселые деньки вспомнить, Вадика Чернова помянуть, Леху Заварзина...

- Как?... Лешка?! Ты что метешь?

- А ты не знал? Не знал, да? Про Вадика, значит, в курсе...

- Лешка?!

- Да не ори, услышат. Не на плацу... Разорался.

- Заползай в машину, командир... Ага, вот так, потихонечку, и

без резких движений, пожалуйста... Леху убрали... Ну, ладно, ладно. Если не врешь, мы сейчас с тобой свою партейку разыграем... На одну руку. Против кое - кого... Идет?

- Девчонку отпусти, Сань. Не заставляй думать о тебе хреново. Ты же воин, а не отморозок...

- Поверил, Глеб?! Поверил? Купился?! Да дома уже поди твоя брюнетка, дома. Почивает... Ах, командир, командир, обижаешь... Прищелкнись-ка к рулю... Хорошо... Между прочим, брюнетка твоя - темная личность... Хороший каламбур, да? Ха-ха-ха!.. Хороший, да?.. Темная личность - эта брюнетка! Ха-ха-ха!.. Погубят тебя бабы, Дакота, погубят... Ладно, трогай. Порт, восемнадцатый склад.

- Дерьмовый каламбур, Джокер. Дешевый .

КАЛИНИНГРАД. 07.09.98г. Ул. Балтийская 16 - 58.

Квартира старшего лейтенанта Кондакова представляла из себя нечто среднее между мастерской сумасшедшего художника, борделем и железнодорожным вокзалом города Казани. По крайней мере именно такие ассоциации всякий раз возникали у Зотова, как только он переступал порог жилища, с позволения сказать, своего подчиненного.

По привычке споткнувшись о набитую каким-то хламом картонную коробку из-под видеомагнитофона «JVC» и так же по привычке выругавшись, майор протиснулся между стоявшей в сексуальных воспоминаниях софой и антикварным бюро и брякнулся в кресло.

Напротив кресла, на обшарпанной и засаленной стене висела, с позволения сказать, картина.

- Поздравляю, Кондаков, - уныло сказал майор, когда Леша появился с запотевшей бутылкой водки «Ророн» и двумя стаканами.

- С обновкой. Это что? Пизанская башня?

- Хм... Вообще-то художник, который мне ее подарил, называет это « Мертвые окна глаз».

- А-а... По-моему издевается над тобой этот художник, дай Бог ему здоровья и творческого долголетия.

- Извини, Сергеевич, не разбираешься ты ни хрена в искусстве.

- Ну отчего же? У меня дома, например, целый альбом шикарных репродукций Рубенса имеется. Вот такое искусство я уважаю. Посмотришь на его женщин... Э-эх! Есть где мужику с богатой фантазией развернуться. Была у меня одна такая... Я по ней всю ночь, как по пересеченной местности ползал...

- С компасом?

- Да пошел ты! Поливай лучше, да начнем задушевный разговор об общем друге нашем - Дактоте. Имею я большое, понимаешь, желание глотку ему собственными руками порвать.

- СОБР, понимаешь, тоже имел такое же желание, а «друг наш» так их сам поймел - любо-дорого.

- Лучше помолчи, Кондаков, лучше помолчи. Давай не будем по новой...

- Все-все-все, молчу. Я во всем виноват. Я. Один... И еще один «спец»-психопат, которого два взвода не смогли взять...

- Ну ладно, ладно, не заводись. Все дров поналомали, от УВД лесоповалом пахнет, как в тайге, мать ее... Ну. Так что ты такого интересного узнал от своего приятеля-гэбэшника?

- Ямщик, не гони лошадей, - вздохнул Алексей, разливая популярную в штате Мэн водку «Роров» и присаживаясь на пуф в форме Сфинкса Гисеха. - Ну, давай, что б у нас все было, и что б нам за это ничего не было.

Выпили.

- У-а-х, - выдохнул Зотов. - Мягко... А тост-то - чистой воды уголовщина, старлей. Дай-ка, сигаретку... Ну?

- А что «ну»? Ориентировка из Москвы пришла на «нашего друга». Лучше бы я о ней не слышал. Тебе, Сергеич, что-нибудь говорят такие вещи: «Мемоир», «Хромакс», «Линда», «Синона»?

- Это что? Хит-парад FM?

- Если б. Хотя... Что-то общее есть. И «Мемоир» и «Хромакс» - лазерные диски. Только вот на счет музыки... Не знаю... ОНТА.

- Чего?

- Повторяю по буквам: О-Н-Т-А.

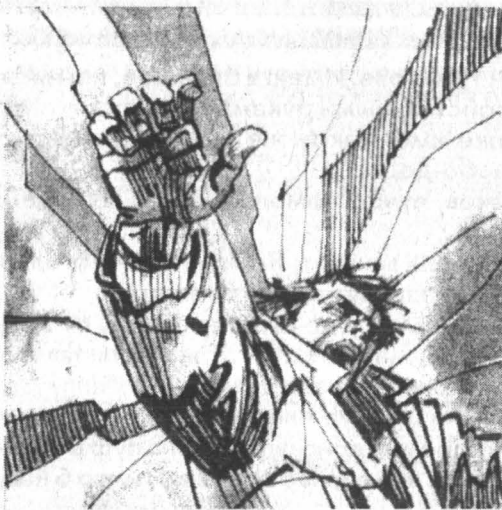
- А теперь, если, конечно, тебя - человека искусства это не затруднит, пожалуйста по-русски... И все-таки это Пизанская башня, только уже упавшая и придавившая толпу мелких японских туристов.

- А я по-русски и говорю, Сергеич... Черт с тобой, пусть башня... Ты газеты читаешь?

- Абсолютно.

- Ага. Это хорошо. Значит так, в одна тысяча девятьсот девяностом году во всенародно любимой газете «Труд» промелькнула статейка - цитирую по памяти:

«В 1985 году при Комитете Госбезопасности была создана экспериментальная, секретная группа. В нее входили в основном молодые люди, обладающие даром внушения и прошедшие специ-

альные курсы гипносуггестии. Группа получила кодовое название ОНТА и некоторое время использовалась для «вытягивания» признаний во время допросов. Вскоре на конспиративной квартире ОНТА в Москве появились новейшие компьютеры и другая электронная техника, предположительно - советские аналоги западных «детекторов лжи». Стоило, например, лазерный диск «Мемоир», или «Хромакс» вставить в

дисковод компьютера, как на дисплее появлялось определение правдивости каждого слова, каждого звука. Операторы развлекались тем, что проверяли на правдивость и искренность произведения Моцарта, Бетховена, церковное песнопение... Позже появились более сложные системы: аудио - «Линда» и видео - «Синона»...

- Стоп, стоп... Кондаков, я не то чтобы не верю во все это, ГБ - есть ГБ, но какое отношение все это имеет к теме нашей беседы?

- А прямое и имеет. Как думаешь, кто состоял в группе разработчиков и самых активных сотрудников ОНТА?

- Врешь!

- Если бы, - опять вздохнул Кондаков, разливая водку.

- Дакота!

- Ну.

- ... Я охреневаю, уважаемая редакция...

Калининград. Портовые доки. Склад № 18. 08.09.99 г. 1 ч. 12 м.

- Ну? И почему ты снял с меня наручники? - вяло спросил Дакота, выходя из джипа и равнодушно глядя, как Джокер прячет под курткой наведенный ему до этого под ухо «ТТ».

- Ты не убьешь меня, - бросил тот и пошел к скрытому металлоломом лазу в склад № 18. - Я знаю, знаю, что кроме «тэтэшника» у тебя наверняка есть что-то еще, покруче, да и вообще, зачем тебе железо, если у тебя до сих пор целы руки и ноги? Только какой смысл тебе убивать меня, командир? Тебе же нужна инфор-

мация и прикрытие, чтобы уйти из Калининграда. Верно?

- Верно, лейтенант. Умный мальчик. Ну, а тебе-то что от меня нужно?... Зачем тебе труп? У тебя-то какие проблемы, а, Резо?

- Хороший вопрос. Уместный вопрос... Кстати, с каких это пор ты стал черноглазым брюнетом?

- А с каких это пор ты стал горцем? Резо, мать ее...

- Ну, Дакота, вопросом на вопрос отвечают только бабы.

- А глупые вопросы не задают бойцы «Паллады».

- «Паллады» больше нет, командир. Очнись. Что с тобой происходит? Ты не в Уругвае, капитан! Или Калининград похож на джунгли Анголы? «Паллады» нет, ты - не ее командир и ты вне закона. И вот еще что: ты не только вне закона, тебя просто нет, Глеб. Тебя уже нет. Ни в каких списках. Ты даже не погиб «при исполнении», тебя просто никогда не существовало. Вот такая штука, Дакота.

- Вадика и Лехи тоже не существовало? Это не тебя Лешка Заварзин двенадцать километров тащил по болотам Сальвадора? Тебя - полудохлого сукина сына, чуть не проколовшего всю операцию в Ла-Уньоне? Не Вадик Чернов прикрывал твою жопу в Бейруте в восемьдесят девятом? А?

- Лирика, Глеб. Прошлым живут только дураки...

- Конфуций гребаный! Если б не эта лирика, ты бы сейчас, мудака, отдыхал в очень теплом месте в одной компании с Атипллой,

Пол-Потом и Элвисом Пресли!

- Стоп, стоп, стоп... Ты переборщил с фенамином, Глеб. Будешь слушать меня, или...

- Или что? Пристрелишь меня?

- ...Или поедешь к своей брюнетке, где тебя, скорее всего, уже поджидают менты? Я ж всегда тебе говорил, Глеб, погубят тебя бабы... Тоже мне, выбрал прикрытие. Давно в кабаках не был, Дакота? Порядочных женщин

там давно уже нет. Половина сук под братвой ходит, половина под ментами... Все прошлым живешь?.. Ты же болен, Глеб...

- Ты мне что-то хотел важное сказать, психиатр? - еле сдерживая себя, сквозь зубы спросил Дакота и решил, что ни за что не уйдет из Калининграда, не посмотрев в глаза брюнетке Женечке. В ее черные, бездонные глаза. - Ты что-то хотел от меня... Только сначала я скажу, Джокер. Калининград не похож на джунгли Анголы? Тут ты прав. Даже не представляешь, насколько прав. Там, в Анголе я знал, кто враг, а кто союзник, на кого можно положиться, а на кого нет, а здесь... Девочка шепчет тебе о любви всю ночь, заметь - наша русская девочка, а наутро сдает меня с потрохами, женщина смотрит на меня красивыми глазами, назначает свидание и стучит на меня ментам, а друг, с которым вместе гнил в болотах Сальвадора, вдруг оказывается воровским авторитетом и пытается мне выбить мозги на дверцу новенького навороченного джипа...

- Это моя работа. Теперь это моя работа, Глеб.

- И на кого же ты работаешь? На ГРУ, на СВР, на ФСБ? А может быть, на Си Ай Эй?

- На правительство.

- ...Ты штатовских боевиков обсмотрелся что ли, Джокер?.. Он работает на правительство, етит твою! А я на Интерпол, понял? Терроризм и шпионаж! А по совместительству я еще таких продажных сук, как ты, отстреливаю!

- Я ликвидирую группу «Паллада».

- ...Ты?! Ты?! - Дакота задохнулся.

- И Инга.

- И на чье же это ты... вы правительство работаете?..

Глеб, словно подкошенный, сполз по ржавой стене ангара и дрожащими руками достал из кармана пачку «Кент», купленную в стрип-баре.

Они сидели рядышком на корточках и молча курили, по привычке прикрывая огоньки кентуккийских сигарет ладонями.

Положа руку на сердце сейчас Глебу хотелось только одного - покоиться на глубине двух метров на каком-нибудь поросшем вереском холмике под скромной плитой, на которой бы было выбито «Он верил людям. Спи спокойно, Идиот». И чтобы холмик этот был на берегу Онежского озера. Уж почему, черт его знает. И чтобы рябинка в изголовье. Обязательно.

- Ну ладно, ладно, - прошептал Глеб, легонько шлепнув себя по бедрам. - Спокойно. Я уже начинаю думать, как посаженная

крепость - все кругом враги, шпионы и убийцы. Так не годится. Верно, лейтенант?

- А черт его знает, - пожал плечами Джокер и прикурил еще одну сигарету. - В лицо тебя, собственно, знает только Женечка, человек десять из бара, Ольга и я. И то, какой ты на самом деле, знаю только я... И знаю, о чем ты сейчас думаешь.

- Просвети.

- Ты делаешь расклад - сдала тебя Женечка (между прочим, это ее не настоящее имя) или нет? Честно скажу, и сам не знаю. Женщины вообще непредсказуемые... э... существа. А уж Женя... Почти год ее знаю, а что на уме... Черная дыра просто какая-то, мать ее!.. А что, зацепило, Глеб? А? Зацепило? Да черт с тобой, можешь не отвечать, и так знаю. Ведь ты же не веришь в любовь не с первого взгляда...

- Теперь у меня нет никаких причин вообще в нее верить.

- Забавно... - с минуту поразмыслив, сказал Джокер. - И опасно. Глеб, не верящий в любовь - это... И Ингу убил бы?

- А почему нет? Объект должен защищаться, не веря никому, или... ликвидироваться сам. А может быть, у тебя есть варианты?

- По-моему, ты не должен думать, как объект.

- Ну я херею с тебя, воин! И кто мне это говорит? Прихвостень правительства, которому приказали ликвидировать своего командира! Сколько тебе заплатили за меня?! А, Джокер?! Сколько?!

Саша Сивцов достал откуда-то из глубин куртки объемистый пакет и протянул его Глебу:

- Здесь сорок тысяч... Бери, бери - это гонорар Инги - она просила передать... Там еще письмо внутри. Она сказала. И... она велела передать, что ты здорово сохранился за эти пять лет, что мы не виделись... Мне сдается... э...

- Что?!

- Что у нее был просто очень хороший оптический прицел... Ха-ха-ха...

- Я тебе уже говорил, что у тебя поганое чувство юмора? - невольно улыбнулся Дакота. - ...Значит, она не смогла... Ялта?

- Я всегда говорил, мне бы такой член, как твоя интуиция, жил бы я, как прынец.

- Снимался бы ты в шведских порнофильмах... Почему?

- Ой, ребята, не впутывайте меня в ваши дела, Христом богом молю! Отчего? Почему?.. Сам и спроси у нее. Инга!

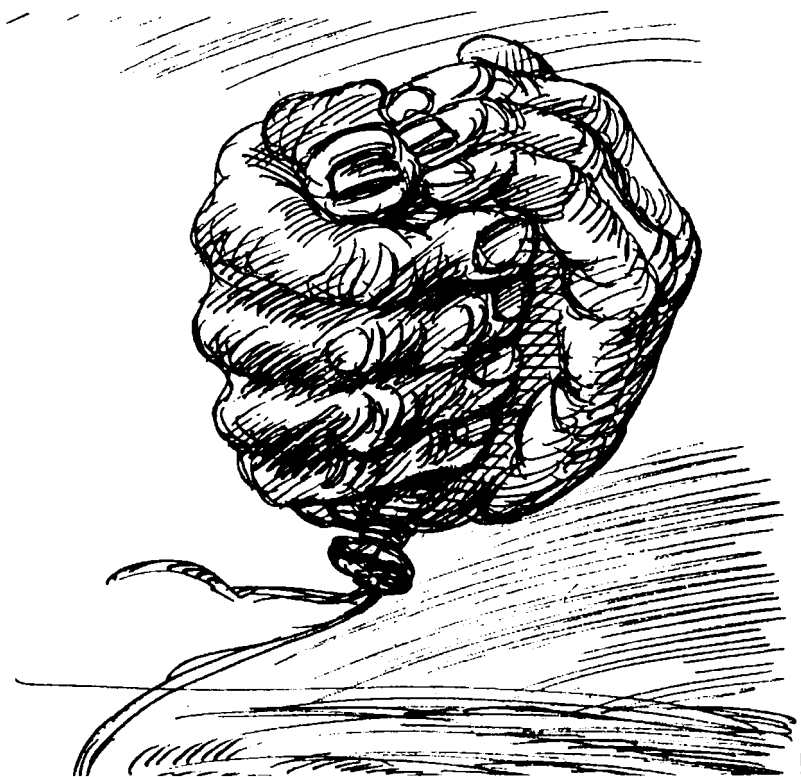
Глеб вздрогнул и почувствовал, как холодным потом покрылись спина и ладони.

- Ну, здравствуй еще раз, Глебушка, - прошептал ласковый, с мягкой хрипотцой голос прямо ему в ухо.

Глеб медленно обернулся. В неверном свете сигареты Глеб сумел рассмотреть только лицо.

Смуглое, красивое лицо Женечки из стрип-бара.

Конец первой части.

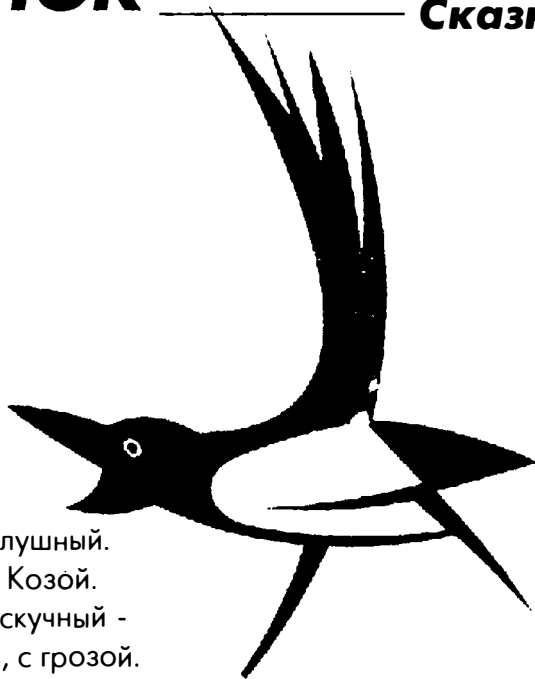

Продолжение следует.

Леонид АРТАМОНОВ

НЕПОСЛУШНЫЙ КОЗЛЕНОК

Сказка

Был козленок непослушный.
 Жил он с мамочкой Козой.
 Был денек какой-то скучный -
 С ветром, с молнией, с грозой.
 Во дворе лишь пыль вертелась,
 Даже неба не видать.
 Но козленку захотелось
 Выйти срочно погулять.
 Всей душой жалея сына,
 Так ему сказал мать:

- Ну, какая ж там прогулка?
Соро, верно, хлынет дождь.
Не дойдешь до переулка
И дороги не найдешь.
Так гулять, моя ты крошка, -
Что за радость под дождем?
Солнце глянет к нам в окошко,
Вот тогда вдвоем пойдем...
Ветер рвал в окошке раму,
Даже домик весь дрожал.
Сын не слушал козу-мamu.
Дверь открыл и убежал.
Ветер вихрем закружился,
Загудел и засвистел.
Жертвы он своей добился,
И с козленком улетел.
Мама тоже вслед помчалась,
Чтобы не было беды.
Воздух нюхала, старалась -
Не нашла его следы.
Вот какой был страшный случай
В этом поле за бугром:
Все покрылось черной тучей,
Хлынул дождь, и грянул гром!
Только поле услышало
Голос матери-козы,
Беглеца во ржи скрывало
От дождя и от грозы...
Утром солнце засияло.
Пар поднялся над землей.
Небо, словно засмеялось

Всей своей голубизной.
Ветер злой имел привычку
Счастье всех мешать с бедой:
Превратил козленка в птичку,
Дав название - «козодой».
Вот, с тех пор все лето громко
Там, за речкой, вдалеке,
Птичка голосом козленка
Плачет:
- Ме-ке-ке-ке-ке!

Анна ФИЛИМОНОВА

ЗОНА БЕЗУМИЯ

Фэнтези

«...Чёрт, откуда взялась эта музыка?..»

Бетховен. Глухой гений. Музыка звучит и наполняет душу высоким торжеством, очищая её...

Нарго Дэвис открыл глаза, не веря, что просыпается. Да, похоже, он спал и во сне слышал музыку Бетховена. Стоит ему сомкнуть веки, как он начинает свой бесконечный, таинственный путь в недрах загадочного, тёмного лабиринта, полного коридоров и тупиков; в конце некоторых мелькает свет, и Нарго блуждает по лабиринту, то приближаясь к свету, то углубляясь во тьму, а музыка звучит, то громко, то будто удаляясь.

Нарго Дэвис нащупал рядом с собой тёплую руку жены, положил её себе на грудь поближе к сердцу, тихонько сжал и снова погрузился в наполненное прекрасными звуками забытье.

... Впитывая кожей ласковые лучи солнца, Изор Дэвис слушала, как размеренно и глубоко дышит море.

Её не покидало ощущение, что это - мерное дыхание гигантского, аморфного и доброго существа, которое ласково щекощет ей пятки. Вдох-выдох, вдох-выдох...

Тело блаженствует на тёплом мягком песке. Рядом муж, он держит её за руку, прижимая ладонью к своей груди, и она чувствует, как бьётся его сердце. Всё хорошо!

Вдох-выдох, вдох-выдох, вдох...

- Эй, ребята, хватит!.. Просыпайтесь. - Окрик Ига Кара не вывел их из долгого забытья.

Словно в тумане Нарго видел склоненные над ним лица второго механика и врача.

- Что ты им дал, Иг? - спросил врача Шин Джордано, высокий, смуглый, худощавый человек с ниспадающей гривой выющихся длинных чёрных волос.

- Успокоительное, - ответил доктор Иг Кар, немолодой, но удивительно красивый человек. Лёгкие залысины ещё более увеличивали его огромный лоб, - слабый наркотик. У него - черепно-мозговая травма, у неё - переломы рёбер и масса ушибов. Всё моё оборудование разбилось. Ничего больше не оказалось под рукой, а мне нужно было их осмотреть и перевязать. Оба очень страдали от боли, особенно она...

- Больше никто не пострадал?

- Из живых - нет... - Над Нарго появилось встревоженное лицо его брата, Тэра Дэвиса.

- Ну, как они? - издали долетел его голос.

- Всё будет хорошо, Тэр, - ответил Иг Кар.

Глаза Тэра озабоченно остановились на лице брата. Он был точной копией Нарго, только лет на десять моложе и без бороды. Затем он перевёл взгляд на Изор, и голос его зазвучал глуше:

- Ей предстоит узнать о смерти брата...

- Всему своё время, Тэр, - отозвался врач. - Наркотик заставил их грезить, и, похоже, они не очень-то хотят расставаться со своими видениями.

- Но без них нам не выбраться отсюда. Только Нарго способен починить разрушенный пульт.

- Он починит его.

Белёсый туман развеялся перед глазами Нарго, музыка стихла. Лицо брата проступило чётче.

Изор тоже опомнилась и тут же застонала от резкой боли в боку. Преодолевая её, она повернулась к мужу.

- Ты снился мне, - мягко сказала женщина и огляделась вокруг, встатриваясь в склоненные над ними измождённые лица.

Доктор Иг Кар, второй механик Шин Джордано, метеоролог Мэгг Бин, помощник доктора Тэр Дэвис, психолог Флор Дюран... Не хватало ещё трёх лиц.

- Гаурэ... - простонала Изор. - Где мой брат Гаурэ?

- Что стряслось? - ясным и предельно чётким голосом спросил Нарго Дэвис.

Огромный красавец-вездеход последней модели мягко скользил по бесконечным ледяным просторам Антарктики.

Он двигался в сторону исследовательской базы, расположенной в самых глубинах неприступного ледового материка.

Оттуда уже давно никто не подавал вестей. Посланный зонд не обнаружил никаких признаков жизни. И туда была отправлена спасательная экспедиция, чтобы выяснить, что же случилось с людьми этой базы.

Вездеход двигался осторожно, на ходу вычисляя и выверяя координаты своего пути, и десять человек, находящиеся в его "чреве", были уверены, что им ничто не угрожает.

Вокруг простиралась безграничная ледяная равнина, озаряемая южным сиянием, и над ними смыкался чёрный купол полярной ночи.

Уже более суток кружили они около того места, где должна была находиться база, непрерывно посылая сигналы. Но снежная равнина молчала, и на их пути не встречалось ничего похожего на создание рук человеческих.

Бедра пришла неожиданно. Началась невиданной силы пурга, потом под ними вдруг дрогнул лёд. Затем ледяной пласт, по которому двигался вездеход, начал смещаться относительно другого, под ними вскрылась обширная трещина, и машина рухнула туда, не успев выпустить ходули-манипуляторы, чтобы её перепрыгнуть.

Но, к счастью, трещина оказалась не очень глубокая, а вездеход последней модели был совершенной машиной, и он мягко приземлился на её дно, почти не повредив обшивки корпуса. Однако мягкое падение не уберегло от повреждений внутренность вездехода.

Сразу вышел из строя пульт управления. Сидящий за ним командир экспедиции Нарго Дэвис так и остался лежать на нём, сильно ударившись головой. От смерти его спас Гаурэ Стронг, который в последний момент успел подхватить Нарго, смягчив удар, но сам скончался на месте.

Все остальные члены экипажа, находившиеся в стороне от пульта, пострадали меньше, но из десяти человек в живых осталось семеро.

Теперь же они находились на самом дне ледяной расщелины, и не было шанса отсюда выбраться, пока не починен пульт. Рация тоже не уцелела.

Все надежды возлагались на командира Нарго Дэвиса, который пребывал в тяжёлом состоянии.

Поскольку экспедиция носила спасательный характер, она в основном состояла из механиков и врачей. Авария лишила экипаж трёх человек; погибли третий механик Гаурэ Стронг (брат Изор

Дэвис), доктор Бет Гир и метеоролог Сид Керри. Их тела оставались в вездеходе в специальных не обогреваемых камерах.

Положение оставшихся в живых казалось безнадёжным, но все они были сильными людьми, а потому никто не пал духом.

Запасов пищи у них было достаточно, воздух подавался снаружи с помощью специальных кондиционеров с обогревателями, Нарго всё же уцелел, и надежда не покинула экипаж, а напротив, росла по мере того, как командир и его жена возвращались к жизни.

Командир экспедиции Нарго Дэвис был ещё и первым, главным и непревзойдённым механиком. Об этом свидетельствовали его грубые, мозолистые, пропитанные машинным маслом руки с длинными изящными пальцами, способными выполнить любую ювелирную работу. Нарго Дэвис всю свою сознательную жизнь провёл в путешествиях и экспедициях, изучая ледники Гренландии, гигантские подводные вулканы и даже лунные кратеры. И не было такой машины, которую он не заставил бы работать на земле, под водой или в воздухе.

Нарго Дэвис познакомился с Изор Стронг во время одной из экспедиций. С тех пор, как они поженились, Изор сопровождала мужа во всех его путешествиях. Нарго безумно обожал свою жену, и было за что: стройная брюнетка, обладательница густой гривы иссиня-чёрных волос и такой нежно-белой кожи, что она едва не просвечивала, считалась ещё и прекрасным физиком и специалистом по паранормальным явлениям.

Молодой врач Тэр Дэвис, питавший страсть к путешествиям и во всём подражавший своему старшему брату, тем не менее не испытывал особой любви к механике и стал доктором. Это была его первая серьёзная экспедиция.

Психолог Флор Дюран своим внешним видом больше напоминала высокого, крепкого юношу-подростка, нежели зрелую тридцатилетнюю женщину. Она только что вернулась с Луны, и в её богатом жизненном опыте можно было отыскать немало случаев, когда даже самые сильные люди ломались под бременем экстремальных ситуаций.

Второй механик Шин Джордано, человек диковатой наружности, имел доброе сердце. Он отлично сходилась с людьми, и его любили все, с кем бы он ни соприкасался. Когда-то, ещё в юности, он избрал вольный стиль жизни, и за ним прочно закрепился имидж человека без рода, без племени.

Метеоролог Мэгг Бин была женщиной невысокого роста, но тем не менее обладала выносливостью и силой. Несмотря на миловидное личико, она имела сдержанный характер и отличалась немно-

- Так, я что-то не понял, почему сдвинулись ледяные пласты, - произнёс в задумчивости Нарго Дэвис.

Его усталое, обросшее бородой лицо было суровым, высокий лоб избороздили морщины. На нём лежало бремя ответственности командира за вверенных ему людей.

- И почему мы не нашли никаких признаков станции в том месте, где она должна была быть? - продолжила Флор Дюран, проводя ладонью по рыжей стриженной голове.

- А нет ли связи между этими явлениями? - предположил Шин Джордано.

- Здесь что-то не так, - сказала Изор Дэвис, думая о чём-то своём. - Мне нужно немедленно выйти наружу и произвести кое-какие исследования.

- Но ведь ты ещё не окрепла, Изор! - встревожился Нарго Дэвис.

- Всё будет в порядке, - улыбнулась женщина.

Её бледное лицо, обрамленное густыми, длинными иссиня-чёрными локонами, было решительным и суровым, как и у мужа.

- Я с тобой! - сказал Нарго.

гословностью, однако это ничуть не влияло на её потрясающее обаяние.

Когда-то доктор Иг Кар имел свою собственную клинику, и у него не было отбоя от пациентов, а его золотые руки с помощью совершенного медицинского оборудования творили чудеса. Но какие-то неведомые движения души заставили доктора забыть о карьере хирурга и избрать путь скромного врача экспедиции. Таковы были эти оставшиеся в живых люди, намертво застрявшие во льдах,

семеро человек, ни на секунду не терявшие присутствия духа.

Они облачились в лёгкие защитные комбинезоны и маски, взяв необходимые приборы (из тех, что уцелели) и выбрались наружу через герметичный шлюзовой отсек. Температура воздуха на дне трещины была 70°C ниже нуля. Вернулись они довольно быстро.

Изор была взволнована до предела, даже у Нарго Дэвиса мелко дрожали руки.

- Что?.. Что случилось? - все подскочили к ним, задавая один и тот же вопрос.

- Это что-то странное, очень странное, - срывающимся голосом проговорила Изор. - Сильнейшее, колоссальное магнитное поле плюс мощнейшее космическое излучение. Мои приборы зашкаливают! Вот, посмотрите, даже здесь, внутри вездехода... Что такое?..

Стрелка, прыгающая за гранью предельного значения чувствительного прибора, поползла обратно и замерла на нуле.

- Чёрт, этого не может быть! - воскликнул Тэр Дэвис. - Поле исчезло!

- Выходит, оно не постоянно, - сказала Изор.

- То есть подаётся порциями, - закончила её мысль Мэгг Бин.

Последовало долгое молчание, в течение которого каждый осмысливал происходящее.

- Главное, всем нужно успокоиться, - нарушил тишину чёткий голос Нарго Дэвиса. - Мы с Изор не сообщили вам ещё кое-что важное... Рядом с нашим вездеходом изо льда виднеется стена какого-то строения. Уверен, что это - исчезнувшая база.

- Чёрт!.. - невольно вырвалось у Шина Джордано.

- Спокойно! - повторил Нарго Дэвис. - Мы должны во всём этом разобраться. Сейчас мы возьмём ледорубы и выйдем наружу. Прорубимся к двери базы, проникнем вовнутрь и осмотрим её.

- Нарго, но ведь ты должен починить пульт! - напомнил Иг Кар.

- Я знаю, Иг. Я уже осмотрел его, он почти полностью разрушен. Его нужно восстанавливать заново, думаю, что с вашей помощью я управлюсь минимум за трое суток. Но сначала мы должны узнать, что случилось с базой.

- Ты прав, Нарго, - сказала Флор Дюран.

- Но Изор должна остаться, - голосом, не терпящим возражений, произнёс старший доктор, - она ещё слишком слаба, лишние движения могут ей повредить. Да и тебе, Нарго, я больше не позволю покидать вездеход. Знаю, ты наш командир, но нам всем очень дорога твоя бесценная голова, хоть она и забинтована и varit ещё с трудом.

- Иг абсолютно прав, - подтвердил Тэр Дэвис, похлопав брата по плечу, - оставайтесь здесь, дорогие Дэвисы, и займитесь-ка

лучше пультом. Послушайте своих докторов. А мы будем сообщать вам о каждом нашем шаге. Слава Богу, карманные передатчики целы.

Последний кусок льда был отколот от двери базы. Тэр Дэвис убрал его, дверь была вскрыта, и путешественники проникли вовнутрь.

В свете фонарей перед пятью людьми открылась страшная картина.

В просторном помещении среди разбросанной мебели, кусков льда, разбитых приборов, посуды и прочей утвари лежали окоченевшие трупы людей. Их было немного.

У некоторых в открытых остеклевенных глазах застыл непередаваемый ужас, смешанный с полным безумием.

Живые люди смотрели на всё это в полном молчании, избегая давать комментарии.

Наконец, глухо прозвучал голос Ига Кара:

- Я осмотрю их. Каждого в отдельности. Посветите мне фонарями, друзья.

Минут через двадцать доктор завершил осмотр, и ещё глуше стал его голос.

- Их тут восемь человек. А должно быть ровно двадцать. Куда делись остальные—неизвестно, но мне ясно одно: трое из них погибли при падении в трещину, двое—от переохлаждения, а остальные трое были убиты. Я ничего не понимаю, видимо, за миг до падения здесь разгорелась драка, страшная драка. Вот, посмотрите, например, эти двое сцепились в смертельной борьбе; и у одного из них в руке зажат ледоруб. А обратите внимание на выражение их лиц! Они же все обезумели! Падение застало их врасплох, всё произошло за считанные секунды, как и в нашем случае. Но, если бы они не провалились сюда, то всё равно перебили бы друг друга.

- Что это значит, Иг? - спросила Мэгг Бин.

- Не могу сказать, - ответил доктор, - но вывод напрашивается сам собой: нам нужно как можно скорее починить пульт и сматываться отсюда, потому что здесь что-то не так...

- Идите все сюда! - воскликнул Шин Джордано. - Я кое-что обнаружил.

Все подскочили к Шину. В тёмном дальнем углу помещения базы, куда не дошли лучи их фонарей, скрючившись над привинченным к полу столом на низкой табуретке сидел человек. Видимо, он умер не сразу, после падения базы он ещё цеплялся за жизнь.

Сначала никто его не заметил, и он так и остался бы необнаруженным, если бы не Шин Джордано.

Пятеро спасателей склонились над замёрзшим трупом, внимательно его разглядывая.

Это был мужчина средних лет, мощного телосложения, суровое лицо повидавшего жизнь человека обрамляли длинные русые волосы и небольшая борода. Он чем-то напоминал командира Нарго Дэвиса, и у каждого защемило в душе.

- Посмотрите на него, - произнесла Флор Дюран, - у него глаза вполне разумного человека, очень осмысленные и решительные глаза.

- Это ты верно заметила, Флор, - ответил доктор. - Видимо, всеобщее безумие не коснулось его. Либо этот человек так хорошо владел собой, что не поддался ему, либо преодолел его в себе.

- Сразу видно, что этот парень - сильная личность, - сказал Тэр Дэвис.

- Жаль, он никогда не сможет поведать нам о том, что здесь произошло, - вздохнула Мэгг Бин.

- А я думаю, сможет! - радостно воскликнул Шин Джордано. - Этот парень подумал обо всём. Вы только взгляните, какой он молодчина!

Все ещё ниже склонились над ним. В руке замёрзшего исполна был крепко зажат маленький портативный диктофон, внутри которого находилась кассета.

- Вот, и ответ на все наши вопросы, - сказал Тэр Дэвис. - Позволь, друг...

Он осторожно вынул диктофон из скрюченной руки человека.

- Спасибо, парень! - с искренней благодарностью произнёс Шин Джордано, глядя ему в глаза. - Мне очень жаль, что всё так вышло, и ты не можешь поведать нам обо всём лично...

Мэгг Бин осторожно коснулась рукой щеки этого человека. Иг Кар поднёс к губам передатчик.

- Нарго, Изор, мы возвращаемся. Обо всём расскажем на месте.

Чета Дэвисов склонилась над пультом, пытаясь вылечить его тяжёлые раны. Они настолько увлеклись этим занятием, что не слышали, как запищал от перегрузки счётчик электромагнитного излучения, не видели, как задрожала от напряжения зашкалившая стрелка.

Вдруг Нарго опустил руки и без сил откинулся на спинку крес-

ла. В мгновение суровый исполин превратился в беспомощного и безвольного человека.

- Нарго, что с тобой? - Изор от испуга выронила отвёртку и склонилась над мужем.

Его глаза блуждали в запредельности, скользя по лицу жены.

- Музыка... - прошептал Нарго и схватился за голову.

Изор отвела его на кушетку, уложила и села рядом, внимательно за ним наблюдая.

- Ты просто устал, Нарго, - прошептала она, - тебе нужно отдохнуть. Ведь у тебя тяжёлая травма черепа. Не вставай. Лежи...

Внезапно её глаза налились смертельной ненавистью и злобой. Она схватила массивный паяльник и занесла его над головой мужа.

- Это ты виноват в смерти Гаурэ! - Изор казалось, что она кричит, срывая голос, но из побелевших губ не вылетело ни звука.

Бац!!!

Счётчик электромагнитного излучения с треском развалился на части прежде, чем обезумевшая стрелка поползла к нулю.

Паяльник выпал из обессиленных рук женщины.

Когда вернулись остальные члены экипажа, Дэвисы как ни в чём не бывало сидели рядом и сосредоточенно чинили пульт.

Услышав, как задвинулся люк шлюзового отсека, они бросились навстречу друзьям.

- Ну, что, ребята? - спросил их Тэр Дэвис. - Как поживает наш пульт?

- Уже лучше, - улыбнулась Изор, но глаза её почему-то избегали смотреть в лица друзей.

- Мы ждем... - сказал Нарго.

- Да, у нас крупные новости, - начал Тэр, но Флор Дюран перебила его.

- Господи, что это было? - отрешённо пробормотала она, стаскивая защитную маску; её лицо было бледным и испуганным.

- Ты про что? - встревожился Иг Кар.

- Когда мы были на базе, в какое-то мгновение у меня помутился рассудок. Я ясно увидела, что там творилось до падения, во всех подробностях предстала картина, как они убивали друг друга. Верно, шалят нервишки.

- Чёрт, да ведь и у меня было что-то не в порядке с головой. - сказал Шин Джордано. - Я никогда не страдал клаустрофобией, а тут вдруг... Да ещё эти мертвецы, погребённые подо льдом в своей базе...

- Послушайте, а мне показалось, что у нас под ногами раска-

лился пол. Он жёг мне пятки даже сквозь подошвы, - произнесла Мэгг Бин.

- Ну, а мне мучительно захотелось остаться там, под толщей льда, пополнив коллекцию мертвецов, - нахмурился Тэр Дэвис.

- Да, что там скрывать! - махнул рукой Иг Кар. - Мне тоже на секунду стало не по себе, но ничего неопределённого я не почувствовал.

Нарго и Изор смолчали.

- Что это с нами? - задала Мэгг интересующий всех вопрос.

Шесть пар глаз обеспокоено уставились на психолога.

- Пока я не могу вам ответить, - сказала сидящая за столиком Флор, беспомощно свесив руки.

- Расскажите нам всё, что вы увидели на базе, и как можно подробнее, - потребовал командир.

Нарго и Изор слушали совершенно молча, не перебивая, пока пятеро их друзей говорили, дополняя друг друга.

Морщина, поперёк прорезавшая суровый лоб Нарго, становилась всё глубже и глубже.

Тэр Дэвис закончил рассказ и протянул брату найденный диктофон.

- Я думаю, всё, что нам сейчас нужно, это прослушать запись, - произнёс он, - если, конечно, тот человек успел что-нибудь сказать.

Все расселись, приготовившись слушать, и Нарго включил диктофон.

Сквозь крики и шум драки до них донёсся чёткий и суровый голос сильного человека:

"Я - Мэд Гэрри, командир исследовательской базы. Не знаю, успею ли... Под нами уже ходит лёд. Скоро амплитуда достигнет наибольшего значения, последует самый мощный импульс... Они вконец обезумели! Чёрт!..

Сначала всё было тихо. Даже очень тихо. И мы спокойно занимались исследованиями, не думая об опасности.

Всё было хорошо, но в один прекрасный день у Тома Нэда барахлил счётчик. Магнитное поле то резко подсказывало, то пропадало совсем, постепенно увеличивая амплитуду.

Что-то странное стало твориться со всеми нами. Замечательные ребята, подобранные по всем правилам психологической совместимости, не имеющие ни тяжких пороков, ни психических отклонений, внезапно возненавидели друг друга.

Мой Бог! Почти не остаётся времени...

Кто бы вы ни были, забредшие в эту чёртову дыру! Вы находитесь в самом центре сильнейшей паранормальной геопатогенной зоны, какая только существует на Земле!

Мощное магнитное поле, поступающее в виде импульсов из самых недр планеты, соединяется с космическим излучением, которое здесь особенно сильно, и эта невидимая смесь, вторгаясь в биополе человека, вызывает тяжёлые нарушения психики.

Здесь оживают скрытые в людях пороки, о которых они и сами не подозревали; несбывшиеся надежды и желания начинают давить, вызывая ненависть ко всему и вся. Вскрываются, словно нарывы, застарелые, забывшиеся было обиды. Хорошие, нормальные люди в мгновение превращаются в монстров, маньяков, одержимых и шизиков. Словом, всё дерьмо, которое есть в человеке, начинает усиленно лезть наружу. А оно присутствует в каждом, и даже в самых на вид совершенных людях.

Я назвал это явление ледяным безумием. Я научился сопротивляться ему, нашёл способ. Возможно, он не единственный. Когда-то очень давно, в юности, я изучал восточную философию и индийскую йогу.

Когда я чувствую приближение очередного импульса, я представляю, что вокруг меня непроницаемый кокон, и излучения обтекают его, не касаясь меня. При этом я вспоминаю самые прекрасные мгновения своей жизни, я обо всём и обо всех думаю с любовью. Это очень трудно, но я стараюсь. И я победил!

Я пытался научить этому своих людей, но было уже поздно. Промежутки между импульсами становились всё короче, а продолжительность и сила их неуклонно росла. Теперь мои люди почти постоянно находились в состоянии полного безумия, похоже, в их психике произошли необратимые изменения.

Из двадцати человек осталось всего девять. Остальные уже мертвы.

Сейчас эта дыра поглотит нас всех вместе с базой. Кто бы вы ни были, немедленно убирайтесь отсюда!

Боже! Может, ледяное безумие охватило и меня, но я всё же скажу: Земля ЖИВАЯ! Чёрт побери, она как живое существо: чувствует, дышит, движется и преобразуется. Но она не желает нам зла. Земля не хочет нас убивать. В том, что происходит здесь, виновато наше же несовершенство.

Вспомните всевозможные землетрясения и катаклизмы в тех местах, где льётся кровь, и люди ненавидят друг друга...

Мы только гости на её поверхности. Наглые, самодовольные, назойливые постояльцы. А Земля жила до нас и будет существовать после нас, как бы ни мертва была её поверхность.

Только бы она не превратилась в одну глобальную зону безумия! Тогда нам конец...

Прощайте, друзья! Бегите отсюда, бегите как можно скорее!..”

Голос Мэда Гэрри, перешедший в крик, резко оборвался. Затем последовал глухой удар, и далее - тишина.

Неизвестно, как долго семеро человек сидели в гробовом молчании, переваривая услышанное.

Первой заговорила Изор Дэвис.

- Боже, мой счётчик!.. - воскликнула она. - Он же лопнул от перегрузки!

- Плохи наши дела, - отозвался Иг Кар.

- Это значит, ледяное безумие может охватить нас в любой момент, мы не успеем подготовиться и перережем друг другу глотки, - заключила Мэгг Бин.

- Всё не так плохо, Мэгг, - ответила Флор Дюран. - Гэрри указал же нам способ, как бороться с ледяным безумием. Нам нужно держаться.

- Гэрри посоветовал нам лиять отсюда как можно быстрее, - напомнил Тэр Дэвис.

- Поэтому мы сейчас все вместе, общими усилиями, должны немедленно заняться починкой пульта, - сказал Нарго Дэвис. - Мы будем работать без отдыха, пока он не станет, как новый.

- А пока постарайтесь думать о чём-нибудь приятном, - попросила Флор Дюран. - Если среди вас есть верующие, неважно к какой религии они принадлежат, пусть читают про себя молитвы.

- Флор права, - сказал командир. - А теперь все за дело!

Повреждения пульта были очень серьёзными, но у Нарго Дэвиса были золотые руки, к тому же на вездеходе оказалось большое количество неповреждённых запасных частей.

Дело нашлось для каждого. Нарго мастерски орудовал паяльником и отвёрткой, Шин Джордано помогал ему, остальные подавали им нужные инструменты, подбирали и подносили запчасти.

Ничто не приносит таких результатов, как слаженная плодотворная работа.

Руки Нарго творили чудеса. Он с необыкновенной лёгкостью паял контакты и микросхемы, мастерил реле, вставлял недостающие части в исковерканный пульт.

Лица всех озаряли улыбки, надежда перерастала в уверенность. Но никто не забыл о ледяном безумии, и оно не застало их врасплох.

Импульс был такой сильный, что Нарго Дэвис свалился на пол, схватившись за больную перебинтованную голову.

- Держитесь! - как можно спокойнее произнесла Флор Дюран. - Не поддавайтесь безумию! Я знаю, вы можете. И ещё: пожалуйста, следите друг за другом.

Каждый сосредоточился, мысленно борясь с собой.

Нарго Дэвис бессильно утонул в красивой, но навязчивой музыке. В отличие от остальных, это был действительно чистый человек. Когда-то очень давно, ещё мальчиком, он поклялся себе, что станет великим пианистом, исполняющим музыку Бетховена. Это был всего лишь детский идеализм, но видит Бог, как сильно он мечтал об этом!

Тэр Дэвис боролся с навязчивым желанием выйти наружу и замерзнуть, как мамонт, где-нибудь во льдах. Ещё не так давно, после краха личной жизни, в глубине души Тэр серьёзно подумывал о самоубийстве. Эти мысли ушли в подсознание, но они всё же были!

Шин Джордано скорчился на полу в невыносимом приступе клаустрофобии. Когда-то подростком, балуясь, он поймал кошку и засунул её в узкую железную трубу, валяющуюся на пустыре. Кошка застряла и долго душераздирающе мяукала. Безобидный, забывшийся случай, но как теперь хотелось биться головой о стены!..

Изор Дэвис боролась с руками, которые почему-то тянулись к горлу её мужа.

Флор Дюран пыталась подавить истерический смех и крик, идущий из глубины души: "Мы все умрём! Все! Всё когда-нибудь кончается смертью!" Её грыз невыносимый страх и желание действовать...

Всё началось с того, что Мэгг Бин и Иг Кар одновременно сели на пол (она - в позу лотоса, он - на колени, молитвенно сложив ладони) и громко запели, впадая в религиозный транс: доктор - христианские псалмы, а метеоролог - буддийские мантры.

Минуту они кричали, перебивая друг друга, затем Иг Кар неожиданно бросился на Мэгг, злобно сверкая глазами.

- Иисус Христос - единственный сын божий! - кричал он. - Других богов не существует! Заткнись!

Мэгг вытянула перед собой руки, защищаясь.

- Путей много - Бог один, - сказала она.

У них возник яростный спор на религиозной почве, затем Иг Кар ударил Мэгг, и они сцепились в драке.

- Только этого нам не хватало! Чёрт бы тебя побрал! - закричал Тэр Дэвис, оттаскивая доктора от перепуганной женщины. - А как же заповедь Христа "не убий"?

Иг Кар немного притих, всё ещё напевая псалмы. Вышедший из музыкального лабиринта Нарго Дэвис методично и размеренно отхлестал его по щекам.

Но тут Изор с криками накинулась на мужа. Шин обхватил её обеими руками и повалил на пол.

Нарго, увидев, как Тэр, без защитного костюма, решительно подошёл к шлюзовому люку, бросился к нему и едва не выломал брату руки, с силой заведя их ему за спину.

- Нарго,пусти меня! - взмолился Тэр.

- Ни за что! - сурово ответил Нарго. - Я не позволю тебе выйти наружу, Тэр!

Шин Джордано, отпустив Изор, начал биться головой об пол. Мэгг подползла к нему, обняла и прижала к себе.

- Всё будет хорошо, Шин, - сказала она, вытирая кровь с его лба, - потерпи ещё немного...

Тем временем Флор Дюран незаметно от всех схватила ледоруб и занесла его над пультом с громкими воплями:

- Всё равно мы все умрём! Ледяное безумие неизлечимо!

С быстротой молнии все шестеро её друзей накинулись на психолога и кучей свалились на пол, пытаясь отнять у неё ледоруб. И тут же все застыли в полном бессилии.

- Все живы? - спросил командир, оглядывая своих людей.

- На этот раз пронесло, - ответил Шин Джордано.

- Нам нужно успеть починить пульт до следущего импульса, пока с нами не случилось то, что с бедолагами на базе, - сказал Тэр Дэвис. - Кстати, когда будет следующий?

- Импульсы идут из недр Земли с определённой периодичностью, - ответила Изор Дэвис, - по моим подсчётам, у нас в запасе есть около суток.

- За дело! - сказал командир.

Нарго Дэвису осталось приварить к пульту обшивку и ввинтить кое-какие болты, когда вокруг вездехода затрясся лёд.

- О, Господи! - воскликнул Тэр Дэвис. - Антарктида хочет сожрать нас живём! Бросай всё, Нарго! Пульт уже работает. Давай выбираться отсюда! Быстрее!

Нарго Дэвис начал колдовать над недоделанным пультом. По бокам вездехода выросло несколько щупалец-манипуляторов, машина упёрлась ими в обе стороны трещины и начала карабкаться вверх, перебирая ими, точно гигантский паук лапами. Взбираться было всё труднее, так как трещина стала сужаться, и суставы манипуляторов сгибались всё больше.

Ещё мгновение, и вездеход выбрался на поверхность трещины. Нарго не медлил. Из глянцевых боков вездехода выдвинулось два массивных крыла, превращая его в подобие самолёта, и машина взмыла вверх, навстречу мощной пурге. В тот же самый миг края трещины алчно сомкнулись.

- Всё! - выдохнул Нарго Дэвис, вытирая со лба холодный пот.

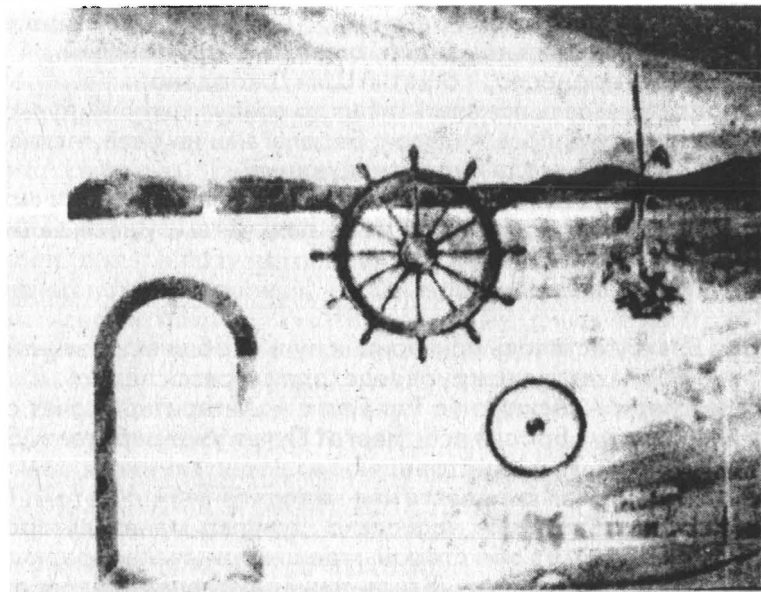
Рядом сидели, улыбаясь, его жена и брат, его друзья, живые, невредимые и счастливые.

Вездеход вылетел за пределы зоны безумия, и Нарго вновь опустил его на ледяную поверхность, чтобы экономить горючее. Машина двинулась в сторону моря Росса, где их ждал на рейде огромный ледокол.

Пурга стихла. Иссякла полярная ночь, и подошла к концу полярная зима.

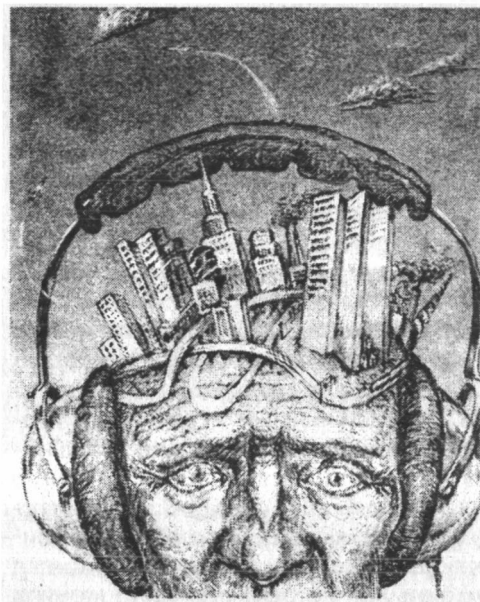
Им навстречу из-за ледяного горизонта вставало огромное багровое Солнце, озаряя мёртвую равнину живительным светом, и слепило людей в вездеходе, которые широко улыбались ему.

Январь 1996 г.

НЕПРОЩЕННЫЙ

(из цикла «Записки Старого Астролетчика»)

Гэй Солл ещё раз проверил курс корабля. Чуткие приборы показывали, что траектория полета совпадает с намеченной без погрешностей, с точностью до микрона.

До цели полёта, планеты Нира, где экипажу предстояла встреча с нирийцами, вторая после установления с ними контакта, оставалось три месяца. Ещё через год люди вернутся домой, на Землю. Корабль летел с субсветовой скоростью, уже совершив два прыжка в гиперпространство.

При расчёте траекторий полётов астрофизики всегда до минимума сводят количество скачков в гиперпространство, тщательно определяя моменты входа и выхода. Процесс таких прыжков еще недостаточно освоен и изучен, поэтому, чтобы снизить риск, астрофизики установили их предельное количество, равное трём, а между ними корабль передвигался старым «дедовским» способом.

Гэй Солл задремал в командирском кресле у пульта. Ему снилась Земля. Проснулся он от чувства тревоги, словно кто-то толкнул его в бок. Открыл глаза и успокоился, увидев звёздное пространство на экранах. Но что-то было не так.

Леденящий ужас охватил его, когда электронное устройство показало ему отклонение от заданной траектории на десяток парсеков! Сколько же он спал? Взглянул на табло электронных часов и с трудом подавил панику. С момента его последней проверки курса по земному астрономическому времени прошло трое суток!

Перед глазами командира светилась карта, где жирная крас-

ная линия показывала заданную траекторию, синяя - реальный курс корабля. До определённого момента они совпадали, теперь же синяя линия отклонилась от красной крутой дугой. И линии продолжали расходиться!

Гэй попытался направить корабль назад, к красной линии, но приборы будто взбунтовались, они не слушались его. В ужасе он понял, что корабль потерял управление.

Он нажал кнопку вызова экипажа. Она сработала, но никто не откликнулся. С трудом сохраняя спокойствие, Гэй направился к каютам своих шестерых товарищей по полёту. Они все спали сном, похожим на летаргический. Гэй был один на потерявшем управлении корабле, несущемся неизвестно куда.

Ощущая внутри щемящую пустоту, Гэй вернулся в рубку управления. И тут в эту пустоту вторглось нечто. Всей кожей, сердцем, нервами Командир ощутил чьё-то присутствие. Затем последовало мощное воздействие на его разум, на всё его существо, так, что мозг едва не разорвался, а сердце едва не остановилось. Некто хотел подавить сущность Гэя, подчинить его себе. Гэй скорчился на полу от невероятного потрясения и боли. Воздействие несколько ослабло, затем вновь нахлынуло мощной волной. Некто словно забавлялся, истязая Гэя. Собрав всю свою волю, командир поднялся с пола и, взглянув на экран переднего обзора, увидел в черном пространстве какие-то ослепительно светящиеся сгустки. Они не были бесформенными, но беспрестанно меняли свои очертания. То это плоский, прозрачный лист тончайшей переливающейся материи, но вот он свернулся в рулон, затем вновь стал листом, содрогающимся от волновых колебаний. Другой, в виде спирали, скручивался и раскручивался, создавая причудливые, фантастические формы. От них исходили уничтожающие волны, пронизывающие человека насквозь.

Гэй уловил в них непостижимый разум, рожденный в недрах Вселенной, среди холодного вакуума, в результате неведомых процессов, сродства сверхактивных ионов. Это был разум, не имеющий ничего общего с разумом, рожденным органической жизнью. В нём сконцентрировалась вся ужасающая бесконечность Вселенной. Время было невластно над ним. Да и существовало ли оно вообще в их понятии?

Человеческий мозг Гэя был не в силах сопротивляться мощи разума этих созданий. Но сквозь тошноту он ощутил невероятный восторг от прикосновения к тайнам Вселенной.

Но нужно было что-то делать. Ни на что не надеясь, Гэй послал в пространство сигнал просьбы о помощи. К его удивлению, на

его зов откликнулись. Сигналы исходили от планеты, находящейся совсем рядом от текущего курса корабля.

Взяв себя в руки, Гэй обнаружил, что ручное аварийное управление работает. Он принял решение сесть на эту планету и обдумать дальнейшие действия, прийти в себя.

Планета, с которой кто-то откликнулся на отчаянный зов Гэя, оказалась абсолютно безжизненной и пустынной и представляла собой бесконечное нагромождение скал и камней. Но там была атмосфера без вредных для человека веществ, мощный облачный покров, ветры, грозы. Температура в экваториальной части планеты не опускалась ниже 10° С. Все эти данные Гэй получил из Звёздных Каталогов, в которые эта планета оказалась занесена.

Встав на орбиту, он определил точку, откуда исходил сигнал, и пошёл на посадку. Приземлился он на просторной каменной площадке, возле зазубренной скалы, чья остроконечная вершина склонилась над поверхностью, словно согнутый палец. В недрах скалы зияла пещера, рядом с которой стоял небольшой космический катер.

Гэй отметил, что на планете воздействие светящихся созданий прекратилось, плотная атмосфера защищала от мощного ионизирующего излучения.

Командир не спешил покидать корабль, вглядываясь через иллюминатор в тёмные недра пещеры. И несказанно удивился, когда оттуда вышел человек, одетый в подобие рясы, словно монах-отшельник из глубокой древности. Он подошёл к трапу корабля.

Гэй Солл вышел наружу, и они остановились друг напротив друга. Лицо человека было добрым, а глаза - невыразимо печальны.

- Вы здесь один? - спросил командир, сжимая рукоятку бластера, хотя уже понял, что этого человека опасаться не стоит.

- Да, я здесь один вот уже десять лет, - ответил «монах».

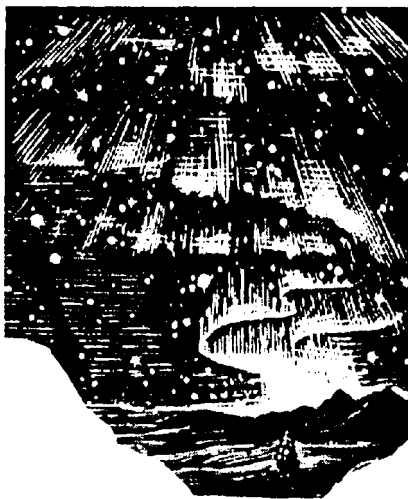
- Кто вы, почему так странно одеты?

- Это сейчас не важно, - сказал незнакомец, - вы ведь посадили здесь корабль отнюдь не за тем, чтобы интересоваться моим одеянием.

- Верно, - ответил Гэй.

И он рассказал отшельнику всё, что произошло. «Монах» nahmурился.

- Вы повстречались с плазмоидами, - сказал он. - Они иногда забредают в эту часть Вселенной, хотя у них весьма отдалённые места обитания. Вряд ли они хотели причинить вам вред. Просто само их приближение вызывает потрясение, так как они излучают слишком мощную энергию, разрушительную для человека. К

тому же, эти сгустки плазмы разумны и всегда при встрече с существами, рожденными органической жизнью, пытаются постигнуть их разум.

- Откуда вы всё это знаете? - удивился Гэй Солл.

- Мне доводилось встречаться с ними, - ответил незнакомец. - Более того, тот, с которым я столкнулся, был настолько агрессивен, что я еле выжил. Плодом этой встречи стал созданный мною прибор - деионизатор, наиболее мощными образцами этого оружия я оснастил свой корабль.

- Но те, с кем повстречались мы, также очень агрессивны, - сказал Гэй. - Мой экипаж спит мёртвым сном, как в анабиозе, и я не знаю, проснутся ли они вообще! Мне нужно вернуться к намеченной траектории! Я не знаю, позволят ли Они мне это сделать, так как я в любую минуту тоже могу впасть в летаргию. И тогда мы никогда не сможем вернуться на Землю! Там меня ждут жена, сын!..

Лицо «монаха» исказилось от боли, но это длилось мгновение.

- Хорошо, я помогу вам, - пробормотал он. - Я полечу с вами на своём корабле, и если плазмойды будут мешать вам, мне придется применить деионизаторы. Я возьму этот грех на свою душу ради ваших жены и сына. Взлетаем!

Он решительно двинулся к своему кораблю, но Гэй задержал его, схватив за руку.

- Пойдите... Я даже не знаю, как вас зовут. И я в недоумении: что вы здесь делаете?

- Когда-то меня звали Дик Стоун, - ответил отшельник, - я был командиром космического корабля «Антарес». Помните эту печально известную экспедицию? Наш полёт должен был длиться двадцать лет, мы направлялись к дальней галактике. Мне было доверено тридцать человек экипажа. На этом корабле я полюбил женщину, кибернетика экспедиции, женился на ней, и у нас должен был родиться ребёнок. Мы достигли заданной системы, приземлились на третьей от светила планете, сильно напоминающей Землю, когда на ней только-только зарождалась органическая жизнь. На этой

планете была бурная и непредсказуемая вулканическая деятельность; поверхность плевалась магмой, чуть ли не на глазах сдвигались и раздвигались материки, вспучивались горные хребты, мелели океаны и наполнялись водой вновь образовавшиеся впадины... Я видел всё это на снимках предварительно посланного на поверхность зонда, но всё же решил посадить корабль, так как программа полета предусматривала исследование данной планеты. Для посадки мы выбрали наиболее сейсмически спокойный участок (так, по крайней мере, нам казалось) - небольшое плато, окруженное водой, правда, рядом дыбился холм потухшего вулкана. Почти весь экипаж, надев скафандры, сразу же вышел наружу, после долгого полёта радуясь твердой земле под ногами и приятным глазу пейзажам. Я тоже покинул корабль, и не видел, как вдруг запрыгали сейсмодатчики, а уже через минуту земля затряслась, и вулкан, находившийся рядом с нами, начал изрыгать огонь. Все в ужасе ринулись на корабль. Нужно было взлетать как можно быстрее. Я попытался поднять корабль в воздух, но было уже поздно.

Земля пучилась под кораблём, его завалило набок, и вскоре на него густо посыпался вулканический пепел. пытаюсь спасти экипаж, я не заметил, что моей жены нет на звездолете. Помню, что при первых толчках она бежала за мной, но потом, видимо, упала, корчась от внезапно схватившей её боли. И уже в иллюминатор я смотрел, как её погребает под собой изрыгаемый вулканом пепел. Меня едва удержали от попытки выскочить к ней наружу. Никогда не забуду её предсмертный крик в передатчик шлемофона, пронизавший всех ужасом в радиорубке корабля. Кроме моей жены, не успели добраться до звездолета ещё десять человек...

Собрав всю свою волю, я всё-таки сумел поднять корабль в воздух, и коварный вулкан выплёвывал магму нам вслед... Когда до Земли оставалось три года полёта, я передал командование другому человеку, а сам, найдя в Звёздных Каталогах эту планету, покинул корабль на катере и укрылся здесь наедине со своей совестью. Когда-то мой друг на корабле подарил мне в качестве сувенира маленькую Библию. Здесь у меня было много времени, чтобы прочесть её десятки, сотни раз. Муки совести заставили меня стать христианином.

Можете считать меня сумасшедшим. Но каждый день я пытаюсь замолить тяжесть греха за жизни десяти человек, моей жены и нашего неродившегося ребёнка. Теперь вы знаете всё. Мне терять нечего, уничтожив плазмоида, я возьму на свою душу ещё один грех.

Гэй крепко пожал ему руку.

- Спасибо, Дик.

Покинув скалистую планету, они обнаружили, что плазмоиды не исчезли. Они плыли в пространстве рядом с кораблём Гэя и катером Дика. Командир опять почувствовал тошноту от их невероятной энергетической мощи.

- Держитесь! - услышал он в динамике голос Дика.

Затем он вновь услышал его голос, но уже не по радию; словно, собрав всю силу своего разума, своей измождённой души, отчаянно сопротивляясь воздействию этих созданий, Стоун выкинул в пространство невероятной силы мысль:

- Оставьте этих людей в покое! Не играйте их разумом!

Гэй увидел, что плазмоиды будто замешкались, потом трое из них начали стремительно удаляться. Но последний, четвёртый, остался и, напротив, стал приближаться к кораблю. У Гэя перехватило дыхание, в глазах потемнело, но он собрал волю и заставил себя смотреть на экран. Плазмоид, будто гигантская медуза, раскрыл свой прозрачный зонт и завис над маленьким катером. Дик выстрелил из деионизаторов. Плазмоида разорвало на несколько частей, которые начали растворяться в пространстве. Гэй пронзил ужас его агонии. Один из клочков, словно светящийся саван, накрыл катер Дика...

Гэй потерял сознание.

Очнувшись он от невероятной лёгкости, осознания того, что больше никто не давит на его разум. Командир поднялся на ноги, встал перед экраном. Его окружил экипаж, посыпались недоуменные вопросы.

На экране был виден странный плазмоид, имеющий человеческие очертания. Словно лёгкое дуновение ветерка, разума Гэя коснулась бессловесная, абстрактная мысль, которую он сам оформил в слова:

- Они не хотели причинить вам вред. Они сделали это ненамеренно. Они лишь хотели постичь ваш разум, но между ними и вами - невероятная пропасть.

После небольшого перерыва - снова послание:

- Прощай, Гэй Солл! Летите с миром!

- Прощай, Дик Стоун! - ответил Гэй.

Через год Гэй Солл вернулся на Землю, но он всегда помнил о том, что где-то в глубинах Вселенной навечно остался тот человек, ставший сгустком плазмы во имя спасения, человек, не прощенный самим собой.

8 марта 1999 г.

Евгений ЛАРИН

ЦВЕТЫ СЕРДЦА

Рис.
Юрия Сорокина

**СТО
ЛЕПЕСТКОВ
ИЗ
«КНИГИ ЛЮБВИ»**

Я пишу для тебя раскаленные строчки,
Коль боишься обжечься, то сразу туши...
Это искорки чувств, это сердца кусочки,
Это угли моей обнаженной души.
Не беда, что заглавий у строк этих нету,
Не добавит название стихам ничего.
Да и как озаглавишь ты душу поэта?
И какой заголовок дашь сердцу его?

Эту истину я понимаю давно:
Много женщин на свете встречается -
И прекрасных, и добрых, и женственных, но
Не про каждую песня слагается.
А вот ты взбудоражила душу мою -
И все струны звенят растревоженно.
И я песнь о тебе без умолку пою
Вдохновенно, светло и восторженно.

Я думал, случится великое чудо,
Хотя и не верил всегда в чудеса,
Что я отгорю и тебя позабуду,
Забуду и руки твои и глаза.
Забуду про синие молнии эти,
Забуду твой шепот и трепетный пыл...
Но, видно, чудес не бывает на свете,
Коль я ничегошеньки не позабыл.

Ты думаешь, что ночью тишина?
Что все на свете спит и замолчало?
Что звуки жизни в колыбели сна?
Что даже песню сердца укачало?
Ты думаешь, что сердце ночью спит
И от тебя сумело отключиться?
Оно стучит. Оно к тебе стучит.
А ты не слышишь, кто к тебе стучится.

Какая в сердце длительная боль!
Такой ты боли вряд ли испытала.
Боль - это ты, и основную роль
В душе моей ты хорошо сыграла.
Я говорю об этом не в упрек:
Ты справилась отлично с этой ролью.
Вонзилась в сердце ты и в душу строк
И только болью, только болью, болью.

Мы были случайно в автобусе рядом,
Мы только успели друг другу кивнуть,
Но в эту минуту ни жестом, ни взглядом
Никто ничего не хотел намекнуть.
Во взгляде затмение и в сердце затмение,
И все-таки было душе нелегко.
Мелькало, как молнии, наше волнение,
Хоть гром уже был далеко-далеко.

Вновь с неба дождичек закапал -
И по земле ручьи текут.
Переполняет даже капля
Уже наполненный сосуд.
Вот если б чувства накапливались
В душе твоей день ото дня,
Они б в душе не удержались
И ливнем хлынули в меня.

Письмо - твое домашнее задание, -
А ты его не любишь выполнять.
И потому за долгое молчание
Ты заслужила «двоечку» опять.
Любимая, прекрасная и нежная
Из дальнего заволжского села,
Была бы ты немножко поприлежнее -
Какой бы ты отличницей была!

Две заветных березки, два кипенных тела.
Не вчера ли под вами душа моя пела?
Ах, березы-березки, мы с ней не вчера ли
Под березовый шелест о счастье шептали?
Ах, березы-березки, вы шепоты эти
От досужих людей подержите в секрете.
И пускай наша светлая тайна святая
Облетит, как с березок листва золотая.

**

Как солнечно было и любо!
Над нами небес бирюза.
Пылали припухшие губы,
Глаза ослепляли глаза.
Зачем же, зачем расставаться?
Куда от меня ты спешишь?
На юг даже птицы стремятся,
Ты ж с юга на север летишь.

Все та же речка, те же сосны,
Исчезло только лишь село.
Здесь расцветали наши весны
И детство наше отцвело.
И вроде проза: здесь родились,
Влюблялись здесь и вышли в жизнь.
Дороги наши здесь сходились
И здесь навеки разошлись.

Лес не молчит - он говорит со мной
То шорохом ветвей, то криком птицы.
Деревья говорят между собой,
А ты не хочешь все разговориться.
Какой здесь ровный и спокойный свет!
Жаль, милая, тебя со мною нету.
А-уу! - и лес не промолчал в ответ,
А ты молчишь и не даешь ответа.

Научи меня тоже подолгу молчать,
Научи о тебе не мечтать, дорогая,
Научи не грустить и тебе не писать,
Ты на это, видать, мастерица большая.
Нет, пожалуй, уроки твои ни к чему -
Равнодушьем твоим не смогу заразиться.
Вряд ли я научусь мастерству твоему,
Потому что любить не смогу разучиться.

«О нашем прошлом больше не пиши», -
Ты эту фразу дважды повторила,
Но, к сожаленью, в пламени души
Не прогорело то, что у нас было.
Как уберечься от того огня,
Коль ты всегда была огнеопасна?
Коль то, что было, день и ночь меня,
Как на костре, сжигает ежечасно?

«На вас я папку завела, -
Сказала ты вздыхая, -
И буду в ней хранить «дела»,
Все, что о вас узнаю».
Ну что ж, доволен я вполне,
Но лучше бы местечко
Ты отвела не в папке мне,
А у себя - в сердечке.

Мне самому себе не объяснить,
Не догадаться и не докопаться:
Как ты сумела сердце отворить,
Войти в него и до сих пор остаться?
Промчались годы, но о той поре
Ни памяти ни чувствам не стереться.
Вся голова моя, как в серебре,
А ты все не ушла еще из сердца.

Не верю я, что любят только раз.
Кто выдумал такое утверждение?
Живет любовь не разовая в нас,
Ей свойственны и взлеты и паденья.
Возьму, к примеру, самого себя:
Опять я увлечен и вдохновляюсь.
Уже полвека каждый день в тебя
Я заново, как в юности, влюбляюсь.

Не зря любовь рифмуют с кровью
Поэты, делая стихи.
Все эти «новью», эти «бровью»,
В сравненьи с кровью, - пустяки.
«Любовь» и «кровь» - две рифмы эти
Твердят одно с древнейших лет:
Любви бескровной нет на свете,
Как без огня пожара нет.

О, этот огненный твой взгляд!
Как ясен он и властен.
С огнем не шутят, говорят,
Огонь всегда опасен.
И все же он меня зовет
К той, что сияет ярко.
К тому ж огонь не только жжет,
Но он и греет жарко.

Не встречаться мне с тобой, что ли?
Чтобы ты не причиняла боли.
Только как тогда и жить я стану,
Если эта боль душе желанна?
Позабывать тебя совсем что ли?
Только где найти на это воли?
Только как перечеркну я мысли,
Если я тобой живу и мыслю?

Когда-то вот эта большая река
Была широка и была глубока.
Исчезли вокруг ручейки-родники -
И сразу не стало глубокой реки.
Вот так и родник твоей чистой любви
Журчит в моем сердце, в душе и в крови.
А если не будет того родника,
То в сердце любви пересохнет река.

Нет, я слово ничем не нарушил,
Я всегда своим верен словам.
Загляни же, пожалуйста, в душу -
Нет и малого облачка там.
Так забудь о сомненьях, не споря, -
Моя верность, как прежде, жива.
Глубока, как бездонное море,
И чиста, как небес синева.

Про березу много песен спето,
Начиная с древней старины.
Поголовно русские поэты
В белую березу влюблены.
Потому про юную березку
Я тебе стихи и написал,
Что в таком же платице в полоску
Я тебя впервые обнимал.

Вот ты стихи мои прочла,
А что, скажи, в них слышится?
Неужто ты не поняла
Зачем все это пишется?
Неужто, выслушав стихи,
Душа не догадается,
Что каждый вздох моей строки
Т е б е предназначенается?

*Непостоянство женщин - тяжкий грех.
Непостоянство женщин - постоянно.
Оно - не первый, не последний снег,
Но падает на голову неожиданно.
Прочтя об этом многие тома,
Не мог я с этой мыслью согласиться.
Но ты меня заставила сама
В непостоянстве женском убедиться.*

*Твоя измена жжет, как пламя,
И все ж в тебя я за вину
Не брошу ненависти камень,
Не упрекну, не прокляну.
Перенесу обиду стойко,
Хоть чувства это не простят.
Ты виновата ровно столько,
Насколько сам я виноват.*

*Еще одна зима прошла,
Дохнув морозом на прощанье.
Но и зима не унесла
Из наших душ похолоданье.
Еще одна весна пришла,
Теплом подули ветры юга.
И только мы с тобой тепла
Не принесли опять друг другу.*

*Непоправимое - случилось,
Невероятное - сбылось:
Чего-то в сердце надломилось
И, как струна, оборвалось.
Еще вчера одной тобою
Душа была озарена...
А нынче в ней, как после боя,
Глухонемая тишина.*

Вновь пережил я то, что было -
Забывтый трепет, давний пыл,
Когда и ты меня любила,
Когда и я тебя любил.
И я молчал, и ты молчала,
Мы оба были смущены.
И только сердце услышало
Звук оборвавшейся струны.

Видно, все отгорело
Отошло, отболело?
То ль душа протрезвела,
То ли сердце прозрело?
Отцвело, отмечталось,
Я прозрел, ослепленный...
Ты звездой оказалась,
Но звездой... отраженной.

Как твое сердце бьется ровно,
Когда во мне гудит прибор.
Ты, словно рыба, хладнокровна,
В часы свидания со мной.
То ли меня ты знаешь мало,
То ли к тебе я не привык.
Тебя живую обнимал я,
Но ты была, как снеговик.

Какая студеная, мрачная встреча!..
Напрасно я был ожиданьем томим.
И мысли, и чувства, и жесты, и речи -
Все было в тебе далеко не твоим.
Холодные фразы, холодные взгляды
Бросала ты, словно слепому, гроши.
Но мне твоего подаянья не надо
Без света души и без солнца души.

Ты ответила мне, не тая,
Опустив от волнения веки:
«Я - ничья. Ни Его, ни Твоя,
И ни чья я останусь навеки».
Это сказано очень смело,
Не такого хотел я ответа...
Как теперь сознавать тяжело
Мне твою независимость эту.

Ах, мне б еще одно крыло
Да крылышко тебе бы.
Любим бы ветром вознесло
Нас в голубое небо.
До самой дальней высоты
Нас счастье бы вздымало...
Да только крылышко и ты
Давно закольцевала.

Прости, что отвергнул я строки признанья,
Что я на твой трепетный зов не бегу.
Я знаю: тебе не нужно подаянье,
А я и его тебе дать не могу.
Ты много видала и многих видала,
Во многих уже побывала руках.
Ты всех игроков до меня обыграла,
А я, видно, был в «запасных игроках».

«Я хочу от тебя ребенка.
Я хочу от тебя сына...»
Ах, ты глупая! Ах, девчонка,
Залетевшая в облака!
Знаю грустно тебе и тяжело
Улетать за десятки рек.
Лебедь белая, милая пташка,
Самый преданный мне человек!

*В твой дом семейный заходить
Мне с каждым днем трудней.
Все, что стараемся мы скрыть,
Виднее и видней.
В душе упряталась гроза
И громы гром не бьют...
И лишь глаза, глаза, глаза,
С глазами выдают.*

*Как мне быть с любовью грешной?
Я стою у райских врат...
В рай не пустят. В ад крошечный?
Хорошо, согласен - в ад.
Только б ты была со мною,
Я в любой отправлюсь край.
Я уверен, что с тобою -
И в аду мне будет рай.*

*Он много лет колодцем был
И много лет людей поил.
Но как-то раз один прохвост
Свалил в него навозу воз...
И ты вчера со мной была.
И ты вчера еще пила
В колодце сердца моего...
Зачем же плюнула в него?*

*Было меду немало в медовые встречи:
И медовые губы, и медовые речи.
Поцелуи медовые у знакомых калиток
Пили мы ненасытно, как медовый напиток.
Миновали медовые месяцы наши,
До конца мы испили медовую чашу.
Почему же в душе очень горький осадок?
Видно, краденный мед был до горечи сладок.*

Ты, как прежде, все такая.
Лишь с фамилией другой.
Ты, как прежде, дорогая,
Остаешься дорогой.
Ну куда теперь деваться
От нагрянувшей тоски?..
И приходится встречаться,
Как и прежде, воровски.

И ругаю себя, и кляню, и виню,
За страницей черкая страницу.
Ну зачем я опять в твое сердце звоню
И никак не могу дозвониться?
Не услышишь ты голос охрипшей строки,
И она, как травинка, завянет...
Все гудят и гудят раздраженно гудки:
«Но-мер за-нят». Действительно, - занят.

В мое сердце ты словно выросла,
Своих чувств для тебя я не мерил.
Ты мне первою верой была
И последней, в кого я поверил.
После много встречал я других,
Горячо был любим не одною,
Только веру глубокую в них
Навсегда утерял я с тобою.

Все кончено. Все очень просто и ясно:
Ты снова осталась безвольна собой.
Горела - остыла, светила - угасла,
Хотела бороться, - смирилась с судьбой.
Видать, мало было любовного пыла,
Раз в сердце огонь уберечь не могла.
О, как же тебя ненадолго хватило!
О, как же ты скоро сгорела дотла!

Ты хочешь мстить? Ну, что же, мсти,
Плати за все презреньем;
Я не скажу тебе: «Прости».
За что просить прощенье?
За то, что я и в мыслях был
С одной тобою всюду?..
Прости за то, что не забыл
И вряд ли позабуду.

Не встречаемся с тобой,
Только почему-то
Ты всегда везде со мной
Каждую минуту.
А увижу - сердце вновь
Вспыхнет, словно спичка...
Умерла к тебе любовь
Да жива привычка.

Зачем я потревожил дно души?
Ведь знал, что ворошить его опасно.
Лежало наше прошлое в тиши
И тайно, и спокойно, и безгласно.
Зачем я вынес боль на белый свет?
Зачем я рассказал об этой боли?..
Не заживали раны много лет,
А я еще на них подсыпал соли.

Как давно мы на разных с тобой берегах,
Но душа не покрылась травкою забвенья.
Мы не редко встречаемся в грустных стихах,
Сохранивших пресветлые наши мгновенья.
До сих пор еще в памяти сердца свежи
Поцелуи, объятья, волнение и вздохи...
А стихи - это все мемуары души,
Это эхо из нашей с тобою эпохи.

Ты для мужа, как солнышко ясное,
Озаряешь рассвет голубой.
Для него ты мила и прекрасна,
И он счастлив, что рядом с тобой.
А когда от него ты украдкой
На часок прибегаешь ко мне,
То я в час этот сладкий и краткий,
Вероятно, счастливей вдвойне.

Тебе не нужен пистолет
И яда горькие пилюли.
Твое коротенькое «нет»
Куда решительнее пули.
И этот взгляд, холодный взгляд,
В котором доброго нет света,
Куда коварнее, чем яд,
Куда страшнее пистолета!

Твоя душа молчит. Ну что ж,
И у нее своя защита.
В чужую душу не войдешь,
Когда кругом она закрыта.
Уж тут не сделать ничего,
И запоры не нарушу...
Кто по душе душе - того
Она сама пускает в душу.

Я понимаю с полувзгляда
Что от меня таишь внутри...
Не осуждай меня, - не надо,
И о годах не говори.
Ведь возраст, право, не в укор нам,
И чувство это не грешно.
«Любви все возрасты покорны» -
Увы, не мной изречено.

*Шла красавица навстречу,
Чуть знакомая со мной,
И сказала: «Этот вечер
Подари лишь мне одной».
В ее избу сквозь потемки
Привела меня тропа...
И для гостя незнакомка
Не была ни в чем скупа.*

*Не могу я тебе не писать,
Чтобы быть с тобой мысленно снова.
Я устал свое сердце смирять,
Я устал не давать ему слова.
Все пылает во мне и горит,
Как вулканы в часы изверженья...
Это сердце с тобой говорит,
Не спросив у меня разрешения.*

*Ни словом, ни градусом чувств не измерить,
Хотя я в своих выражениях строг.
Я знаю: ты можешь словам не поверить,
Не слушая музыку солнечных строк.
Я знаю: в меня ты поверишь не скоро,
И все же тебе я хотел бы сказать,
Что нет еще в мире такого прибора,
Чем сердце само, что не может молчать.*

*Ах, сколько твоих писем знаю я!
Ах, как мне перечитывать их люблю!
Лежат в конвертах, слово затая,
Лежат, молчат, закусывая губы.
И вместе с ними - карточка твоя:
На ней мы в школе сняты превосходно,
Где абсолютно ты еще ни чья
И ото всех поклонников свободна.*

*Твое пустое «до свиданья»
Незабываемо весьма:
Оно всегда, как заклинание,
Звучит из каждого письма.
И все же только слова - мало,
Хочу я только одного,
Чтоб «до свиданья» ты сказала
После свиданья самого.*

*Я верность свою не считаю геройством,
Я счастлив, хотя и не рядом с тобой.
Но ты - мой покой и мое беспокойство,
И светлая память, и сладкая боль.
Ты самые яркие чувства внушила
В те школьные годы, что так далеки...
Не зря ты меня на стихи вдохновила,
Коль смотришь и ныне из каждой строки.*

*Зачем ты какие-то ищешь намеки,
Когда откровенность ясна и видна?
Взгляни ты поглубже в прозрачные строки,
В которых душа отразилась до дна.
Ни слова неправды, ни строчки неправды,
Сплошные признания в каждой строке...
Неужто тебе переводчика надо?
Ведь все я на русском сказал языке!*

*Пока с тобою не встречаюсь,
Я все тебе сказать хочу,
А вот увижу - растеряюсь
И, как пристыженный, молчу.
А мне сказать бы фразу только,
Хотя б единую посметь,
Хотя бы: «Я люблю вас, Ольга!»,
Как Ленский в опере запеть.*

Лучше б я для тебя отвратителен был,
Лучше б имя мое ты не знала,
Может, я бы себя от тебя излечил
И душе бы спокойнее стало.
Днем к тебе я стремлюсь, а ночами не сплю,
Хоть обиду забыть невозможно.
И зубами скриплю, и томлюсь, и терплю,
И болею тобой безнадежно.

Ты говоришь, что карточка - к разлуке.
Коль веришь в это - лучше не дари.
А в час разлуки карточку дай в руки
И, словно заклиная, повтори:
"Пусть все бывшее замечает замечать,
Раз неизбежный наступил финал.
Вот копия - возьми ее на память
И только позабудь оригинал".

За столом гостевым ты со мною сидела,
Пряча тайное в радуге глаз.
Только прошлое тихо и властно владело
И тобою, и мной в этот час.
Может, прошлое наше тревожить не надо,
Коль с тобой нас пути не свели?..
А теперь наши дети живут уже рядом,
Только мы, как и прежде, - вдали.

Ну зачем обвиняют в интимности,
Словно песне интимность - порок?
Разве можно прожить без взаимности,
Без пресветлых лирических строк?
Сколько слышно, подчас, примитивного,
Что интимность в стихах - ерунда...
А не будь в наших песнях интимного,
Мы не пели бы их никогда.

Опять на сердце снега тают,
Опять нарушен мой покой,
Опять ты в сердце, дорогая,
Вошла весеннею строкой.
Слова запели соловьями
В тобой разбуженной тиши...
И я дарю тебя цветами -
Цветами сердца и души.

Кто ходит в церковь, - молится богам,
Не нарушая заведенных правил.
А ты не знаешь, что особый храм
Я в своем сердце в честь тебя поставил.
Туда я часто с трепетом хожу,
Как в царство Божье, как в святыню рая,
И там твой милый образ нахожу
И у твоей иконы замираю.

Вся земля полна тобою:
Ты - и солнышко и свет,
Ты - и небо голубое,
Ты - и музыка и цвет.
Просветлеет неба глянец,
Зарумянится восток -
И на небе - твой румянец,
Твоих губ и твоих щек.

Твоя любовь - хлеб сердца моего.
Ты этот хлеб отвешиваешь строго.
Не так уж много я и ем его,
И ты его даешь не так уж много.
И все ж скажу ни чуть не погреша:
Благодарю за все судьбу и небо,
Что, слава Богу, сердце и душа
Без твоего не остаются хлеба.

Я себя лишил покоя, -
В сердце дрогнула струна.
И теперь душа тобою
Снизу доверху полна.
Как же все случилось это?
Как ворвалась в душу ты?..
Нет, никак нельзя поэта
Допускать до красоты.

Когда на тебя я гляжу, не мигая,
То весь становлюсь горячее огня.
И кажется: каждый свободно читает
В глазах моих все, что в душе у меня.
Я в эти минуты волнуюсь немало,
Мне трудно от всех свою тайну скрывать.
И только лишь ты ее не прочитала,
Как будто совсем не умеешь читать.

Порой ты кажешься рекою,
Еще закованною в лед,
Рекой, уставшей от покоя,
Которой снится ледоход.
Меня одно лишь утешает,
Одно-единое пока:
Лед, хоть и медленно, но тает,
А подо льдом - жива река!

Цветы и в скверике, и в парке,
Куда ни гляну - все цветы.
И в моих мыслях ярко-ярко
Цветешь, единственная, - ты.
Цветет от точки и до точки
С тобой одной моя строка...
Не дам увянуть не листочку,
Не изомну ни лепестка.

В душе нещадный зной палит,
Мне душно, как в пустыне.
Боюсь, душа переболит,
Перегорит, остынет.
К тебе - все тропки и пути,
Назад возврата нету.
Ты, как оазис, впереди...
Но не мираж ли это?

Зачем ты глаза опускаешь все ниже?
Боишься, что синее пламя увижу?
Боишься, что будет до самого дна
Души твоей тайна мне ясно видна?
Но ты с опозданием глаза опустила,
Их пламя меня все равно озарило.
От яркого света в глазах потемнело.
Глаза ослепило, а сердце прозрело.

С твоим именем нет во Вселенной звезды
И не знают тебя астрономы.
Неизвестна им ты, незнакома им ты,
Даже имя твое незнакомо.
Только мне ты известна в юдоли земной,
И в галактике сердца поэта
Без подзорной трубы ты открыта лишь мной,
Ты - моя и Звезда, и Планета.

Если б вдруг "не люблю" я сказал бы когда,
То тебе и себе я солгал бы тогда.
Если б "ты не нужна мне" я стал уверять,
То тебе и себе я солгал бы опять.
Если б я заявил: "Ты из сердца ушла",
То и это бы тоже неправда была.
Но что ради тебя я все вынести могу -
В этом я ни тебе, ни себе не солгу!

В стихи тебе я положил цветок.
Какие были огненные строчки!
Но восхитилась ты не жаром строк,
А лепестками алого цветочка.
Цветок давно осыпал лепестки,
Он милый взор твой радовать не станет.
А вот огонь признательной строки
И до сих пор горит и все не вянет.

Ты - ветер, я - парус,
Мне знойно и зябко.
А парус без ветра
Не парус, а тряпка.
Так дуй, надувай
Паруса веселее!..
С тобой я смелей,
И сильнее, и нежнее.

Да, нету дыма без огня,
Ты правильно сказала.
Любовь не первого меня
В костре своем сжигала.
Но с древних пор и до сих пор,
Хоть сердцу очень больно,
В ее не гаснущий костер
Идем мы добровольно.

Ты, как тайга, прекрасная,
Что глаз не отведешь.
И, как тайга, опасная -
Не выйдешь, коль зайдешь.
В чащобу благодатную
Завел меня твой взор.
И нет пути обратного
Из чащи до сих пор.

Ты для меня - вода живая,
Река целебная моя.
Ты огневая и хмельная
Неукротимая струя.
Мне к той струе всегда стремиться
И от нее тобой хмелеть.
Хочу тобой я так напиться,
Чтоб никогда не протрезветь.

Хоть бы раз, хоть единственный раз,
В те минуты, когда я с тобой,
Доглядеться до доньшка глаз,
До твоей глубины голубой.
Может, там, на большой глубине,
Укрывает холодный твой взор
Ту жемчужину сердца, что мне
Не достать никогда. До сих пор.

Какая же ты женщина -
Небесной красоты!
О, как же ты божественна,
Словно с иконы ты.
Я, потому наверное,
Волнуюсь и томлюсь:
В тебя еще не верую,
Но мысленно - молюсь.

Ты опять меня просишь: "Стихи напиши".
Но о чем написать, я не знаю.
Может быть, рассекретить секреты души,
Что давно от тебя я скрываю?
Напишу, расскажу, но судить не спеши -
Все открою до самого донца...
А на дне - только ты и всю тайну души
Озаряешь, как знойное солнце.

Твое письмо - мое волнение.
Какие чудные слова!
И в это светлое мгновенье
В хмелю от счастья голова.
В который раз уже читаю
Твой, солнцем пышущий, листок.
И нет сокровища, считаю,
Дороже этих твоих строк.

Я у костра стихи писал,
Меня ты вдохновила...
Костер тихонько догорал,
Не до него мне было.
Уже погасли угольки
Под облачками дыма.
Лишь о тебе огонь строки
Горел неугасимо.

Зачем в мою душу вернулась весна?
Зачем пробудилась она ото сна?
Зачем я опять и пою и пою
Про нежность твою и улыбку твою?
Зачем в моем сердце пылают цветы?
Зачем в нем и солнце, и песня, и ты?
Зачем меня вновь опьянило весной?
Зачем, если нет тебя рядом со мной.

Весь день грущу, весь день мечусь,
Весь день бушую-негодую,
От одиночества лечусь
И от тоски себя врачую.
Все есть, достаточно всего.
Доволен всем и слава Богу.
Лишь не хватает о д н о г о -
Тебя... А это - очень много!..

Я во сне тебя милую,
К сожаленью, лишь во сне.
Я во сне тебя целую
Без луны и при луне.
Я во сне с тобою ближе,
То сижу, а то лежу.
Я во сне такое вижу,
Что, пожалуй, не скажу.

Ты, как спичка, я, как порох.
Уберечь ли рядом их?
Утону в твоих озерах
Голубых-преголубых.
Ах, как дорог, как он дорог
Встречи пламенный порыв!
И... пускай взорвется порох.
Кто за что, а я - за взрыв!

Сижу я с тобою в старинном саду,
Гляжу на закат, отраженный в пруду.
В душе у меня ослепительный свет,
Душа моя шепчет стихи как поэт.
Луна бледнолицая смотрит с небес,
И солнце смущенно нырнуло за лес.
Какое мне дело, что солнце зашло,
Когда мне с тобою тепло и светло!

Я в стихах твое имя сейчас зачеркнул,
Что жемчужиной в строчке блесстело.
И невольно вздохнул и невольно взгрустнул -
Без тебя и строка потускнела.
Зачеркнуть всю строку не составит труда,
Только мысль уже станет бледнее...
А вот в памяти сердца, увы, никогда
Я тебя зачеркнуть не сумею.

Как тебя чернят упорно!
Как сквернят и как клянут!
Но во мне все эти зерна
Никогда не прорастут.
С каждым днем хула наглее,
Злее, гаже и грязней...
Чем клеймят тебя сильнее,
Тем люблю тебя сильнее.

В отношенья наши свою лепту
До сих пор никак ты не внесешь.
Свои чувства, словно по рецепту,
Как в аптеке, строго выдаешь.
Посадила сердце на диету,
Хоть оно не лечится пока.
Ты ль не знаешь, что душе поэта
Не хватает этого пайка?

Куда ни глянь - глаза, глаза,
Как сторожа поставлены,
Неотразимо, как гроза,
На нас с тобой направлены.
Сквозь эти взгляды, как сквозь строй,
Нам проходить приходится...
О, заслони нас и укрой,
Святая Богородица!

Тебе я напомнить хочу об одном,
Хоть, может, и знаешь об этом:
Не каждую женщину в мире земном
В стихах воспевают поэты.
И, если тебе посвятили строку,
То это не так уж и мало.
Гордись осознанием, что на веку
Кого-то и ты озаряла.

Ты мне сказала в прошлый раз,
В наш незабвенный вечер:
"Я нынче вдоволь напилась
Тебя на этой встрече..."
А я себя не узнаю,
Мне нечем похвалиться.
А я тебя все пью и пью
И не могу напиться.

Раскрасневшись от мороза,
Вся ты огненной была.
От мороза и береза
Раскаплась добела.
Ты костром своим незримо
Подожгла меня в упор.
И слились неразделимо
Два костра в один костер.

Лягу ли в постель, иль утром встану,
Иль сижу за письменным столом,
Повторяет сердце неустанно
О тебе единственный псалом.
И душа невольно замирает,
Ощущая нежную теплынь:
"Милая. Любимая. Родная.
Золотая. Солнышко... Аминь!"

Прочел приятель эти письма
И задает мне странные вопросы:
"А кто ОНА? Да и была ль ОНА?
ОНА тобою выдумана просто!"
И доказать ему, и объяснить,
И на вопрос ответить не смогу я.
Ну разве мог тебя я сочинить?
Ну разве можно выдумать такую?

**Дмитрий
СМОЛЬНИКОВ**

ПРИКЛЮЧЕНИЯ БЕГЛОГО ИЗУГРАФА

Отрывок из второй книги исторического
романа «Бунташный век»

Изуграф Никанор Сажин был еще полон сил и о кончине не помышлял. Но вскоре после возвращения в родное село почувствовал недомогание. День ото дня его состояние постепенно ухудшалось. Через несколько дней он слег в постель и ослаб настолько, что встать мог только с посторонней помощью.

- Видно, все исполнил я на этом свете, - сказал он с горечью своей сестре, укрывавшей его в теплую летнюю пору от озноба стеганым, сшитым из лоскутков, одеялом. - Похоже, Господь призывает меня к себе. Пора, сестра, звать духовника.

Прибывший к нему местный священник застал его еще живого, а вскоре после свершения таинства Никанор испустил дух. Скончался он тихо, спокойно, будто уснул. Погребли его в березовой роще на берегу Волги, вблизи от того места, на котором по его завещанию и на его же средства вскоре был возведен странноприимный дом.

Прибывшие туда монахи, с которыми приплыл и Степан, взяв на себя всю заботу о доме, добавили к этим заботам и обязанности обслуги. Не мешкая, по-хозяйски устроились сами, приютили и первых странников, прослышавших о новостройке.

Несколько дней провёл среди них и Степан. Будучи там, он каждый день навещал могилу своего незабвенного учителя. Обливаясь слезами, он всякий раз просил у него прощения за свои прегрешения, а также за то, что не последовал совету своего старого друга и ушел от него в свое родное село, а больше за то, что отступился его выученик от дела, которому выучил его наставник.

«Будь я рядом с тобою, - обращался Степан к земляному холмику, уже успевшему слегка подернуться зеленой травой, - этого со мною никогда бы не случилось». Вволю выплакавшись над дорогой для него могилой, он возвращался к монахам.

Прожив так несколько дней в странноприимном доме, Степан почувствовал вдруг непреодолимую тягу к родному краю. С особой болью в душе думал о Насте. Он сознавал, встретиться с нею просто так ему не суждено. В то же время он был полон надежд, что если хорошенько поразмыслить, то можно сделать что-то такое, что позволит им не только повидаться, но даже и соединить свои судьбы. Как это могло про-

изойти, он не представлял, однако уверовал в это твердо. Это же подсказывал ему и нажитый горький опыт.

С этими мыслями и отправился Степан в обратный путь. Где водно, где пешим ходом брел он со своими думами и с уже основательно потертой временем подорожной, выданной ему когда-то в Заречном монастыре, хотя за все время пути в Верхневольжье никто ни разу его не остановил и не спросил, кто он и куда держит путь. Надо сказать, что и спрашивать его особенно было некому. Край был до основания разрушен, встречавшиеся на его пути селения были большей частью сожжены, сохранившиеся дома обветшали и были пусты. Изредка же встречавшимся жителям не было дела до какого-то прохожего, им хватало и своих забот, и на проходившего мимо странника особенного внимания никто не обращал.

Вид разрушенной и разграбленной земли приводил Степана в неизъяснимое уныние, отзывался болью в его сердце. Хотя все это для него не было ново, все это он уже видел, идя в верховья Волги, но привыкнуть и не замечать было выше человеческих сил. Его родная Калиновка и весь родной край, который судьба пощадила, в сравнении с тем, что довелось ему увидеть, казались ему сущим земным раем. Хотелось поскорее миновать эту обезлюдевшую землю и оказаться поближе к родным и близким, где есть жизнь и свои радости.

Однако возвратиться в родные края так, как он рассчитывал, ему не было суждено. В пути Степану повстречался человек, который смутил его душу и спутал все планы. И с надеждой на скорую встречу с Настей ему пришлось распрощаться.

Торговый человек Селиверст Скрыга и в мыслях не мог допустить, чтобы изменить делу, унаследованному от отца. Да что там отец, с незапамятных времен его предки вели торги.

Стояло их большое село на бойком месте. Река, озеро, четыре отходящие от села дороги-паутинки - что же еще нужно для смысленных да расторопных торговых людей.

Торговали всем, чем могли: от вина до рядна. А про рыбу и говорить неча - в рыбном краю ее не обойдешь, не объедешь. И животишки нажили немалые.

Разное про них толмили в округе. Больше же говорили про их ненасытную жадность. То-то и пристало к ним как липучка, как брошенный кем-то на ветру репей это обидное слово:

«Скряги». Вцепилось в них словно клещ, и не было той силы, что бы помогла отделаться от унижающего ненавистного прозвища. А что поделаешь? С молвой не поспоришь. Она всегда права. Люди зря не скажут.

Правда, отец Селиверста Афоня вроде был не из их колена. Торговат был, любил и привечать гостей, и сам гостевья не избегал. И на деньги не был скуп. Мыслил по-своему: скупой богач - беднее любого нищего. Словом, жил на широкую ногу. И денежкой все сорил, что в своем доме, что на чужом подворье.

Иное дело - дед Харламий. Суший был скряга. Ему, бывало, намекнут на общинном сходе: «Харламий, не поскупись! Выделил бы ты на нужды общества от своего достатка хоть малую толику, ить у дающего рука не отсохнет». А он глянет этак исподлобья и процедит, будто обольет холодной водой: «И не дам, так не отболит». «Напрасно скупись, Харламий, - скажут ему в ответ, - аль забыл: в рай святой милостыней входят». А он стиснет зубы и начнет ими скрежетать. На том все и кончалось. Не зря, видно, про него слушок прошел, будто у него от жадности зубы искры источали.

Афоне же, беспутному сыну, от Харлампия хоть и не очень, а попадало. Не раз отчитывал его отец да приструнивал. Бывало и прибывал. А то возьмется вдруг увещевать непутевого сына добром. «Афоня, - напомним ему отец, - ить мне скоро помирать. Гляди-ко, сколь нажито добра. А сколь в него силушки вложено - и не счесть. Боюсь я за тебя. Останешься один - сгинешь. И вот этого мальчика - своего сына Селиверстушку по мирупустишь. Денежка-то, она, свет мой, круглая, покатающаяся. И не узришь, как из рук выскользнет, только ты ее и видал. Станешь нищим. А на бедного и кадило чадит. Худо тебе будет после такого достатка. Живи с прибытком, Христом Богом тебя умоляю. Будь деньгам хозяин, а не слугою у них».

Афоня от таких отцовских слов насупится, ответит: «Добро, батя. Не печалуйся, как велишь, так и будет». Однако потом Афоня опять за свое.

Посмотрит, посмотрит на него после этого отец, плюнет и скажет с досадой: «Дурак ты, Афоня, с тобою говорить, что в стену горох лепить».

Так и спустил бы все после смерти отца Афоня, да спасла Селиверста от неминуемой суммы скорая и внезапная отцовская кончина. Став хозяином всех нажитых богатств, Селиверст за

дело взялся резво. Нрава он был бойкого и веселого. И дело у него не шло, а прямо-таки катилось - легко и свободно, будто само собою, только успевай за ним присматривать до подправлять.

До сорока годов дожил Селиверст, нажитого до него не растерял, а сберег и немалую прибавку к нему учинил. Двоих сыновей своих тоже к делу приставил. А как только который из них входил в возраст и обзаводился собственной семьей, отец тут же наделял его капиталом и велел вести свое дело отдельно, ибо считал: под отцовской рукою ему не развернуться, так как он не более, чем спутанный конь далеко не уйдет.

Особливо же гордился он своим младшеньким, Иваном, про которого не раз говаривал матери, что этот, если захочет, то и с камня лык надерет.

И жить бы Селиверсту да радоваться вместе с супружницей, гляючи на разумных да расторопных сыновей и появившихся внучат. Да вот незадача: с некоторых пор начало ему грезиться, будто весь ответ за несправедливо нажитое богатство как старшими из их рода, так и младшими ляжет на него, на Селиверста, сына беспутного Афони. А еще был ему вещий сон. Будто бы пригрозил ему во сне один старец, сказавши: если ты, Селиверст, сын Афони по прозвищу Скряга, не раздашь бедным нажитое серебро, а сам не оставишь свое торговое дело и не станешь служить всевышнему, тебе уготованы вечные муки.

Пробудившись среди ночи с испариной на лбу, Селиверст до самого утра ломал голову над тем, как ему поступить после такого видения, прикидывая в уме и так и этак. Сон-то не шуточный, от него не отмахнешься. Это определенно божий промысел.

День с утра выдался серый, тусклый, точно так же было и на душе Селиверста - безрадостно и тоскливо. К полудню же небосвод очистился, выглянуло дневное светило. И Селиверста разом осенило: с серебром поступлю, как велено, сам же отправлюсь обличать неправду. Ибо многие, забыв имя Господнее, живут в разладе со своей совестью. Наставлять же их некому. И свою душу надо очистить от грехов, по писанию с года на год должен наступить конец света.

Уединившись, взял он лист бумаги, перо с чернилами и со

слезами на глазах написал своей разлюбленной о своем твердом намерении, прося не судить его строго за такой поступок, ибо не от него это исходит, а веление свыше. Сыновьям же своим приписал, чтобы заботились о матери и не покидали ее до последнего вздоха.

Как написал, так и поступил. Надев самые ветхие порты, Селиверст, стоя на коленях, долго молился на образа, шептал небесному владыке шедшие из самых сокровенных глубин его души молитвы. Когда же закончил обращение к богу, захватив с собою наличное серебро, покинул родное гнездо. Серебришко оказалось увесистым, в руках не унести, пришлось погрузить его в телегу. С ним и уехал.

Всю весну странствовал он по ближней и дальней округе, наделял своим богатством бедных, увечных и нищих. По мере того, как его казна опустошалась, Селиверст не скорбел, а напротив, все больше и больше умилялся душою. Когда же выпустил из рук последнюю полушку, так облегченно вздохнул, будто свалил с плеч огромную глыбу. Вскоре он распросился и с конем, отдал бедному безлошадному мужику с кучей ребят. Этот мужик долго упорствовал, не принимал этот дар, говоря, что у него нет денег, чтобы уплатить за коня. Брать же без платы не решался, опасаясь, что за этим даром кроется какой-то подвох. Селиверст был вынужден выложить ему всю правду. Лишь после этого мужик согласился облагодетельствовать дарителя и взял коня.

Оставшись ни с чем, Селиверст оглядел себя. Обросший, немый, в истрепанных портах, прохудившихся сапогах, но с твердым намерением служить Богу отправился он в добровольное мученическое странствие, возложив на себя крест Христа ради юродивого.

За семь долгих лет своих хождений по миру он так втянулся в свою новую роль, что ходу назад не только не мыслил, но и о своей прежней жизни перестал вспоминать.

Босой, чуть прикрытый кое-какими лохмотьями, часто голодный, без своего пристанища, он смело вторгался в чужую жизнь, показывая людям, кем бы они ни были - богатыми или нищими - их пороки и грозя отступникам от божьих заповедей небесными карами. Он не раз был гоним, а то и бит за свои дерзкие выходки, но сносил все это как заслуженную награду.

С юродивым Селиверстом беглый изуграф Степан Бочкарев встретился случайно, в дороге. Шагая как-то по бойкому в прежние годы, а теперь запустевшему большаку, он увидел впереди, за поворотом дороги шагах в ста от себя почти обнаженного человека. По виду это был мужик, взрослый, шагал неторопливо.

Встреча с этим загадочным существом для Степана была почему-то нежелательна. Он сбавил шаг, но тем не менее, расстояние между ними постепенно сокращалось. «Не останавливаться же из-за него», - подумал Степан и пошел быстрее. Прошло немного времени, и он догнал этого странника. Подойдя к нему почти вплотную, он разглядел его более пристально. Этот человек был бос, с обнаженной головой, из одежды на нем была лишь набедренная повязка из грязной тряпки. А в правой руке он держал суковатую палку, которую переставлял с каждым шагом. Его спина, шея, руки и ноги были изрядно обожжены солнцем.

Решив, что перед ним какой-то ненормальный, Степан ускорил шаг, чтобы обойти его. Едва они поравнялись, как Степан неожиданно услышал:

- Знай нас плешивых, объезжай шелудивых!

Степан невольно повернулся в сторону этого человека. Они встретились глазами. Парня удивил его взгляд - умный, пронзительный, чуть насмешливый. У ненормальных такого не увидишь. Невольно ему поклонился.

- Далече путь держишь, отрок? - спросил уже без всякой иронии Селиверст, разглядывая своего неожиданного попутчика.

- Иду в родную сторону, - ответил Степан.

- И кости по родине плачут, не токмо живой человек. А иди-то далече?

- Очень далеко.

- Пойдем вместе. В дороге, сказывают люди, и ворога назовешь родным отцом.

Степана явно не устраивала такая компания. Но делать было нечего, и они зашагали почти рядом.

Некоторое время шли молча. Степана так и подмывало узнать, что это за человек. Но он все сдерживался. Первым заговорил его попутчик:

- И я вот об этом все томлю, - начал он, будто продолжая

прерванный разговор, - тихости и кротости в людях не стало. И больших, и малых, и старых, и молодых одолевают дьявольские прелести. Все норовят наследить землю, все чего-то хотят, чего-то ищут. А чего - и сами не ведают. Молодые отроки вроде тебя, хотящие вкусить райской пищи, вместо того, чтобы петь хвалу Богу, покидают отчий дом, отца с матерью и бродят как неприкаянные по белу свету. Находят лишь семена плевел. Жизнь летит мимо них. А ить Господь создал человека для радости. А тебя как звать, отрок? - закончил он неожиданным вопросом.

- Степаном, - ответил его попутчик.

- А меня в младенчестве нарекли Селиверстом. Теперь же кличут, кто как вздумает: кто дурачком, а иные юродивым.

Так, продолжая идти вместе, они мало-помалу разговорились. Степану, видевшему юродивого так близко, а тем более говорившему с ним, не терпелось узнать, как и почему этот с виду вполне нормальный, здоровый человек вдруг встал на такой путь. На это его попутчик пояснил:

- Мир совсем погряз в грехах. Лживых богов за творцов почитают. Змий приблизился к раю. Надо спасать мир. Служить Всеблагому отцу, попрасть лживого змия, прямить души людей, помогать страждущим исцеляться. Я без меры польщен тем, что господь приблизил меня к себе, удостоил встать на эту стезю.

От этих слов юродивого Степану стало неприятно. Ему показалось, будто все, о чем говорил его попутчик, он говорил именно про него. Это он, Степан, решивши еще с давних пор служить Всевышнему, погряз в своих грехах и служит богу лживому, почитая его за творца.

Степан был молод, неопытен и еще не научился скрывать своих мыслей и чувств от посторонних. И то и другое четко обозначились на его лице.

Проницательный взгляд юродивого уловил некоторую растерянность, охватившую его попутчика. Он решил, что у парня на душе не все ладно. Желая проверить свои предположения, Селиверст остановился, взял Степана за руку и, глядя ему в глаза, продолжал:

- Но Всеблагий отец ведает все, что творят человеки на земле. И никто не скроет кривду, выдавая ее за правду. На таких Всевышний ниспошлет свой праведный гнев, и никакая дьявольская рать не упасет криводушных от кары Господней. По де-

лам всякого да будет! Кипеть им веки вечные в геене огненной аки волци воюще.

В прошлом Степану приходилось не раз слышать подобное. Не по-настоящему, в полном значении такие слова до него не доходили, как к примеру, не доходят слова взрослых до детей о том, что все люди смертны, и они тоже когда-то умрут. Степан никогда не считал себя богоотступником, а тем более служителем бога лживого, поэтому подобные слова не оставляли в его сознании заметного следа. Ведь они относились к кому-то другому, но только не к нему. Теперь же сказанное юродивым повергло его в полное смятение. И было отчего. Степан ясно осознал свое истинное состояние и положение, в котором оказался. Он настоящий грешник против святой церкви, а значит и против самого Господа Бога, грешник, спасающийся от господней кары своим бегством. Но, как он понимал, если от мирского суда можно еще укрыться, то от кары господней не спасешься ничем. Господь все видит и все знает, до поры до времени терпит твои грехи, а там воздаст по делам твоим.

Усугублялось это чувство еще и тем, что его обличителем был не просто равный ему мирянин и даже не священнослужитель, а человек, отрешившийся от всех благ земного мира и возложивший на себя тяжкие вериги ради благой цели - спасения людей. Таких отверженных еще при жизни в народе почитают как пророков. Их слово - глас божий. Вот он, его обличитель и спаситель в одном лице. Нагой, обожженный солнцем пустыни, ничего для себя не желающий и не требующий, а лишь заботящийся о спасении Степана и таких, как он, погрязших в грехах своих. Его устами говорит сам Господь.

Глядя на Степана, юродивый безошибочно угадывал, какое воздействие произвели на того его слова. Будто читая мысли своего попутчика, Селиверст добавил:

- Ежели ты, отрок, не одумаешься и не станешь на истинный путь служения Господу, сия горькая чаша не минет и тебя.

- Но как я смогу служить Господу, если мне назад ходу нету?
- произнес, запинаясь Степан.

- Ты не то молвишь, отрок. Нет того греха, который Господь не простил бы. Надо только замолить его. И не только словами, молитвами, но и деяниями.

- О каких деяниях я могу помышлять, ежели живу в одиночестве и не смею возвратиться к людям?

- Ты можешь и должен жить среди людей, отрок. Пойдем

со мною. Ты не будешь больше бояться людей. Я научу тебя быть свободным от всех суетных забот мирских. У тебя не будет никаких мыслей, кроме одной - служение Всеблагому отцу. Ты сам станешь сосудом благодати и своею правдою будешь души прямить, души, погрязшие в грехах, да подавать страждущим исцеление.

- Мне это не можно, - робко возразил Степан.

- Отчего же?

- Я сего не достоин. За мною немалые вины против святой церкви.

- Ну-ка поведай мне про них!.. Но прежде давай сядем, передохнем.

Они выбрали место на траве в тени деревьев, сели. Степан сбивчиво, волнуясь, словно перед всевышним судьей, от которого все равно ничего не укроешь, рассказал все о своей жизни, ничего не утаив.

- Тебе остается только один путь, отрок, - со мною, - заключил Селиверст, когда Степан закончил свой рассказ.

- Неужто? - спросил с испугом Степан.

- Да, друг мой. Ежели ты узнаешь все о том, как я встал на сей путь и что из сего получил, ты поймешь, что лучшего пути для человека нет.

- Как же это произошло? Давно?

- Слушай, мой друг. Это было давно. На этот путь меня подвигнул сам Всевышний, - и Селиверст шаг за шагом поведал своему юному спутнику всю свою предыдущую жизнь, до самого последнего дня, до их встречи на большаке.

- И ты не жалеешь ни о чем? - спросил Степан, когда Селиверст умолк.

- Не токмо не жалею. Я самый счастливый человек на земле. И тебя зову вставь на этот путь. На этом пути ты познаешь истинную благодать и великую радость.

- Но я к этому не готов.

- Отчего же? Ты будешь всегда со мною. Я тебя всему научу.

Степан осмотрел своего попутчика - обнаженного, грязного, почерневшего от солнца и вздохнул.

- Смелее, мой друг. Начнем же. У тебя есть ножик?

- Есть. А на что он?

Степан развязал свой мешок, достал из него нож, подал юродивому.

- Сними-ка сапоги, - предложил Селиверст.

Степан, словно в каком-то тумане, послушно сдернул сапоги. Вскоре они, изрезанные усилиями юродивого, оказались заброшенными в лужу. Затем Селиверст отрезал правую штанину у Степана почти у самого верха. Вторую располосовал сверху донизу на несколько лоскутов.

- А теперь сними рубаху, - предложил Селиверст.

Степан также покорно стащил с себя рубаху. Селиверст изрезал и ее и в сторону, приговаривая: - Она тебе не спонадобится.

Увидев висевшую на шее Степана ладанку с плакун-травой, он спросил:

- А это что у тебя за подвеска?

- Этого не трожь, - решительным тоном ответил Степан и отвел руку Селиверста, готовую снять шнурочек с висевшей на нем подвеской.

- Добро. Пускай будет так.

Затем Селиверст, уже не спрашивая, забросил походный мешок Степана в кусты. Туда же бросил и нож.

- У меня же там краски и книги, - спохватился Степан.

Но Селиверст решил его успокоить:

- У тебя будут краски несравненные ни с какими красками. Книжки же тебе заменит сама жизнь. Не жалкуй. У тебя все будет. А теперь в дорогу.

Селиверст встал. Следом поднялся и Степан. Он оглядел себя. Ему было и совестно, и обидно за себя. Зачем он это сделал? Зачем позволил этому дурачку так одурачить себя? Что он натворил? Степан был готов расплакаться как ребенок. «Господи, - неволью пронеслось в голове, - научи уму-разуму своего несмышленища. Помоги мне вернуться к людям». Однако дело было сделано. Он пересилил себя, посмотрел на своего нового наставника и решил: будь что будет.

Селиверст понимал, что происходит в душе его молодого напарника и не торопил его.

- Что ж, пойдем, - предложил Степан и шагнул первым.

Располосованная штанина мешала идти, и Степан сам одну за другой оторвал полоски.

Долго шли молча. Селиверст тоже не беспокоил его разговорами, ждал, когда Степан хоть немного привыкнет к своему новому положению.

Пройдя так с версту, Степан повернулся к Селиверсту, спросил:

- Поясни мне, Селиверст, почему юродивые часто обнажаются?

Наедине с собою Селиверст размышлял об этом. Слышал на этот счет суждения и других. Однако говорить самому об этом ему не приходилось. К подобным рассуждениям он просто не был готов. В то же время, видя, что Степан ждет от него ответа, пояснил, как понимал это сам:

- Видишь ли, мой брат Степан, да-да, мы с сего часу с тобою братья, - начал он, подбирая слова, - самое даже ветхое одеяние застилает людям глаза. Они не замечают человека, больше взирают на его порты. А сам Господь заповедовал нам, его верным слугам, нести людям благо.

- Но благо можно нести и в одеянии? - возразил Степан. - Взять хоть священника, хоть доброго простого мирянина. Они все в портах, однако достойно служат добру.

- Но юродивые - это совсем иные люди. Мы должны иметь свободну душу. А без того, чтобы презирать свою плоть, это не можно. Только презирая свое тело, можно поиметь свободну душу.

- А как это понимать: свободну душу?

- Свободна душа, - продолжал уже более уверенно Селиверст, - не связана ни с телом, ни с портами. Ты не мыслишь, не печалишься об них. Мыслишь токмо о душе, о ее спасении. Мы несем в мир благо. Но какое благо мы понесем людям, одев сияющие или даже простые порты? Мы будем равными с ними. Благо же завсегда почиет на худшем. Оно противно телесной красоте. Телесная красота, брат Степан, исходит от дьявола, да-да, от дьявола, - продолжал он, как бы отвечая на вопрошающий взгляд своего младшего брата. - Приглядишься к миру, брат Степан. О чем мыслит человек с достатком? Только о своем богатстве. Разве может он иметь свободну душу? Сам Господь сказал: никто не может в одно время служить и Богу и богатству. А почему? Да только лишь из-за его несвободной души. Он и в божьей церкви взирает не на святых угодников, а на золотые оклады на образах и дорогое каменье. Мы с тобою в сем виде есть худшее. Мы презираем телесную плоть и имеем свободну душу. Это и есть сосуд благодати, брат Степан.

«Какой я сосуд благодати? - с тоской подумал о себе Степан, еще раз оглядывая себя. - Вот бы отец с матерью глянули, приняли бы за ненормального. А Настя? Увидя такое чудище, и близко бы ко мне не подошла. Нет, не по мне это все».

День клонился к вечеру, а юродивые все шли. Степана так опалило солнце, что начало болеть все тело. К тому же, хотелось есть. А вся провизия осталась в степановом мешке, заброшенном Селиверстом в кусты. Но больше всего переживал Степан за подорожную, тоже оставшуюся в мешке. Вспомнив об этой бумаге, Степан не раз порывался вернуться за нею. Но его старший брат отговаривал его, уверяя, что ему теперь никакая подорожная не понадобится, никто у него, пока он в таком виде и идет вместе с Селиверстом, никакой подорожной не спросит и его самого не тронет. К тому же, убеждал его Селиверст, вряд ли они найдут те кусты, куда был заброшен мешок.

В пути им встретились две деревеньки - безлюдные, полуразрушенные. К вечеру же они пришли в какое-то большое село. Миновав несколько изб, подошли к кабаку. Возле него стояли два мужика. Оба были навеселе. Увидев юродивых, мужики захохотали, стали тыкать в их сторону пальцами.

- Два дурачка, - произнес один, наклоняясь вперед и покачиваясь на ногах, - по чарочке не желаете?

Степан, глядя на них, молчал. Чувствовал он себя прескверно и даже был намерен без остановки проследовать дальше. Селиверст, напротив, остановился, плюнул несколько раз в сторону мужиков и, крестя их размашистыми крестами, забормotal что-то несвязное. Из отрывистых непонятных слов Степан понял лишь два слова: «Сгиньте, нечистые». Один мужик обиделся на это, стал ругаться на Селиверста:

- Куда это я должен сгинуть, дурацкая твоя рожа?

Другой мужик стал его увещевать, говоря, что с дурачками не стоит связываться. Селиверст же, повторив еще несколько раз эти два слова, не обращая на мужиков внимания, повернулся в сторону двери, ведущей в кабак, начал ее крестить и опять что-то бормотать. Подошли еще несколько человек. Появились мальчишки.

-Уродивые, уродивые! - кричали они наперебой. - Смотрите, двое. А другой-то дурачок совсем молоденький. Гляди, гляди, старшой-то кабак крестит.

-Не кабак он крестит, - поправила сказавшего эти слова бабка, вышедшая из избы, стоявшей напротив кабака, - а всякую нечисть из него изгоняет святым крестом, чтобы вы, окаянные питухи, пореже туда шастали.

Она подошла к Селиверсту, взяла его обожженную солнцем исхудавшую руку в обе свои руки и приложила к ней губами. После некоторого раздумья подошла к Степану, перекрестилась на него как на икону, говоря:

- Спаси ты Христос, - и тоже поцеловала ему руку.

Степану стало не по себе. Он сгорал от стыда. Его лицо и без того опаленное солнцем, покраснело так, что стало пунцовым. Он был готов убежать от этих людей и от Селиверста лишь бы не видеть того, что видели его глаза, а тем более не быть участником этого действа. А между тем, действие продолжалось. Из кабака один за другим стали выходить его посетители. На крыльце кабака появился целовальник. Окинув юродивых и собравшихся вокруг них людей недобрым взглядом, он закричал на юродивых:

- Вы зачем сюда приползли? Живо отсюда! Чтоб я больше вас тут не видел!

Степан отступил назад. Селиверст взял комочек земли и бросил его в целовальника. бормоча:

- Сгинь, кровопивец! Сгинь, сгинь, сгинь!

- Я вот те сгину! Кыш отседа! - и целовальник сделал в сторону Селиверста угрожающий выпад.

Но тот не сробел, начал что-то бормотать, будто тоже сердясь.

- Не тронь божьих людей, - вмешалась подошедшая молодая женщина, - лучше бы кусок хлеба им дал.

-Я им дам хлеба! - огрызнулся целовальник.

В это время из кабака вышел, еле держась на ногах, мужик и, обращаясь к целовальнику, произнес с запинкой:

- Ты ку-куда запро-запропастился-ся? Мы тебя ждем.

Целовальник зло посмотрел на юродивых и скрылся за дверью кабака.

Тем временем подошли еще жители села. Селиверст, обращаясь к людям и показывая на двери кабака, крикнул:

- Кровушку своих деток тут пьете! - и повернувшись к Степану, предложил, - Пойдем, брат Степан.

К Селиверсту подошла пожилая женщина, подала ему кусок хлеба, приговаривая:

- Возьми-ка, батюшка. Поешь, да своего братца попотчуй.

Селиверст взял хлеб, перекрестил женщину, затем показал на небо. Женщина ему низко поклонилась и отошла в сторону. Селиверст же подошел к Степану, взял его за руку, и они пошли.

Провожали их по-разному. Женщины крестили их вслед, пьяные мужики хихикали, трезвые смотрели сосредоточенно. Ребятишки бежали за ними, свистя и улюлюкая.

Так началась новая жизнь Степана. Селиверста словно магнитом тянуло к людям. При каждой встрече с ними он всегда находил повод для обличения кого-либо в тех или иных неправедных делах. Такие обличения для него нередко заканчивались стычками, а то и побоями.

В одном из сел юродивые оказались втянутыми в самый настоящий мужицкий бунт. Как им рассказали собравшиеся возле приказчиковой избы мужики, они долго терпели жестокость со стороны своего приказчика и непомерные псборы. Но в конце концов они не выдержали, собравшись однажды возле его избы, решили с ним расправиться. Но перед этим они все-таки решили его урезонить. Они долго кричали возле его избы, требуя, чтобы он вышел к народу и выслушал мужиков. Приказчик же закрылся в избе и не выходил.

Юродивые появились в селе в самый разгар состязания мужиков с неподатливым приказчиком. Их появление сразу прибавило сил и решимости наступавшей стороне. Мужики еще пуще закричали, начали колотить в дверь палками, требуя, чтобы хозяин открыл дверь и вышел к людям. Но все было тщетно. Приказчик крепко засел в своей норе и не намерен был выходить.

Видя, что так просто им с приказчиком не сладить, кто-то из наиболее ретивых мужиков предложил выкурить его огнем. Тут же нашлись помощники. Притащили соломы и подпалили ее перед самым оконцем приказчиковой избы. Это возымело свое действие, открылась дверь избы и на пороге появился приказчик. Весь вид его говорил, что уступать мужикам он не на-

мерен. Больше того, он начал угрожать, что за бунт, а тем более за намерение сжечь его, они ответят перед властями.

Угроза подействовала. Кое-кто из мужиков по-настоящему оробел, многие отступили на задний план. Двое мужиков начали даже тушить горевшую солому. И неизвестно, чем бы кончилось это противостояние, не вступись за мужиков Селиверст.

Не долго раздумывая, он набрал с земли горсть свежего коровьего помету и, протиснувшись вперед, протянув руку с пометом в сторону приказчика, крикнул:

- Вот ты кто!

Затем бросил помет на землю, растоптал его ногами и добавил:

- Блудный Вавилон пал, падешь и ты. Жить тебе осталось три дня! - и плюнул трижды на то место, которое только что топтал ногами, после чего повернулся и пошел прочь.

Никто не ожидал того, что затем произошло. Приказчик сразу изменился в лице, побледнел, сбежал с крыльца и забежав вперед Селиверста, упал перед ним на колени и, запинаясь, произнес:

- Батюшка, прости за глупости, сними заклятие, все исполню, что велишь...

Селиверст презрительно глянул на стоявшего перед ним на коленях человека, процедил, указывая рукой на мужиков:

- У них, у них прощения проси, - и подойдя к Степану, добавил. - Пойдем, брат Степан.

Опомнившиеся мужики снимали колпаки, кланялись Селиверсту, громко благодарили.

Больше месяца странствуют юродивые по округе. Степан уже освоился со своим новым положением, не стыдился людей, не сердился на своего старшего брата. Он стал за собою замечать, что обретает душевное спокойствие, перестал бояться людей. Будучи во всем требовательным к себе, он и к своей новой роли относился вполне серьезно, показывая себя с самой наилучшей стороны. Благо, ему было с кого брать пример. Он уже умел также, как и его старший брат несвязно бормотать, плевать, бросать комья грязи и даже пытался обличать тех, кто по его представлению этого заслуживал. Нередко от обличаемых доставалось и ему. Селиверст учил

его безропотно сносить все, что выпадало на его долю, не замечать боли, а напротив, принимать от людей побои с радостью и беззлобием как знак того, что его слова достигали человеческих сердец.

Как и его старший брат, Степан по несколько дней кряду мог довольствоваться небольшой хлебной корочкой. Когда донимала жажда, пил из любой лужи, встав перед нею на четвереньки и, перекрестив воду, как это делал Селиверст. Словом, молодость, положение, в котором он оказался, его впечатлительная натура и постоянный пример старшего брата круто его меняли. Он реже вспоминал о Насте, еще реже о родном доме и своем прошлом. Страх перед церковью и властями постепенно притуплялся. Казалось, еще немного, и Степан преобразится до неузнаваемости.

Ловя себя в то же время иногда на этой мысли, Степан и радовался этому и огорчался. Душевное спокойствие, которое он обрел после пережитого, иногда даже раздражало его. Порою он вдруг ярко представлял свое прошлое, свою семью, отца с матерью, сестру Глашу, Мишутку, брата Колю, безвинно страдавшего где-то за его вины, а главное - Настю. Его стало пугать наметившееся его отчуждение от мира и людей, с которыми его связывало все пережитое. Висевшая на шнурочке ладанка с плакун-травой была вещественным олицетворением всего этого пережитого прошлого и воскрешала его в памяти еще ярче.

Были и такие минуты, когда он был готов даже оставить Селиверста и шагнуть в будущее, пусть и нелегкое, в одиночку. Но далее мечтаний дело не шло. Такое было ему не по силам. Останавливало многое, но в первую очередь мысль о безвозвратно утраченной подорожной. Начала сказываться и его привязанность к Селиверсту. Слишком велико было его влияние на младшего брата. Постоянно находясь с ним, Степан открывал у него такие качества, которыми сам не обладал. Особенно изумлялся он его терпению. Нередко Селиверст сознательно отказывался от пищи, отдавая Степану последнее из того, что им удавалось занять в качестве подаяния. Ставшими холодать ночами Селиверст, как мог, укрывал Степана, оставаясь сам в любую погоду почти в обнаженном виде под открытым небом. Ни дождь, ни ветер не могли заставить его пойти в какое-либо укрытие.

А между тем наступала осень. В одну из особенно холод-

ных ночей, они, как это часто с ними случалось, оказались в пути. Дул неприятный встречный ветер, в лицо сыпал мелкий осенний дождь, которому, казалось, не будет конца. А они, почти обнаженные, в положении, гораздо худшем, чем бездомные бродяги, шли и шли. Шли молча, шлепая босыми ногами по раскисшей дороге. И никто из них не мог сказать, найдут они в эту ночь пристанище возле человеческого жилья или опять придется коротать ночь в лесу под деревьями. Если им посчастливится, то какой-либо сердобольный мужик сжалится над их страданиями, откроет им калитку и пустит незадачливых путников в избу, где они смогут обсушиться и обогреться, а может, даст им по ломтю хлеба или, что выше человеческого счастья, посадит их за стол и нальет им чашку горячих щей.

Об этом мечтал Степан. Селиверст безошибочно читал мысли своего младшего брата. Желая отвлечь его от таких дум, он пытался рассказывать ему разные истории из своей нелегкой жизни юродивого. Но Степан был ко всему безразличен и, казалось, ни на что не реагировал.

- Ты что молчишь, брат Степан? Или тебя ничто не радует? - повернул к нему свое мокрое лицо Селиверст.

- Чему радоваться? - возразил младший брат, простирая руку в ночную тьму. - Этому что ли?

- Да-да, ты прав, - ответил Селиверст. - Если это и радует, то не настолько, чтобы все это замечать.

- Что-то я тебя не пойму, мой старший брат. Неужели ты находишь в этом хоть малую толику радости?

- Господь заповедовал каждому из нас нести свой крест и радоваться ему, каким бы тяжким он ни был.

- Но Господь искупил своей жертвой грехи всех людей, - возразил раздраженный Степан, - к чему людям мучить себя?

- Едак оно, брат Степан. Господь принес себя в жертву за грехи всех людей и сделал это с радостью. Однако же Господь не заповедовал своим земным чадам идти по его стезе. Чем большие муки мы примем на своем пути, тем угоднее будем Создателю. Принимать же эти муки нужно с радостью и беззлостью. Только тогда ты испытаешь совершенную радость.

- А тебе приходилось испытывать такую радость?

Селиверст пытался что-то сказать, но сильный порыв ветра остановил его, и они пошли молча.

На землю опустилась ночь. Стало совсем темно. Усилился ветер. Мелкий надоедливый дождь сыпал и сыпал свои бесконечные капли, словно из сита. А они все шли. Долго шли молча, не проронив ни слова.

Неожиданно в ночной темноте впереди замаячило что-то похожее на строение. Степан сразу воспрял духом. Он уже представил как они обогрются и обсушатся в тепле, может им дадут и поесть.

Подойдя ближе, в темноте разглядели, что это было большое жилое строение. Дом был огорожен высоким забором. Ворота были на запоре. В глубине двора залаяла собака.

Селиверст начал стучать в калитку своей палкой, сначала робко, затем все сильнее и сильнее. Прошло немало времени пока из-за ворот не донеслось:

- Кто там?

- Пустите на ночлег, - почти одновременно прокричали оба путника.

- Не беспокойте честных людей, ступайте прочь.

Однако юродивые не отступали. Говорили про холод, про дождь, что они голодные, что у них нет своего пристанища. Но тот, за воротами был непреклонен.

- Сказано, ступайте отселева. Тут для вас места нету.

Потолкавшись некоторое время у ворот, поняв, что здесь их не ждали, путники отправились дальше.

Некоторое время шли молча. И хотя ветер и дождь были такими же, как и час назад, Степану казалось, что все переменялось к худшему. Все его раздражало, даже обычное молчание Селиверста казалось ему невыносимым. Ему хотелось хоть как-то досадить своему старшему брату за все лишения, которые он испытывал. Наконец, он с откровенной издевкой в голосе спросил:

- Не в этом ли есть совершенная радость, мой брат?

- Ты намекаешь на поворот от ворот?

- Именно, - ответил Степан.

- Нет, мой дорогой брат. В этом особой радости нету. Что мы испытали с тобою возле этого жилища, чтобы возвыситься в собственных глазах?

- В чем же тогда, по-твоему, совершенная радость? - уже вполне серьезно спросил Степан.

- Пойдем со мною, мой брат, - предложил Селиверст.

Он взял Степана за руку и повернул в обратную сторону.

- Куда мы идем? Ты надеешься, что они нас впустят?

- Пойдем, пойдем.

Вскоре они снова подошли к тем же самым воротам. Селиверст изо всех сил начал колотить палкой. На шум из ворот выскочили несколько человек. Увидев двух бродяг, они набросились на них, не дав им сказать ни слова. Степан успел убежать в темноте подальше от ворот, Селиверст же напротив остался с ними один на один, приняв на себя весь их гнев. Люди набросились на него и начали отбивать его дубинами, с которыми выскочили из ворот. Селиверст не сопротивлялся, не старался защититься или убежать, будто наносимые удары доставляли ему удовольствие. Решив, видимо, что они основательно отделали непрошенных гостей, хозяева дома ушли, наглухо закрыв за собою запоры.

- Может ты в этом видишь особую радость, мой брат? - спросил с откровенной издевкой Степан, когда они удалились от неприветливого жилья на почтительное расстояние.

- Да, мой брат Степан. Сие жилище дает нам повод лишний раз возрадоваться. Суть не в том, что нам не отверзли ворота обитатели и даже поколотили, хотя мы ни в чем перед этими людьми неповинны, а в том, брат мой, что мы принимаем все это с беззлобием к сим людям и великой радостью.

- Почему же с беззлобием? Они так тебя поколотили, а мы должны радоваться этому.

- Сей случай, мой брат, позволяет нам явить силу своего духа и стать выше мелочных обид. Так заповедовал нам сам Господь. Люби человеков, какими они есть. Все свои силы устремляй на радость другим, указуй людям путь к добру, ибо добро никакая ржа не ест. К себе же безжалостным будь. Свои земные помыслы позабудь. Но не дай зачерстветь своему сердцу. В нем должен светиться огонь, устремленный к Всевышнему. Веруй в Господа и заповеданное им. И ты возвысишься над всем и вся. И тогда Господь явит свой первый луч света нам с тобою, мой брат Степан. В этом и есть самая великая радость, мой брат.

Сказавши эти слова, Селиверст остановился.

- погоди, мой брат, дай перевести дух. Что-то мне неможется, - произнес он ослабевшим голосом. - Может присядем?

- Пойдем под крышу, - предложил Степан и, взяв его за руку, повел его под видневшиеся в темноте деревья.

Утро следующего дня выдалось солнечное и по-осеннему теплое. Лишь сырая земля говорила о разгулявшейся накануне непогоде.

Селиверст, просыпавшийся по обыкновению с первыми лучами солнца, на этот раз своему правилу изменил. Степан встал первым. В ожидании, когда проснется его старший брат, прошёлся по дороге. К своему удивлению увидел совсем недалеко стены какой-то ограды. Приблизившись, понял, что это был монастырь. Обрадованный таким соседством, побежал к Селиверсту. Но тот все еще спал. Степан решил разбудить его. Но это ему не удалось. Его старший брат спал вечным сном. Блаженная улыбка навсегда застыла на лице Христа ради юродивого Селиверста.

МЕЛЕКЕССКИЕ АМЫ

На 301-м году существования в этом мире нашего Мелекесса-Димитровграда мы вновь и вновь убеждаемся, что наш Причеремшанский край славен своими красавицами-дивами. Прелестницы всегда были, есть и будут венчать торжество нашей жизни. Редакция журнала решила воскресить для своих читателей незабываемые облики мелекесских красавиц прошлого и настоящего. Мы прекрасно понимаем, что 301 год назад в нашем поселении не могло быть не только фотографов, но и художников, потому представление мелекессянок мы начнем с конца прошлого – начала нынешнего, XX века и надеемся продолжить эти публикации в веке XXI-м. Мы приглашаем всех, у кого в домашних фотоархивах сохранились фотографические образы наших неповторимых по красоте землячек, поделиться ими с редакцией, а со своей стороны обещаем на страницах журнала опубликовать их. В сегодняшнем фотокаталоге использованы работы фотохудожников В.Пчелинцева, В.Зиновьева и безвестных мастеров прошлого.

Панночка Авдеева - выпускница Мелекесской женской гимназии 1916 года. Снимок начала века.

Наша современница - димитровградка Наташа...

На верхнем снимке: так выглядели наши мамы и бабушки в 30-е годы. На снимке справа: а так выглядят димитровградки Лена и Наташа, представляющие на пленэре купальники в стиле «модерн». На снимке внизу: топ-модель из ЦКиД «Восход» Татьяна.

**В нашем Мелекесе
всем известна
популярная артистка,
исполнительница русских
народных песен Тамара
Кулябина.**

**А это студентка экономического
факультета Ульяновского
университета димитровградка
Надежда.**

**На снимке справа:
фотохудожнику
позирует еще одна
современная дива -
жительница Новой
Майны Татьяна.**

Храни нас
сень Святого
Православного Креста

МАЙ-ИЮНЬ
1999 **5-6**

литературно-художественный
и краеведческий журнал